

THE BEST OF

ОДНАЖДЫ
НА КРАЮ
МАЙКА
СУЭНВУК

18+

Майкл Суэнвик

**Однажды на краю
времени (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

2008

Суэнвик М.

Однажды на краю времени (сборник) / М. Суэнвик — «Азбука-Аттикус», 2008

С восьмидесятых годов практически любое произведение Майкла Суэнвика становится событием в фантастической литературе. Твердая научная фантастика, фэнтези, киберпанк – на любом из этих направлений писатель демонстрирует мастерство подлинного художника, никогда не обманывая ожиданий читателя. Это всегда яркая, сильная и смелая проза, всякий раз открывающая новые возможности жанра. Надо думать, каминная полка писателя уже прогнулась под тяжестью наград: его произведения завоевали все самые престижные премии: «Небьюла», «Хьюго», Всемирная премия фэнтези, Мемориальные премии Теодора Старджона и Джона Кемпбелла, премии журналов «Азимов», «Локус», «Аналог», «Science Fiction Chronicle». Рассказы, представленные в настоящей антологии, – подлинные жемчужины, отмеченные наградами, снискавшие признание читателей и критиков, но, пожалуй, самое главное то, что они выбраны самим автором, поскольку являются предметом его законной гордости и источником истинного наслаждения для ценителей хорошей фантастики.

Содержание

Предисловие автора	6
Празднество святой Дженис	10
Гинунгагап	31
Троянский конь	54
Зимняя сказка	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Майкл Суэнвик

Однажды на краю времени (сборник)

The Best of Michael Swanwick. Copyright © 2008 by Michael Swanwick
“Introduction” Copyright © 2008 by Michael Swanwick
“The Feast of Saint Janis” Copyright © 1980 by Michael Swanwick
“Ginungagap” Copyright © 1980 by Michael Swanwick
“Trojan Horse” Copyright © 1984 by Michael Swanwick
“A Midwinter’s Tale” Copyright © 1988 by Michael Swanwick
“The Edge of the World” Copyright © 1989 by Michael Swanwick
“Griffi n’s Egg” Copyright © 1991 by Michael Swanwick
“The Changeling’s Tale” Copyright © 1994 by Michael Swanwick
“North of Diddy-Wah-Diddy” Copyright © 1995 by Michael Swanwick
“Radio Waves” Copyright © 1995 by Michael Swanwick
“The Dead” Copyright © 1996 by Michael Swanwick
“Mother Grasshopper” Copyright © 1997 by Michael Swanwick
“Radiant Doors” Copyright © 1998 by Michael Swanwick
“The Very Pulse of the Machine” Copyright © 1998 by Michael Swanwick
“Wild Minds” Copyright © 1998 by Michael Swanwick
“Scherzo with Tyrannosaur” Copyright © 1999 by Michael Swanwick
“The Raggle Taggle Gipsy-O” Copyright © 2000 by Michael Swanwick
“The Dog Said Bow-Wow” Copyright © 2001 by Michael Swanwick
“Slow Life” Copyright © 2002 by Michael Swanwick
“Legions in Time” Copyright © 2003 by Michael Swanwick
“Triceratops Summer” Copyright © 2006 by Michael Swanwick
All rights reserved

© Е. Зайцев, перевод, 2015
© Д. Кальницкая, перевод, 2015
© И. Колесникова, перевод, 2015
© А. Комаринец, перевод, 2015
© Е. Королева, перевод, 2015
© Н. Кудрявцев, перевод, 2015
© В. Кулагина-Ярцева, перевод, 2015
© Н. Магнат, перевод, 2015
© Ю. Мининберг, перевод, 2015
© Т. Перцева, перевод, 2015
© С. Силакова, перевод, 2015
© Г. Соловьева, перевод, 2015
© Ж. Терехина, перевод, 2015
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Предисловие автора

Однажды осенним днем полжизни тому назад я заглянул в гости к своему другу Джеку Данну, жившему в Бингемтоне, штат Нью-Йорк. Это случилось задолго до того, как он переехал в Австралию. В тот день, пребывая в хмуром настроении, он обвел рукой длинные полки, заставленные экземплярами всех тех книг, что он когда-либо написал, и сборников, в которых выходили его рассказы. Его работы занимали добрую половину стены.

– Много лет назад, – сказал он, – я побывал в гостях у Энн Маккеффри... Это было еще до того, как она уехала в Ирландию. Меня восхитило собрание ее книг. А она ответила, что рано или поздно и у меня появятся точно такие же полки, которые станут мерилom моей жизни. Это случится и с тобой, – добавил Джек. – Они похожи на часы, неуклонно отсчитывающие дни.

Тогда пророчество Джека показалось мне одновременно чарующим и пугающим, словно одна из сказок «Тысячи и одной ночи».

У меня и в самом деле появились такие полки, и, бросая на них взгляд, я чувствую, как в спину мне смотрит вся моя жизнь. Вот стоят «Праздник святой Дженис» и «Гинунгап», ставшие не просто первыми моими опубликованными рассказами, но и единственными напечатанными вплоть до того счастливого дня на излете 1980-го, когда я женился на Мэриэнн Портер. На следующий год мне сопутствовала удача, и обе истории попали на конкурс премии «Небьюла»... но еще больше мне повезло, когда они не взяли награду. Я знал авторов, кому вот так, наскоком удавалось взять этот важный приз, и после этого они жили только ради новых наград. Каждый год, когда им не удавалось победить, приводил их в уныние и казался бесцельно прожитым.

Победа – это еще не все, а порой в ней и вовсе нет никакого смысла.

Корни «Троянского коня» уходят в мое детство. Отец работал конструктором в воздушно-космической дивизии «Дженерал электрик» и частенько приносил домой совершенно восхитительные брошюры. Как-то раз он подарил мне художественный эскиз того, как должна выглядеть лунная база «Дженерал электрик». Это был вид внутренней поверхности кратера, накрытого стеклянным куполом, где под черными небесами среди садов, разбитых на склонах, гуляли счастливые люди. Будущее не могло выглядеть прекраснее. Думаю, то, что однажды я посвятил этой колонии одну из своих историй, было просто неизбежным.

Сюжет «Зимней сказки» был вдохновлен выставкой Марка Шагала в художественном музее Филадельфии. Этот рассказ один из моих любимых, и был он подарен мне тем городом, где я прожил почти всю свою зрелую жизнь.

А вот «Край света» заставляет меня вспомнить о том, как я учился в старших классах школы в Севен-Пайнс, штат Виргиния. Не было хуже года для подростков, чем тысяча девятьсот шестьдесят восьмой. Убийство Мартина Лютера Кинга и последовавший за ним арест всех чернокожих учеников нашей школы привели к бунтам, ставшим в ряд многочисленных кошмарных событий, случившихся в моей жизни в тот год. Моя юность превратилась в сущий ад. Я поклялся, что ничего не забуду и когда-нибудь напишу об этом. И сдержал свое обещание.

«Яйцо грифона» я написал, когда планировал приступить к первому своему роману в жанре фэнтези, «Дочь Железного дракона», и готовился на многие годы отойти от научной фантастики. Но вскоре вернулся к ней и обнаружил, что вовсе не выдохся, а напротив, пустил в ход каждую припасенную на будущее научно-фантастическую задумку.

Приступив же к описанию ядерной войны, я вдруг осознал, что сама мысль о классическом противостоянии Востока и Запада, США и СССР – кажется, подобный исход предсказывали всю мою жизнь, – настолько скучна, что я просто не смогу ее развить. Впрочем, это оказалось к лучшему, ведь к тому моменту, как моя книга увидела свет (она вышла в серии новелл в

твердой обложке, выпускаемых «Century Legend»), Советский Союз успел развалиться и уйма спекуляций, посвященных нашей с ним войне, отправилась в мусорный бак истории.

Сюжет «Истории подменыша» предельно близок к автобиографии, если сравнивать со всем, что я писал.

Еще в юности я сбежал с эльфами в их сказочную страну, чтобы однажды стать писателем. И ни разу об этом не пожалел.

Годы сладостного вынашивания сюжета привели к рождению «К северу от Дидди-Во-Дидди». Во многом тому способствовали грезы наяву, посещавшие меня, пока я пиялился в окно поезда, едущего в Нью-Йорк, где меня ожидал очередной междусобойчик с редакторами. Это была замечательная поездка, хотя я должен признаться, что мне так и не довелось увидеть гигантских кентавров, бредущих через ядовитые болота за свалкой Фрэшкилл.

Действие «Между небом и землей» происходит по соседству, в Роксборо. Телефонные провода, описанные в начальной сцене, проходят прямо по моей улице, а красные огни Семи Сестер благосклонно поглядывают на меня каждый вечер. В другой сцене Кобб крадется через мой дом и видит меня, сидящего на диване и плящущегося в телевизор.

А вот «Мертвый» целиком и полностью посвящен Нью-Йорку и вдохновлен картинами члена старой доброй американской марксистской партии. Моя семья родом из Большого Яблока, и у меня осталось много теплых и стойких воспоминаний о том, как меня еще ребенком возили навещать родственников.

Обычно я не берусь за перо, если в точности не знаю, как завершится мое повествование, но «Мать Кузнечик» стала одним из редких исключений. Она просто вдруг всплыла откуда-то из подкорки, и я сам понятия не имел, к чему все идет, пока до конца не осталось буквально пары страниц. То, что все упомянутые топонимы оказались городами и поселениями Пенсильвании, – чистая случайность.

Вскоре после выхода «Светящихся дверей» в двери нашего с Мэриэнн дома постучался один из моих студентов в Клэрионе, чтобы пригласить нас на свою свадьбу. Его невеста, оказавшаяся раввином¹, взяла Мэриэнн под локоток и отвела в сторонку, чтобы спросить: как жена может спать со мной, зная, какие мысли живут в моей голове.

Тогда Мэриэнн улыбнулась и ответила:

– А в его голове они больше не живут. Теперь они живут в вашей.

Как бы то ни было, а свадьба та прошла замечательно, как и положено всем свадьбам. В торжественной зале играла клезмерская музыка², и мы плясали, пока меня не стали подводить ноги.

Почти двадцать лет спустя после того, как первые мои работы не сумели завоевать премию «Небыюла», рассказ «Как пульс размеренный машины бьется» принес мне «Хьюго». К тому времени я давно утратил счет тому, сколько раз безуспешно выдвигался (ладно, ладно, тут я малость прихвастнул) на «Небыюлу» и «Хьюго», и мог позволить себе толику чистого, nepозволительного восторга.

Особенную гордость я испытываю за «Свободомыслящих». Они приплыли мне прямо в руки в тысяча девятьсот девяносто пятом во время «Пересечения» – первого из Всемирных конвентов фантастики, прошедшего в Глазго. Я остановился в самой дешевой гостинице, вздымавшейся над Ренфру-стрит, благодаря чему из моего окна была видна автомагистраль М8 – классика непродуманной планировки, рассекавшая город подобно шраму, окруженная похожими на омертвевшую плоть брошенными домами. Помню, выступая на конвенте, я сказал, что нам надо с большой осторожностью относиться к нейронным технологиям, чтобы не

¹ Американские иудеи-реформаторы стали зачислять женщин в раввины начиная с 1970-х годов. В 1983-м это было разрешено и Еврейской теологической семинарией.

² Традиционная музыка восточноевропейских евреев.

пробороздить подобием такой вот М8 собственные мозги. Так родилось на свет повествование, содержащее отдельные нюансы, которые вряд ли кто ожидал услышать от меня, человека, воспитанного в католической вере.

«Скерцо с тираннозавром» было написано мной в качестве чернового наброска для романа «Кости земли», чтобы проработать механику путешествий во времени и законы хронопалеонтологии. Рассказ так мне понравился, что позднее я целиком переписал его, добавил новую перспективу, перенес действие в другой промежуток мелового периода и заменил тираннозавра плезиозаврами, чтобы вставить в качестве одной из глав в свой роман. Если вы читали ту книгу, то поймете, о чем я говорю. Так я получил свою вторую премию «Хьюго».

«Цыганский вор» стал результатом знакомства с работами Эллен Кашнер, представленными в соседнем книжном магазине. Впоследствии она привлекла меня к совместному написанию запланированной, но изначально обреченной антологии повестей, основанных на фольклоре. Тогда мне вообще ничего нового не лезло в голову, но Эллен была мне добрым другом, и я просто обязан был попытаться. И вот, когда мы ехали на машине домой, я поинтересовался у Мэриэнн:

– Вот, смотри, один из ключевых элементов рассказа – фургон, полный велоцирапторов. Предложишь что-нибудь столь же бредовое?

Она ответила, не задумываясь:

– Корзинка для пикника, набитая дохлыми щенками.

– Да я это напишу как два пальца об асфальт! – радостно закричал я.

«Пёс сказал гав-гав», пожалуй, самый известный из моих рассказов, ставший популярным исключительно благодаря его персонажам: Держеру и Сэрпласу. Они явились мне, когда я как-то раз бесцельно чиркал на листочке всякую чепуху. Затем они без спросу вторглись в мою жизнь, работу и даже (подозреваю) сильно сказались на моей репутации. К текущему моменту я успел посвятить разбойникам три полноценных рассказа, четыре взаимосвязанные короткие зарисовки и в конце концов затеял роман. А первая история про них принесла мне третью премию «Хьюго».

Я сильно рисковал, когда взялся за «Медленную жизнь», попытавшись написать серьезное научно-фантастическое произведение о Титане в то время, когда «Кассини-Гюйгенс»³ еще только направлялся к Сатурну. То, что впоследствии стало известно о поверхности Титана, очень походило на придуманное мной. Но моей заслуги в том нет. Я просто сделал выжимку из тех догадок, что высказывались учеными НАСА. И они оказались верными. Так я получил уже четвертую премию «Хьюго».

«Хронолегион» был написан как дань «Властелинам времени» Альфреда Ван Вогта, ставшим для меня судьбоносным произведением. Это была первая научно-фантастическая повесть, имя автора которой я удосужился запомнить, а кроме того, именно она окончательно убедила меня в том, что я хочу стать писателем. Я не надеялся, что этот мой новый рассказ возьмет «Хьюго». Но – пятая премия за шесть лет. Может показаться, что я должен был бы уже устать от всего этого. Это не так.

Я вырос в Вайнуски, штат Вермонт. Это единственный из всех маленьких городков Вермонта, начисто лишенный очарования маленьких городков. Когда-то это было фабричное поселение, но затем деньги перестали поступать, а мальчишки из находящегося на противоположном берегу Берлингтона начали обзывать нас «речными крысами» и бросаться камнями. И все же мне есть что вспомнить хорошего о Вермонте, и в первую очередь это касается людей.

Этим людям и посвящено «Лето с трицератопсами».

³ Автоматический космический аппарат, направленный для изучения Сатурна и его колец (стартовал в 1997 г., совершил посадку на Титане в 2005 г.).

Наконец, «И бежали мы от славы вавилонской...» – самый новый из моих рассказов, и я понятия не имею, какие образы он вызовет в моей голове по прошествии нескольких лет. Возможно, в моей памяти будет всплывать то, как я корпел над этим вступлением, пытаюсь хоть что-то о нем сочинить? Будет интересно узнать.

На то, чтобы написать эту книгу, у меня ушло больше четверти века. Она навсегда замрет подобием верстового камня в ряду моих книг на полках. Если я продержусь еще двадцать семь лет, то она отметит ровно середину моей писательской карьеры. А если нет... что поделаешь. Я стараюсь вкладывать в работу все свои силы и могу лишь надеяться, что их хватает. Но что бы ни происходило с моими историями потом, это уже не в моей власти.

Как только рассказ опубликован, он более не повинуется своему автору. И все, что вы найдете в этой книге, мне уже не принадлежит.

Эти рассказы принадлежат вам. И я надеюсь, что они вам понравятся.

Празднество святой Дженис

*Сбрось с себя бремя, Дженис,
И на меня взвали⁴.*

Вольф стоял, облокотившись на холодную влажную стену, истертую прикосновениями бесчисленного множества рук, и смотрел, как выходит из гавани Балтимора окутанный утренним туманом «Янки клипер». Стену, скорее всего, построили еще до Катастрофы. На вершине фок-мачты «Янки» поблескивала металлом серая тарелка антенны – так команда поддерживала связь с геостационарными спутниками «Трикстер», наблюдавшими за океаном, и прокладывала курс с учетом течений и ветров.

Для многих деревянный клипер с его спроектированными на компьютере подводными крыльями и сшитыми вручную парусами представлялся символом Новой Африки. А вот Вольф видел только, как растворяется в морской дали корабль, отправившийся на родину без него.

Он побрел обратно к набережной, окаймленной тесьмой контор и магазинов. Грохот ручных тележек смешивался с выкриками на всех возможных языках и непривычной для слуха музыкой десятка американских говоров. Вокруг сновали рабочие, одетые по большей части в комбинезоны. Они кряхтели и отчаянно бранились, когда железные колеса вязли в грязных лужах. Было в этих работах что-то таинственное, будто бы они одни знали некий древний секрет.

Вольф вытянул шею, чтобы заглянуть вглубь темного склада, и тут же налетел на женщину, с ног до головы закутанную в чадру. От прикосновения ее передернуло, глаза в прорези вуали полыхнули гневом, и дама поспешила прочь. В полном молчании.

Тот, кто видел Балтимор в далекие времена расцвета, сейчас не узнал бы город. Многие здания снесли, а на улицах вместо автомобилей теперь теснились палатки и хибары. Иногда их строили на остовах старых домов, так что проспекты и переулки превращались в темные туннели. Временами эти туннели обрушивались под испуганные вопли местных обитателей.

Вот и еще один пустой день впереди, делать по-прежнему нечего. Можно, конечно, раздобыть защитную маску и отправиться исследовать вашингтонские руины. Но Вольф уже успел их осмотреть, да и погода, наверное, будет жаркой. Вряд ли сегодня стоит ждать новостей. Сколько месяцев он уже торчит здесь, а американские власти упорно не желают с ним разговаривать. Вольф решил вернуться в гостиницу и проверить, нет ли писем, а потом побродить по базарам.

Рядом с гостиницей играли дети. При виде Вольфа они брызнули врассыпную. Один с трудом поспевал за товарищами: ему мешала изуродованная нога. Вольф поднялся по некрашеной деревянной лестнице, протиснувшись мимо усевшегося на нижней ступеньке старика. Тот неторопливо, с выражением абсолютного фатализма на лице, раскладывал карты Таро и даже не поднял на Вольфа глаза.

Вольф вошел в темное фойе, и над дверью звякнул колокольчик.

Внезапно справа и слева выросли двое верзил в черной форме секретной полиции.

– Вольфганг Ханс Мбикана? – Вопрос прозвучал заученно и буднично: ответ полицейский знал и так.

– Пройдемте, – приказал второй.

– Произошла какая-то ошибка, – возразил Вольф.

⁴ Аллюзия на песню «Weight» канадско-американской фолк-рок-группы «The Band».

– Нет, сэр, никакой ошибки, – спокойно ответил верзила, распахивая дверь. – После вас, мистер Мбикана.

Сидевший на ступеньках старик окинул их прищуренным взглядом, отвел глаза и тут же сполз с крыльца.

Полицейские отвели Вольфа в древнее правительственное здание. Втроем они поднялись по истершимся за долгие века мраморным ступеням, прошли через пустой холл и, поплутав по коридорам, наконец замерли у ничем не примечательной двери.

– Вас ожидают, – сказал первый полицейский.

– Прошу прощения?

Но они просто ушли, а терзаемый дурными предчувствиями Вольф постучал в злополучную дверь и, не дождавшись ответа, вошел.

В комнате за письменным столом сидела женщина в современном наряде, но покрытая вуалью. Возраст ее определить было невозможно. Взмахом руки и глазами секретарша указала Вольфу на открытую дверь, ведущую в кабинет. Все это приключение походило на луковицу – слой за слоем разворачивалась тайна.

В кабинете ждал коренастый мужчина в традиционном американском костюме и галстуке. Однако в его выразительном подвижном лице и цепких глазах, уставившихся на Вольфа, не было ничего старомодного.

– Присаживайтесь, – проворчал он, указывая на стул с мягким сиденьем. – Чарльз Ди Стефано. Начальник северо-восточного региона. Мбикана, правильно?

– Да, сэр, – отозвался Вольф, с опаской опускаясь на довольно грязный стул.

Совершенно очевидно, Ди Стефано – как раз один из тех, чье внимание он безуспешно пытался привлечь все эти месяцы. По всей видимости, самая важная здесь персона.

– Я представляю...

– Юго-Западную Африканскую торговую компанию, – закончил за него Ди Стефано, перебирая на столе какие-то бумаги. – Здесь говорится, что вы готовы предложить, помимо всего прочего, данные о ресурсах с «Койота» – североамериканского спутника, занимающегося съемкой поверхности Земли. А в обмен хотите послать своих студентов в Университет Джонса Хопкинса. Я нахожу это предложение весьма странным.

– Это мои документы, – возмутился Вольф. – Я гражданин Юго-Западной Африки и не привык к подобному обращению.

– Послушай, парень, я человек занятой, мне некогда трепаться о твоих правах. Документы у меня, я их прочел. Те, кто тебя послал, именно на это и рассчитывали. Я знаю, чего вы хотите и что предлагаете взамен. И хочу знать почему.

Вольф смешался. Он привык к более цивилизованному подходу. Старики из ЮЗАТК предупреждали, что здесь дела ведутся иначе, но он не распознал их намеков. Вольфу неприятно было осознавать, что получил он это – весьма хорошо оплачиваемое – назначение лишь потому, что более опытные специалисты от него отказались.

– Америка пострадала сильнее прочих, – пояснил он, – но Катастрофа затронула весь мир.

Надо ли объяснять этому типу принципы корпоративной социальной ответственности, на которых держится африканский бизнес? Наверное, Ди Стефано знает, а если не знает, то значит и не хочет знать.

– У нас до сих пор некоторые проблемы. Высокий процент врожденных отклонений – Африка ведь экспортировала яды, химикаты, пестициды и напичканную адской смесью консервантов еду. Мы хотим разобраться с этими проблемами. Если предпринять решительные действия, можно очистить генофонд лет за сто. Но для этого требуются профессионалы – специалисты по евгенике и эмбриональные хирурги. У нас есть такие специалисты, но не очень высокого класса. Лучшие из лучших обучаются в ваших медицинских университетах.

– Мы не можем никого вам уступить.

– Мы не собираемся воровать у вас врачей, но предоставим собственных студентов, подготовленных медиков, которым лишь требуется специальное образование.

– В университете Хопкинса не так-то много свободных мест, – протянул Ди Стефано. – Да и в университетах Пенсильвании и Вермонта тоже, если уж на то пошло.

– Мы готовы... – начал было Вольф, но потом одернул себя. – Все это есть в бумагах. Мы заплатим столько, сколько нужно, чтобы увеличить количество мест. Этого хватит, чтобы дать образование в два раза большему числу студентов, чем требуется нам.

В комнате было темно и душно. Вольф весь взмок.

– Вполне возможно. Но учителей за деньги не купишь.

Мбикана молчал.

– К тому же мне совершенно не хочется близко подпускать ваших людей к нашим медикам. Что, если вы начнете сулить им деньги и земли – то, чего наша страна предложить не может? А нам без своих врачей не обойтись. Сейчас только очень богатые граждане могут позволить себе необходимую коллективную хирургию.

– Если вы боитесь, что мы похитим ваших специалистов, можно предпринять соответствующие меры. Например, подписать соглашение...

Вольф наконец-то почувствовал себя в своей стихии. Все сдвинулось с мертвой точки. Если бы они не готовы были заключить сделку, разговор никогда бы не зашел так далеко.

Приближался вечер. Ди Стефано вызвал помощников, а потом отослал их. Дважды он посылал за напитками. Один раз они прервались на ланч. Становилось все жарче, и в конце концов пребывание в комнате сделалось совершенно нестерпимым. Но потом свет за окном померк, и жара начала спадать.

Ди Стефано разложил документы на две стопки, одну протянул Вольфу, а вторую спрятал в ящик стола.

– Еще раз все посмотрю, а потом отдам на растерзание нашим юристам. Вряд ли возникнут трудности. Об окончательном решении сообщу, скажем, через месяц. Двадцать первого сентября. Я буду в Бостоне, но меня там легко найти.

– Через месяц? Но я думал...

– Месяц, – твердо повторил Ди Стефано. – Совет торопить нельзя. Мисс Кори!

На пороге тут же возникла женщина в вуали:

– Да, сэр.

– Выковыряйте-ка Каплана из кабинета. Скажите, у нас тут одного парнишку нужно обслужить по первому классу. Может быть, устроить шоу. Это касается Хопкинса. Надо же ему отрабатывать жалованье.

– Да, сэр.

Женщина мгновенно растворилась.

– Спасибо, – отозвался Вольф. – Но мне не нужно...

– Парень, послушай моего совета: пользуйся любыми доступными привилегиями. Видит бог, их осталось не так много. Велю Каплану через час зайти за тобой в гостиницу.

Каплан оказался худощавым лысеющим мужчиной. Он нервно дергал руками. Чем-то там он занимался в администрации Хопкинса – Вольф так и не понял чем. Каплан же, в свою очередь, не понял, что собой представляет Вольф, и тот, испытывая некоторое злорадство, не стал ничего объяснять, чтоб хоть отчасти расквитаться за украденные документы.

Каплан вел Вольфа по вечерним улицам. Солнце садилось, толпа значительно поредела.

– Мы не станем выходить за пределы электрифицированной зоны, – пояснил Каплан. – Ночью этого делать не стоит. Там полно безухих дженни.

– Безухих дженни?

– Немые. Отбросы разные. Совсем пропащие. Некоторые и днем не вылезают – изменения даже в комбинезоне заметны. Или в чадре, если речь идет о женщине.

Лицо Каплана исказилось, на нем быстро промелькнуло едва заметное похотливое выражение, от которого словно остался липкий след.

– Куда мы идем? – спросил Вольф, быстро меняя тему. Что-то подсказывало: подробностей о Каплановых похождениях лучше не знать.

– Место называется «У Пибоди». Слышали про Дженис Джоплин? Нашу знаменитую певицу?

Вольф кивнул, хотя, разумеется, ничего такого не слышал.

– В этом шоу мы пытаемся воссоздать ее выступления. Женщина по имени Мэгги Горовиц превосходно изображает Дженис. Лучше всех на моей памяти. Билеты достать практически невозможно, но университет Хопкинса на особом положении, потому что... Ага, вот мы и пришли.

По бетонным ступенькам они спустились в подвал грязного кирпичного здания. И очутились в книжном магазине. От неожиданности Вольф на мгновение растерялся. Вокруг нависали полки с книгами и журналами, громоздились ящики, лежали кипы бумаги.

Вольфу хотелось задержаться и покопаться в древних томах – останках далекой культуры, постепенно превращающейся в миф. Но Каплан прошествовал мимо, не удостоив полки даже мимолетным взглядом. Пришлось бежать следом.

Они прошли через второй заваленный книгами зал, потом через коридор. Человек с серым лицом вытянул шишковатую руку и сказал:

– Билеты, пожалуйста.

Каплан отдал ему два чистеньких картонных приглашения, и они вошли в третий зал.

Там располагалось кабаре. Вокруг столиков, на каждом из которых горела свеча, стояли деревянные стулья. Вверх устремлялись потолочные балки, а одну из стен целиком занимал погасший камин. Вторую стену, по всей видимости, снесли, чтобы влезла небольшая сцена. Разнообразные плакаты и памятные вещицы, скопившиеся тут, видимо, за целый век, висели на стенах и болтались на балках, словно какие-то варварские трофеи, добытые в завоеванной империи.

– «У Пибоди» – сугубо местное заведение, – сказал Каплан. – В двадцатом веке во времена сухого закона здесь подпольно торговали спиртным. Тут выпивал сам Генри Луис Менкен. – (Вольф кивнул, хотя имя это слышал первый раз в жизни.) – Снаружи – книжный магазин, а выпивку подавали вот здесь, в задней комнате.

В зале так и веяло прошлым – теми давними временами, когда Америка была сильнейшей в мире державой. Будто вот-вот на пороге появится Теодор Рузвельт или Генри Киссинджер. Вольф пошутил на эту тему, и Каплан самодовольно заулыбался.

– Тогда вам понравится шоу, – сказал он.

Официант принес заказ, но они едва успели пригубить. Сцену осветили два прожектора, разошелся в стороны занавес.

Там стояла девушка. На руках у нее болтались многочисленные браслеты, на шее висели яркие аляповатые ожерелья. На ней было длинное бесформенное цветастое платье и большие черные очки. Сквозь ткань платья отчетливо просвечивали соски. Вольф уставился на них со смесью удивления и ужаса. Сосков было четыре.

Она стояла совершенно неподвижно, а Вольф все пялился: дело было даже не в количестве сосков, а в том, что их подобным образом выставили напоказ. Он уже успел привыкнуть к местным табу.

Девушка запрокинула голову и рассмеялась, потом положила одну руку на бедро, вызывая вильнула им и поднесла микрофон к губам.

– С год эдак назад, – заговорила она резким скрежещущим голосом, – жила я в домишке в Ньюарке, ну? На третьем этаже. И все-то у меня вроде как ладилось. Но что-то не очень. Не хватало мне... веселья. Улавливаете, о чем я? Ни одно ко мне не захаживало дарование. А дальше по улице жила девица одна, ни кожи ни рожи, но у нее-то с радостями не было никаких проблем. Вот я и говорю себе: Дженис, что с тобой не так? Почему же ей все, а тебе ничего? Решила проверить: что же у нее такого есть, чего нет у меня. Встала однажды спозаранку, выглянула в окошко – смотрю: а девица-то тут как тут! Улавливаете, полдень, а она уже на улице! Вот я и говорю себе: Дженис, золотце, а ты ведь плохо стараешься. Хочешь веселиться – старайся. О да. Старайся получше.

Внезапно словно из ниоткуда зазвучала музыка, и девица затянула:

– Стара-а-айся, ста-а-арайся получше...

Пела она неожиданно хорошо. Ничего подобного Вольф раньше не слышал, но тут же проникся музыкой, почти интуитивно. Это была универсальная песня, понятная всем.

Каплан впился пальцами ему в локоть и зашептал прямо в ухо:

– Видите? Видите?

Вольф нетерпеливо стряхнул его руку – он хотел послушать.

Концерт длился целую вечность, но закончился до невозможности быстро. Взмокший Вольф чувствовал себя совершенно опустошенным. Женщина на сцене словно излучала энергию – танцевала и вышагивала с важным видом, в ее песнях звучала почти нечеловеческая мощь. Вольф не слышал оригинальную Дженис Джоплин, но был уверен: копия идеальна. Это чувствовалось.

Зрители были от нее без ума. Трижды певицу вызывали на бис. В четвертый раз она вышла и, тяжело дыша, прохрипела в микрофон:

– Любимые вы мои, я вас обожаю. Правда обожаю. Но больше не могу. Не могу – и все тут.

Послав слушателям воздушный поцелуй, она ушла со сцены.

Все, и Вольф в том числе, аплодировали стоя. Ему на плечо опустилась чья-то рука, и он раздраженно обернулся.

– Пошли, – сказал раскрасневшийся Каплан и потянул Вольфа прочь от беснующейся толпы – за сцену в маленькую гримерку; туда набилась куча народу, и дверь стояла приоткрытой.

Певица с растрепанными мокрыми волосами смеялась и размахивала руками, в одной из которых была зажата бутылка, явно старинная, с этикеткой «Саузерн комфорт». В ней плескалась какая-то янтарная жидкость.

– Дженис, позвольте вам представить... – начал было Каплан.

– Мэгги, – весело прощепетала она, – Мэгги Горовиц. Я тебе не какая-нибудь там дохлая блюзовая певичка. И не смей об этом забывать.

– Мэгги, это ваш поклонник. Из Африки, – кивнул на Вольфа Каплан.

Мбикана нерешительно выступил вперед, смущенно улыбаясь людям, которым пришлось при этом потесниться.

– Опа! – удивилась Мэгги и глотнула прямо из бутылки. – Будем знакомы, Ас. Что-то ты для африканца светловат.

– Народ моей матери ведет свой род от немецких поселенцев.

Его и отправили сюда еще и поэтому: светлокожего представителя обидчивые американцы восприняли бы лучше. Но об этом Вольф говорить не стал.

– Как тебя величать, Ас?

– Вольф.

– Вольф! – радостно воскликнула Мэгги. – Волчок. Да, золотце, ты похож на сердцеда. Мне бы поостеречься, да? Вскружишь голову и лишишь невинности бедную девушку? – Она подтолкнула его локтем. – Шучу, Ас.

Вольф поражался этой женщине: она была в десятки раз более живой, чем ее соотечественники. По сравнению с ней остальные американцы казались ходячими мертвецами. А еще Вольф ее немножечко боялся.

– Как тебе мои песенки?

– Превосходно. Это было... – Он замолк, не в силах подобрать слова. – В моей стране музыка тише и совсем не такая эмоциональная.

– Ага. Ну, я-то думаю, что пела просто офигительно, Ас. Я в прекрасной форме, лучше не бывало. Каплан, скажи им там, в Хопкинсе. Скажи, я стою вбуханных в меня денег.

– Конечно, – согласился Каплан.

– Будь я проклята. Слушайте, да здесь же как в мертвецкой! Прочь из этой каморки. Вперед! По барам! Устроим вечеринку.

Она вытолкала их из гримерки, по коридору, на улицу, и маленькая шумная толпа отправилась на поиски бара.

– В той стороне есть один, через квартал, – сказала Мэгги. – Айда. Ас, познакомься с Синтией. Греховодница Синтия, Вольф. Мы с ней как сиамские близнецы. Не раз с одним и тем же дарованием прыгали в постель. Да? – проворковала она и ухватила Синтию за зад.

– Мэгги, заканчивай, – улыбнулась та.

Синтия была высокой, стройной и очень красивой.

– Эй, да в этом городишке все, что ли, поперемерли? – Последнее слово Мэгги выкрикнула во все горло, а потом приложила палец к губам, чтобы все услышали эхо. – Ну вот и он.

Она махнула рукой, и все завалились в первый бар.

После третьего Вольф сбился со счета. В какой-то момент он распрощался с честной компанией и нетвердым шагом отправился в гостиницу. Последнее, что он помнил, – Мэгги кричала ему вслед:

– Эй, Ас, ну не порти веселье. Ладно, черт тебя дери, завтра только не забудь прийти.

Почти весь день Вольф провалялся в кровати у себя в комнате – пил воду и дремал. Вечером жара начала потихонечку спадать, и похмелье почти прошло. Он вспомнил о полупутливом приглашении Мэгги, но отменил эту идею и вместо концерта отправился в клуб.

В окнах «Ухуру» ярко горел свет, и потому клуб напоминал маяк, возвышающийся посреди темного города. Его завсегдатаи были чиновниками африканской дипломатической службы, а еще сюда в поисках вежливых собеседников заходили немногочисленные представители торговых компаний (такие, как сам Вольф), которых угнетали ограниченные американские нравы. Клуб де-факто не подчинялся местным законам, ограничивающим использование энергии.

– Мбикана! Сюда, друг мой, позвольте вас угостить, – помахал ему рукой сидящий у стойки консул Ннамди.

Вольф послушно подошел. Как всегда, в «Ухуру» он чувствовал себя белой вороной – из-за цвета кожи. Даже слуги-американцы были здесь темнокожими, в силу то ли уважения, то ли, наоборот, пренебрежения, выражаемого местными властями.

– Говорят, вы весь день провели взаперти с начальником.

Ннамди пил джин с тоником. Вольф этот напиток терпеть не мог, но именно его обычно предпочитали чиновники.

– Мы жаждем грязных подробностей.

Вокруг стали собираться другие завсегдатаи: дипломатическая служба жила слухами. Вольф пересказал им сокращенную версию своих злоключений, и Ннамди заплотировал:

– Целый день с Паучьим Царем, а вы умудрились сберечь свои яйца. Успешное начало карьеры, друг мой.

– Паучий Царь?

– Вас, конечно же, проинформировали о местной системе автономных регионов и рассказали о том, как страну поделили на части, когда невозможно стало управлять ею централизованно? В этих краях, мой мальчик, нет власти превыше Ди Стефано.

– Бостон, – фыркнула Аджуджи (как и большинство экспатов, она была законченной неудачницей; но, в отличие от этого самого большинства, не умела скрывать это от самой себя). – От подобных дикарей иного ждать нелепо.

– Аджуджи, этих людей вряд ли можно назвать дикарями, – спокойно поправил ее Ннамди. – Вспомните, еще до Катастрофы они отправили человека на Луну.

– Технологии! Всего-навсего голые технологии, точь-в-точь как те, что и уничтожили всех нас. Хотите составить представление о людях – взгляните, как они живут. Эти янки... – она с отвращением выплюнула последнее слово, – купаются в грязи. Грязные улицы, грязные города. В грязи измазаны даже те, кто не изуродован от рождения. И ребенка можно научить убирать за собой. И кто же они после этого?

– Люди, Аджуджи.

– Вздор, Ннамди.

Вольф слушал их спор, испытывая жгучий стыд. Ему с детства внушали, что люди, занимающие высокое положение, должны вести себя благородно. Почти невыносимо было слышать из их уст подобные вульгарности, сталкиваться с такими примитивными предрассудками. Внезапно ему стало действительно невыносимо. Повернувшись к стойке спиной, Вольф вышел из зала.

– Мбикана! Вы не должны... – прокричал ему вслед Ннамди.

– Пусть идет, – довольно отозвалась Аджуджи, – а чего вы от него ожидали. В конце концов, он почти один из них.

Что ж, вполне возможно, так оно и было.

Вольф и сам не знал, куда идет, пока ноги не вынесли его к «У Пибоди». Обойдя здание, он нашел заднюю дверь, схватился за ручку, и она неожиданно легко повернулась. На пороге стоял огромный детина в комбинезоне.

– Да? – весьма недружелюбно произнес он.

– Ой, – смутился Вольф. – Меня просила зайти Мэгги Горовиц.

– Слушай, пилигрим, тут таких вот любителей пробраться за сцену навалом. Я пускаю только тех, кого знаю лично. А вот тебя я не знаю.

Вольф пытался придумать подходящий ответ, но безуспешно. Он уже было собрался повернуться и уйти, когда кто-то сказал:

– Дик,пусти его.

Это была Синтия.

– Заходи, – пригласила она скучающим тоном. – Не стой в дверях.

Охранник подвинулся, и Вольф вошел.

– Спасибо.

– Как сказала бы Мэгги, – отозвалась Синтия, – *de nada*⁵. Ну что, пилигрим, гримерка там.

– Вольф, золотце! – завопила Мэгги. – Как поживаешь, Ас? На шоу успел?

– Нет, я...

⁵ *De nada* (исп.) – пожалуйста, не за что.

– А зря. Я была хороша. Чудо как хороша. Сама Дженис и то не сумела бы лучше. Эй, народ! А давайте сбежим, а? Засядем где-нибудь и запилим буги.

В конце концов компания из двадцати человек оккупировала освещенный газовыми рожками бар, расположенный за пределами электрифицированной зоны. Трое музыкантов, прихватившие с собой инструменты, уломали владельца, и тот разрешил им сыграть. Музыка была тягучей и монотонной. Мэгги улыбалась и кивала в такт.

– Как тебе, Ас? Здорово, ну? Мы называем это мертвой музыкой.

– Хорошее название, – покачал головой Вольф.

– Народ, слышали? У нас тут Вольф пошутить изволил. Золотце, для тебя еще не все потеряно. – Она вздохнула. – Не пробирает? Это печально, дорогуша. В те времена играли хорошую музыку, настоящую. А мы – лишь эхо, так-то вот. Играем их старые песни, только и всего. Наши-то и петь не стоит.

– Так вы поэтому участвуете в шоу? – спросил Вольф, которому было страшно любопытно.

– Нет, черт тебя дери, – засмеялась Мэгги. – Я ввязалась, потому что это мой шанс. На меня вышел Ди Стефано...

– Ди Стефано? Начальник?

– Ну, кто-то из его ребят. У них уже все было на мази, не хватало только Дженис. Ну вот они и запустили компьютерный поиск, и выскочило мое имя. Денег предложили. Месяца два ковыряли меня в Хопкинсе. И пожалуйста – вот она я. На пути к славе. – Последнюю фразу она громко пропела, словно потешаясь над собой.

– А зачем вам пришлось связываться с университетом Хопкинса?

– Ты ж не думаешь, что я такой уродилась? Им пришлось все лицо мне перекроить. И голос тоже, благослови их Бог. Сделали его ниже, расширили диапазон, усилили, чтоб высокие ноты держать.

– Не говоря уж о мозговых имплантатах, – добавила Синтия.

– Да-да, имплантаты, чтобы я болтала по-блюзовому и не выпадала из роли. Но этих немного совсем поставили.

Вольф поразился. Он, конечно, знал, что в университете Хопкинса работают отличные специалисты, но чтобы настолько!

– Но какая им с этого выгода?

– Довести меня до ручки, золотце. Не спрашиваю, не знаю и знать не хочу. Вот мой девиз.

– Правительство взялось за социальную инженерию, – встрял бледный длинноволосый парень, сидевший неподалеку. – Вот и мутят что-то странное, а почему – никто не знает. Вопросы им задавать – себе дороже.

– Послушай-ка, Хоук, вернуть Дженис к жизни – вовсе и не странная, а очень даже прекрасная идея, – возразила Мэгги. – Вот бы они и правда ее оживили. Сели бы мы рядышком. Я бы с этой дамой побеседовала по душам.

– Да вы бы глаза друг дружке повыцарапали, – заявила Синтия.

– С чего вдруг?

– Ни ты, ни она добровольно не уступили бы сцену.

– Правда, что ли? – захихикала Мэгги. – Все равно я бы с ней потрепалась. Настоящая звезда, улавливаешь? Не какая-то гребаная подделка, как я.

– А ты, Вольф? – спросил внезапно Хоук. – Куда тебя дальше ведет дорога пилигрима? Послезавтра мы отправляемся в турне. Какие у тебя планы?

– Да, в общем-то, никаких, – отозвался Вольф и рассказал им про свою ситуацию. – Наверное, останусь в Балтиморе, пока не придет пора отправляться на север. Может, съезжу куда-нибудь ненадолго.

– А с нами не хочешь? Будет одна сплошная вечеринка. И через месяц, даже меньше, доберемся до Бостона. Там заканчивается турне.

– Прекрасная мысль, – скривилась Синтия. – Не хватало нам только еще одного бело-ручки в поезде.

– А что тут плохого? – рассердилась Мэгги.

– Ничего плохого. Просто идея глупая.

– А мне нравится. Ты как, Ас? Поедешь кататься?

– Я... – Вольф запнулся – а почему, собственно, нет? – Да. Я бы с радостью.

– Хорошо. – Мэгги повернулась к Синтии. – А ты, дорогуша, просто ревнуешь.

– О господи, только опять не начинай.

– Ладно, не переживай. Тебе не к лицу. Эй, смотрите, какое там дарование сидит!

– Мэгги, этому самому, как ты его называешь, дарованию еще и восемнадцати нет.

– Зато милашка, – протянула Мэгги, мечтательно глядя на парнишку. – Такой милашка, ну?

За следующие несколько дней Вольф уладил все свои дела и раздобыл аккредитивные письма. Утром в день отъезда он поднялся спозаранку и отправился на Балтиморский вокзал. После короткой беседы охранники пропустили его в огороженное стеной депо.

Там стоял громоздкий паровоз с прицепленными к нему отреставрированными вагонами. На последнем было старинными психоделическими буквами выведено «Pearl»⁶.

– Эй, Вольф! Иди-ка сюда – полюбуемся на нашу детку, – закричал кто-то с дальнего конца поезда, махая ему рукой.

Мэгги.

– Ну, как тебе?

Вольф пытался придумать какой-нибудь вежливый ответ.

– Внушительно, – сказал он наконец, хотя поезд показался ему скорее гротескным.

– Ага. Тут рядом завод по переработке метана. Погляди-ка на меня! Восемь утра, а я на ногах. Можешь такое представить? Пришлось добавить колес.

Вольф не понял, что она имеет в виду.

– То есть вы поздно встаете?

– Чего? А, золотце, да ты же... Слушай, забудь. Нет. – Она на мгновение задумалась. – Смотри, Вольф, есть такие колеса специальные – спида, помогают утром проснуться, сил придают. Улавливаешь?

– Вы имеете в виду амфетамины, – догадался Вольф.

– Ага. Ну, вообще-то, это все не очень законно, улавливаешь? Так что языком особенно не мели. В смысле, золотце, я тебе доверяю – просто хочу, чтоб ты знал, что к чему, и не болтал попусту.

– Понимаю. Я никому ничего не скажу. Но вы же знаете, что амфетамины...

– Да-да, Ас. А хочешь, покажу дарование, которое подцепила прошлой ночью? Эй, Дейв! Тащись давай сюда, любовничек.

Из-за вагона вывернул заспанный светловолосый юнец. На нем болтались белые шорты (весьма вызывающие, на Вольфов взгляд) и свободная рубашка, застегнутая на все пуговицы. Он вяло приобнял Мэгги за талию и кивнул Вольфу.

– У Дейви четыре соска, точно как у меня. Ну? Мутация-то довольно редкая.

– Ох, Дженис, – пробормотал Дейв, покраснев и смущенно опуская голову.

Вольф ждал, что Мэгги его поправит, но она не поправила, а устремилась дальше – показывала поезд, оглушительно щебетала, тыкала пальцем то в одно, то в другое.

⁶ «Pearl» – посмертный альбом Дженис Джоуплин, выпущенный в 1971 г.

В конце концов Вольф извинился и вернулся в гостиницу. А Мэгги осталась бегать по вагонам в сопровождении своего юного красавчика. Мбикана неторопливо пообедал, забрал свои сумки и явился на вокзал раньше всей свиты.

Кренясь и покачиваясь, поезд отъехал от перрона. Мэгги беспрестанно смеялась, болтала, объясняла, куда ставить багаж, и порхала по вагонам. Казалось, она не замирала ни на минуту. Вольф уселся возле окна. Рядом с вагоном бежали оборванные ребятишки и кланчили деньги. Им кинули пару монет, но в основном все смеялись и бросали мусор.

Дети отстали, и теперь поезд ехал сквозь бесконечные древние руины. Рядом с Вольфом уселся Хоук.

– Ехать долго. Придется огибать большие территории, куда лучше не соваться. – Хоук с мрачным видом уставился на ощерившиеся выбитыми стеклами остовы зданий, которые раньше были заводами и складами, и с отвращением сказал: – Смотри, пилигрим, вот она – моя родина. Или, вернее, ее труп.

– Хоук, вы близко общаетесь с Мэгги...

– А если забраться подальше от побережья... – задумчиво продолжал тот, – там есть такая огромная дыра, где хранятся радиоактивные отходы. Покрыта крышкой из чистого золота. Все остальное слишком быстро разлагается. Я так думаю, если туда заявиться в свинцовом костюме, можно состояние себе сделать. Золота целые тонны. – Он вздохнул. – Когда-нибудь полазаю по архивам и рискну.

– Хоук, послушайте меня.

Парень жестом призвал его к молчанию.

– Ты про наркотики небось? Только что узнал и хочешь, чтобы я ее предупредил.

– Предупредить мало. Кто-то должен это остановить.

– Ну да. Постарайся понять, Мэгги три месяца провела в Хопкинсе, там ей сделали несколько очень серьезных операций. Она раньше совсем не так выглядела. Пела, конечно, тоже, но голос обычный был, ничего особенного. А еще мозговые имплантаты. Представь, через какую боль ей пришлось пройти, и спроси себя, какие два самых эффективных болеутоляющих на свете?

– Морфин и героин. Но в моей стране врачи, когда прописывают наркотики, отучают от них пациента перед выпиской.

– В том-то и дело. Сам подумай: Мэгги вполне могла попросить в Хопкинсе удалить лишние соски. Им это ничего не стоило бы. Но она не хотела терпеть боль.

– Она, по всей видимости, ими гордится.

– Ну, говорит о них постоянно, это точно.

Поезд шатался и трясся. Трое музыкантов достали из кофров гитары и заиграли свою «мертвую» музыку. Вольф молча пожевал губу, а потом спросил:

– Так что вы хотели этим сказать?

– Мэгги согласилась пройти через страшную боль, чтобы стать Дженис. Поэтому, когда я говорю, что она принимает наркотики, чтобы утолить боль, то вовсе не обязательно имею в виду боль физическую. – С этими словами Хоук встал и вышел.

Мэгги, приплясывая, ввалилась в вагон.

– Получилось! – кричала она. – Ребятишки, у нас получилось. Устроим вечеринку!

Следующие десять дней были одной сплошной вечеринкой с концертами в промежутках. Народ валил на них валом, многим не хватало места. Перед первым концертом Мэгги волновалась и мучительно боялась провала, но спела замечательно, и ее много раз вызывали на бис. В конце концов, с трудом волоча ноги, едва живая, она вышла на сцену с прилипшими к вспотевшему лбу волосами:

– Ребятишки, на этом все. Я вас всех люблю. Хотела бы еще, да отдавать больше ничего. Вы меня выпили до дна.

Аплодисменты все продолжались и продолжались...

В Филадельфии было запланировано четыре концерта, и начиналось все ни шатко ни валко, но потом раскрутилась на полную. На первом шоу оказалось несколько непроданных мест, на втором – пришлось кому-то отказывать, а последние два раза зал едва не брали штурмом. Караван на денек заехал в Ньюарк, чтобы передохнуть, а потом закатил в День Труда такое представление, по сравнению с которым меркли все предыдущие. Дальше еще на день остановились отдохнуть в обшарпанной гостинице.

Вольф в свободное время осматривал достопримечательности. В Филадельфии он нанял местного проводника и отправился на ржавеющие нефтеперерабатывающие заводы в Пойнт-бриз. Мрачные здания навеки застыли в своем трагическом величии. Трудно было поверить, что когда-то на свете существовало столько нефти, сколько умещалось в этих огромных резервуарах. В Вилмингтоне проводник сводил его в небольшой итальянский квартал, где проходил религиозный праздник.

Во главе процессии вышагивал священник, а за ним – восемь алтарниц с веерами и кадилами. Двенадцать крепышей тащили на плечах украшенный цветами древний кадиллак. В хвосте шли верующие в чадрах и комбинезонах и пели.

Вольф проследовал за ними до самой реки. Там машину опустили в яму, сбрызнули святой водой и подожгли. Он спросил у проводника, что за история связана с этим ритуалом, но тот лишь пожал плечами. Что-то древнее, очень-очень древнее.

В гостиницу Вольф вернулся уже поздно. Он ожидал, как обычно, застать вечеринку, но в фойе было темно и пусто. Синтия стояла, заложив руки за спину, и смотрела сквозь зарешеченное окно в темную пустоту.

– А где все? – спросил Вольф.

Было жарко. Вокруг керосиновой лампы бились и жужжали насекомые.

Синтия повернулась и как-то странно на него посмотрела. На лбу у нее блестели капельки пота.

– Мэгги отправилась домой – на встречу выпускников. Хочет показать старым приятелям, какой стала звездой. Остальные? – Она пожалала плечами. – Куда деваются марионетки, когда некому дергать за ниточки? Сидят по комнатам, не иначе.

– Ясно.

Влажное платье Синтии липло к ее телу. Подмышки темнели пятнами пота.

– Не хотели бы вы сыграть в шахматы или еще что-нибудь?

Взгляд у Синтии сделался необычайно пронзительным. Она подошла ближе.

– Вольф, мне уже давно интересно: ты ни с кем не спишь. У тебя что-то не так? Да? Может, дома девушка осталась?

– Да, но дожидаться меня она не будет. – Вольф резко взмахнул рукой. – Наверное, я отчасти поэтому и отправился с вами.

Синтия положила его руку себе на грудь.

– Но ты же девочками интересуешься? – Не дожидаясь, пока он найдет нужные слова, она прошептала: – Пойдем.

В комнате Вольф крепко обнял Синтию и поцеловал, долгим и глубоким поцелуем. Она страстно ответила, но потом отстранилась и потянула его на кровать.

– Скидывай одежды.

Сама Синтия сняла платье одним замысловатым текучим движением. Ее белая грудь колыхалась в лунном свете, льющемся в окно.

После секундной заминки Вольф разделся. Рядом с Синтией он ощущал себя нерешительным слабаком и страдал от этого ощущения. Твердо намереваясь доказать, что он совсем не такой, Мбикана протянул к женщине руки. Но та отпрянула.

– Погоди, пилигрим. – С этими словами она принялась рыться в висящей у изголовья сумочке. – Вот оно. Не хочешь угоститься сначала? Обостряет чувства.

– Наркотики? – невольно ужаснулся Вольф.

– Да ладно, не упрямысь. От одного раза ничего с твоими генами не станется. Попробуй хоть, прежде чем осуждать.

– Что это?

– Ванильное мороженое, – отрезала Синтия, открывая маленький пузырек и осторожно высыпая на ноготь несколько белых крупинок. – Штука дорогая, смотри аккуратно. Надо вдохнуть разом. Понял? Правила такие: глубоко вдыхаешь, а потом медленно выдыхаешь. И все. Вдохнул. Выдохнул.

Синтия подсунула ноготь Вольфу под самый нос и свободной рукой зажала ему одну ноздрю.

– Вдыхай по-быстрому. Вот так!

Вольф непроизвольно вдохнул, и его тут же захлестнули необычные ощущения. Во рту стало свежо и как-то чисто, в горле крутился и приятно щекотал невесомый белый порошок. В голове сделать необычайно просторно. Он подвигал челюстью, подозрительно ощупывая зубы языком.

Синтия быстро приняла дозу и закрыла пузырек.

– Теперь коснись меня. Медленно, медленно, у нас вся ночь впереди. Вот так. Аххх... – По ее телу прошла дрожь. – Да, принцип ты понял.

Они занимались любовью много часов подряд. От неведомого наркотика в голове странным образом прояснилось. Вольф чувствовал себя более рассудительным и более игривым, чем обычно, и готов был растягивать удовольствие. Они никуда не торопились и делали все не спеша. Три или даже четыре раза останавливались, чтобы вдохнуть еще порошка, который Синтия отмеривала торжественно и тщательно. И после этого продолжали заниматься любовью с удвоенным интересом, стараясь двигаться как можно медленнее, до последнего оттягивая каждый оргазм.

Наступила глубокая ночь. Они раскинулись на простынях, изможденные и ослабевшие, не касаясь друг друга. Тело Вольфа покрылось испариной. Ему казалось, что больше уже он никогда не захочет заниматься любовью. Но вслух, конечно, Мбикана этого не сказал.

– Неплохо, – тихо похвалила Синтия. – Не забыть бы порекомендовать тебя Мэгги.

– Ну зачем ты?

– Зачем что?

– Мы только что были близки, как только могут быть близки два человека. Но вот все закончилось, а ты сразу говоришь такие вещи. Боишься сближаться?

– Иисусе, – без всякого выражения произнесла Синтия, а потом нашарила в сумочке портсигар, достала сигарету и закурила.

Вольф внутренне сжался.

– Слушай, пилигрим, чего ты хочешь? Ты что – собрался на мне жениться и отвезти в свою чистую большую Африку? С мамочкой познакомиться? Да? Вряд ли. Так чего тебе надо? Приятное воспоминание – сувенир на память, чтобы потом байки друзьям рассказывать? Ну, держи свой сувенир. Много лет я копила на доктора, хотела выяснить, смогу ли нарожать ублюдков. В прошлом году прихожу к нему наконец, и что, ты думаешь, он мне говорит? Плазмоклеточная дегенерация в кровяных телах, лечить поздно, остается только ждать. Чудно, да? В один прекрасный день просто сломаюсь и умру. Сделать ничего нельзя. Пока питаюсь правильно, еще ничего. До самого конца смогу красавицей остаться. Можно выторговать еще

чуток времени, если бросить наркотики... – Она взмахнула сигаретой, пепел осыпался прямо Вольфу на грудь, и тот быстро его смахнул. – Белый порошок и остальное. То есть все, что хоть чуточку скрашивает жизнь. Но сделать ничего путного я так и не успею, времени не хватит.

Неожиданно она замолчала.

– Эй, а сколько времени?

Вольф вылез из кровати и откопал среди своих вещей хронометр. Поднес его к окну, прищурился.

– Ммм... Двенадцать... четырнадцать.

– Вот же ядерная война. – Синтия вскочила и заметалась в поисках платья. – Давай шевелись. Не стой столбом.

– А в чем дело? – поинтересовался Вольф, медленно натягивая на себя одежду.

– Я обещала Мэгги подогнать народ и забрать ее с этой чертовой встречи выпускников. А она уже бог весть когда закончилась. Я потеряла счет времени. – Вольф довольно ухмыльнулся, но Синтия не обратила внимания. – Готов? Проверим ее комнату, а потом фойе. Господи, вот она разозлится.

Мэгги обнаружилась в фойе. Она стояла посреди комнаты, перепачканная и изможденная, на руке ее болталась сумка, лицо искажено гневом. В неверном свете керосиновой лампы Мэгги казалась злобной старухой.

– Ну и? – прорычала она. – Где же вас двоих носило?

– Трахались у меня, – спокойно отозвалась Синтия.

Вольф в ужасе уставился на нее.

– Великолепно, просто великолепно, ну? А знаете, где была я, пока двое моих лучших друзей дрючились до потери мозгов? А? Хотите, расскажу? – истерически взвизгнула Мэгги. – Меня насиловали двое безухих дженни, вот так!

Она пронеслась мимо, замахнувшись, – будто бы собиралась огреть их сумочкой, а потом передумала. В коридоре прогремели ее быстрые шаги. Хлопнула дверь.

– Но я... – растерялся Вольф.

– Не позволяй садиться себе на шею, – одернула его Синтия. – Она врет.

– Ты уверена?

– Послушай, мы жили в одной комнате, спали с одними и теми же мужиками – я ее знаю. Ее выбесило, что эскорт не явился. Наша маленькая королева изволит гневаться.

– Надо было ее встретить, – с сомнением протянул Вольф. – Ее же могли убить по дороге сюда.

– А мне, пилигрим, без разницы, протянет Мэгги ноги месяцем раньше или позже. У меня своих забот полон рот.

– Месяцем раньше? Мэгги тоже больна?

– Мы все больны. А, шли бы вы оба к черту!

Синтия плюнула на пол, развернулась и ушла. Необратимо, словно ведьминское проклятие наложила.

До Нью-Йорка добирались полдня. Перед первым концертом осталось еще время отдохнуть и повеселиться, но Мэгги к ним не вышла – заперлась в комнате и пила. Начались разговоры о том, что она сидит на наркотиках, и Вольфа эти разговоры беспокоили, ведь на наркотиках тут сидели абсолютно все.

Еще ходили слухи о встрече выпускников. Кто-то утверждал, что Мэгги ошарашила бывших одноклассников, которые в школе обходились с ней не лучшим образом, и блистала весь вечер. Но большинство склонялось к тому, что ее прилюдно освистали и ровесники по-прежнему видели в ней лишь белую ворону. Что ушла она со встречи одна.

О романе Вольфа с Синтией тоже шушукались. Синтия его избегала, но это только подогревало всеобщее любопытство.

Несмотря ни на что, нью-йоркские концерты удались на славу. Билеты были раскуплены, едва успев появиться в продаже. Театральные барыги за ту неделю сколотили себе состояние. Впервые за все время труппе разрешили выступать вечером. Для освещения и усилителей использовали энергию, перенаправленную из целого городского района. Мэгги пела, как никогда прежде. Ее голос доводил слушателей до исступления, ее блюзы тронули бы сердце самого заскорузлого отшельника.

Десятого сентября они отправились в Хартфорд. Мэгги заперлась в своем купе в последнем вагоне. Остальные бездельничали. Кто-то из музыкантов брэнчал на гитаре что-то неразборчивое. Другие тихо беседовали. Хоук одну за другой метал на стол карты Таро.

– Эй! Вы что тут – повымерли все, на фиг! – Мэгги возникла в вагоне, словно из ниоткуда, на лице ее причудливо мешались стыд и вызов. – Закатим вечеринку! Ну? Сыграйте-ка что-нибудь.

Она упала Хоуку на колени, по пути куснув кого-то за ухо.

– Мэгги вернулась, – произнес кто-то.

– Дженис! – весело прокричала она. – Эту даму звать Дженис!

И началась вечеринка – медленно, словно запускали заржавленный механизм. Заревела музыка. Голоса оживились. По рукам пошли гулять бутылки со спиртным. Так продолжалось все два дня, пока поезд колесил по стране, объезжая опасные районы Коннектикута и Нью-Йорка. Но у праздника появился тревожный призыв, Мэгги веселилась как-то уж слишком отчаянно. Вольф почувствовал себя словно в ловушке и считал дни, оставшиеся до Бостона и окончания турне.

Перед первым хартфордским концертом они сидели в тесной, тускло освещенной гримерке, как две капли воды похожей на все предыдущие.

– Синтия Греховодница, дуй сюда! – завопила Мэгги. – Загнимируй меня. Чтоб я казалась такой же изможденной, как Дженис.

Синтия взяла Мэгги за подбородок, повертела ее лицо туда-сюда, а потом сказала:

– Мэгги, тебе не нужен грим, ты и так выглядишь изможденной.

– Черт тебя дери. Давай шустрее. Я звезда как-никак. И не обязана терпеть все это дерьмо.

Синтия на минуту задумалась, потом прошлась пуховкой по лицу Мэгги, чуть подчеркнула морщины, мешки под глазами.

– Уж слишком мрачно, – заявила Мэгги, внимательно посмотрев в зеркало. – Чересчур.

– Мэгги, ты так и выглядишь.

– Ах ты, сучка крашенная! Можно подумать, это я вчера вечером была под кайфом, так что ничего и не вышло.

Воцарилось неловкое молчание.

– Эй, Вольф! – повернулась к нему Мэгги. – А ты что скажешь?

– Ну, – смущенно отозвался Вольф, – боюсь, Синтия...

– Видишь? Пора начинать балаган. – С этими словами Мэгги схватила свою драгоценную бутылку «Саузерн комфорт» и сделала огромный глоток.

– Это вам тоже совсем не на пользу, – покачал головой Мбикана.

– Много ты знаешь, – холодно улыбнулась Мэгги. – Дженис всегда напивалась перед концертом. Хорошо для голоса.

И она отправилась на сцену. Конферансье уже разогревал публику.

– Дамы и господа... Дженис!

Послышались крики. Мэгги прошествовала к микрофону, поднесла его к губам и расмеялась:

– Здорово, рада всех видеть. – Она обвела зрителей прищуренным взглядом и завела свою песню: – Знаете, заявила я тут на днях к докторишке. Говорю ему: слишком что-то я много пью. Пила без просыху с двенадцати лет. Утром встаю и опрокидываю парочку «Кровавых Мэри». К обеду приканчиваю пятую. Чуток добавляю на ужин, а потом оттягиваюсь по полной, когда начинается вечеринка. В общем, рассказала ему, сколько лет уже пью. И говорю: «Слушайте, док, с меня вроде как с гуся вода, но что-то сердце не на месте. Скажите прямо, у меня проблемы?» А он и говорит: «Да нет у вас никаких проблем, милочка. У вас все просто отлично!» – Зрители разразились одобрительными криками, и Мэгги самодовольно улыбнулась. – Что ж, золотце, у всех свои проблемы, чем я лучше остальных. – (Вступили инструменты.) – Но когда у меня проблемы, я знаю, что делать, – я пою старый добрый блюз. Блюз – и нет проблем.

Она затянула «Цепь с ядром», и зал взорвался.

За сценой Вольф сидел на стремянке и время от времени делал глоток из чашки с водой. К нему подошла Синтия. Вдвоем они смотрели, как взмокшая Мэгги расхаживает по сцене, притопывает, завывает, извивается.

– Никак не могу привыкнуть к этому противоречию, – признался Вольф, не глядя на Синтию. – Там все неистовствуют. А здесь так тихо и спокойно. Иногда я спрашиваю себя: неужели мы и зрители наблюдаем одну и ту же картину?

– Иногда трудно разглядеть то, что у тебя прямо перед глазами. – И Синтия улыбнулась, загадочно и грустно, а потом ушла.

Вольф успел привыкнуть к такого рода замечаниям и больше уже не пытался их понять.

Второе, и последнее, представление в Хартфорде прошло хорошо. А вот первые два концерта в Провиденсе – нет. Мэгги подводил голос, подводило чувство времени, ей приходилось целиком полагаться лишь на свои театральные фокусы. На втором концерте ей пришлось приказывать зрителям танцевать – раньше такого не бывало. Сценические монологи становились все непристойнее и разнузданнее. Мэгги призывно виляла бедрами, словно стриптизерша. Третий концерт получился лучше, но грубые замашки не исчезли.

После шоу все завалились в бар в дурном районе. В укрепленной привратничкой при входе сидели вооруженные громилы. Мэгги напилась и плакала.

– Я прямо разваливалась на сцене... Говоришь, я была хороша?

– Конечно, Мэгги, – пробормотал Хоук.

Синтия фыркнула.

– Вы очень хорошо выступали, – уверил Вольф.

– Ни черта не помню, – рыдала Мэгги. – Говоришь, хорошо? Нечестно. Подло. Если я была хороша, то почему не запомнила? Какой тогда во всем этом толк? Ну?

Вольф неловко похлопал ее по плечу. Она схватила Мбикану за грудки и уткнулась лицом в его дашки.

– Вольф, Вольф, что со мной будет?

– Не плачьте, – ответил он, глядя ее по голове.

В конце концов ему с Хоуком пришлось вести Мэгги обратно в гостиницу. Остальные не пожелали уходить из бара.

Они шли мимо района, где все дома, кроме одного, были снесены. Тот одинокий дом торчал на пустыре. На месте огромных окон мрачно зияли пустые проемы. Рядом с ним изгибались две странные арки непонятного назначения.

– Тут раньше был фастфуд, – пристыженно пояснил Хоук в ответ на расспросы Вольфа.

– Но почему его не снесли?

– Потому что повсюду есть невежественные и суеверные люди.

Вольф решил не расспрашивать дальше.

На темных улицах не было ни души. Теперь они шли по застроенной части города, и эхо их шагов мячиком отскакивало от стен. Мэгги почти ничего не соображала и буквально висела на Хоуке, ее приходилось почти нести.

В тени между домами что-то зашевелилось. Хоук вскинулся и прошептал:

– Прибавь-ка шагу.

В темноте возник кто-то большой и смутно похожий на человека. Направлялся этот кто-то прямо к ним.

– Что?.. – прошептал Вольф.

– Безухий дженни, – тоже шепотом ответил Хоук. – Если у тебя припрятаны какие-нибудь хитрые козыри в рукаве, самое время доставать.

Человекоподобное создание сорвалось в неуклюжий бег.

Засунув руку в карман, Вольф развернулся лицом к Хоуку и громко и гневно воскликнул:

– Послушай-ка! С меня хватит! У меня нож, и я за себя не отвечаю!

Краем глаза Вольф увидел, как безухий дженни замер, а потом скользнул обратно в тень.

– Эй, какого... – сонно поинтересовалась Мэгги.

– Ничего страшного, – пробормотал Хоук, ускоряя шаг и волоча девушку за собой. – Весьма самонадеянная выходка, молодец.

– Nada, – ответил Вольф, с трудом вытаскивая руку из кармана, его трясло от запоздало накатившего страха. – Правильное слово?

– Ага.

– А я до конца не верил, что безухие дженни действительно существуют.

– Просто какой-то немой бедняга, железы не в порядке. Не думай об этом.

Только-только разгоралась осень. Караван добрался до Бостона. Когда они прибыли, в парке Бостон-коммонс шли последние приготовления. Планировался грандиознейший концерт. Повсюду сновали рабочие сцены.

– Наверное, такой и была Америка до Катастрофы, – восторженно заметил Вольф, но никто не обратил на него внимания.

Утром в день концерта Вольф наблюдал, как над сценой натягивают огромный холщовый навес на случай дождя.

– Эй, пилигрим, не видел Дженис? – спросил пробежавший мимо подручный.

– Мэгги, – машинально поправил Вольф. – Нет, не видел.

– Спасибо, – пропыхтел тот и побежал дальше.

Через несколько минут на Вольфа наткнулся спешащий куда-то Хоук:

– Тебе Мэгги не попадалась?

– Нет. Погодите, Хоук, что происходит? Вы уже второй спрашиваете.

– Мэгги пропала, – пожал плечами тот. – Но с ума сходить не стоит.

– Надеюсь, она вернется к началу.

– Ее ищет местная полиция. У Мэгги имплантанты, так что она во что бы то ни стало доберется до сцены. Не сомневайся.

И Хоук умчался.

На сцене последний раз проверяли оборудование, а вокруг начали собираться первые зрители. Наконец появилась и Мэгги. Ее крепко держали двое людей в форме. Девушка оказалась совершенно трезвой и очень злой. Синтия с рук на руки приняла ее у полиции и увела в трейлер – в гримерку.

Вольф смотрел со стороны, решив, что здесь ничем помочь не может. Потом он бесцельно бродил по парку и наблюдал за собиравшейся толпой. Люди приходили, искали себе место, усаживались и ждали. В основном они молчали, а если и разговаривали, то очень тихо. Все были одеты ярко, но не в парадные костюмы. Некоторые прихватили с собой вино и одеяла.

Очень странное получилось сборище. Никто никому не смотрел в глаза, никто не улыбался. Лица были лишены всякого выражения, и голоса звучали приглушенно, но в них слышалось напряжение. Вольф бродил меж ними и слушал обрывки разговоров:

- Сказала, что ее ребенок будет...
- ... не надо. Это никому не надо.
- Не вышло откупиться...
- ...а вкус странный, и я не...
- пришлось сровнять с землей три квартала...
- ...крови.

Чем дальше, тем больше Вольфу становилось не по себе. Что-то такое было в этих лицах, в голосах. Он снова столкнулся с Хоуком.

- Послушайте, тут творится что-то очень странное.

Лицо у Хоука перекосилось. Он махнул рукой в сторону осветительской вышки:

- Времени нету. Шоу вот-вот начнется. Мне пора за пульт.

На мгновение Вольф замешкался, а потом поспешил вслед за Хоуком на вышку.

Сверху весь парк просматривался как на ладони. На земле повсюду сидели люди – маленькие муравьи на истоптанной бурой земле. И среди них ни единого ребенка, что тоже было странно. Солнце садилось за горизонт, размазав по небу багрянец и золото.

Хоук один за другим включал и выключал прожектора, сверяясь с зажатой в руке бумажкой.

Время от времени он тихо чертыхался и заново сращивал провода. Вольф ждал. Волосы взъерошил легкий ветерок, хотя внизу, казалось, никакого ветра не было и в помине, все застыло.

– Это больная страна, – сказал Хоук. Надев наушники с микрофоном, он направил на сцену красный луч, потом выключил прожектор. – Патрик, ты там? Включаем «солнца» на счет «два».

Хоук проверил всех местных осветителей, обращаясь к каждому по имени.

– Средняя продолжительность жизни здесь – около сорока двух лет. Это если выберешься живым из родильни. Уровень рождаемости нужно поддерживать на очень высоком уровне, иначе население просто вымрет.

Он повключал все красные и синие прожектора, и сцену затопило лиловым. На ее фоне холщовый навес казался черным. Возле центрального микрофона появился чей-то расплывчатый силуэт.

- Ну, давай, Патрик, жарь.

И тут же яркий луч осветил конференсье. Он откашлялся и принялся молотить свою обычную чепуху. Громкий голос разносился над толпой, нарастал, проходя через усилители с определенной запрограммированной задержкой. Толпа вяло колыхалась у подножия осветительской вышки, припозднившиеся слушатели проталкивались поближе.

– Задай лучше себе вот какой вопрос: почему правительство выбрасывает столько денег на это треклятое шоу?

- Хорошо, – согласился Вольф. – И почему же?

Он сидел неподвижно, натянутый как струна. Ветерок обдувал вспотевшее лицо. Надо было захватить куртку, вечером она может понадобиться.

– Потому что их чертовы умники велели... Чертовы социальные инженеры, – отозвался Хоук. – Смотри за толпой.

- ...Дженис! – грохнули динамики.

И на сцене появилась Мэгги и, сладострастно схватившись за микрофон, начала монолог. Очевидно, сегодня она была в ударе. Толпа разразилась аплодисментами. В воздух летели цветы. Люди передавали из рук в руки бутылки со спиртным и ставили их на сцену.

С осветительской вышки не было видно, как состарил Мэгги минувший месяц. В разноцветном свете прожекторов исчезли морщины, исчез желтоватый цвет кожи. Ослепительно сверкало расшитое блестками платье.

Когда в середине второй песни зазвучал проигрыш, Мэгги, прищурившись, оглядела слушателей:

– Эй, народ, что за фигня? Почему не танцует никто?

Несколько человек поднялись на ноги.

– На «солнцах», приготовились, – пробормотал Хоук в микрофон. – Третий, четвертый и пятый – на полицейских.

Яркие лучи высветили три сценки в разных концах парка: полицейские в форме пытались повязать танцующих. Один прожектор по-прежнему был направлен на Мэгги. Она величественно наставила палец и пронзительно завопила:

– Почему вы не даете им танцевать? Я хочу, чтоб они танцевали. Повелеваю танцевать.

С ревом добрая половина зрителей вскочили на ноги.

– Третий, вырубай. Четвертый и пятый, держим, на три вырубаем. Раз, два, три! Хорошо. Полицейские исчезли, растворились среди танцующих.

– Все это срежиссировано, – догадался Вольф.

– Часть легенды, – отозвался Хоук, даже не поглядев в его сторону. – Смотри, справа.

Вольф посмотрел направо и увидел, как несколько парочек с краю соскользнули в тень подальше от света прожекторов.

– И что же я должен увидеть?

– Это только начало.

Хоук снова склонился над пультом.

Зрители постепенно напивались и в конце концов принялись буяннить. Мэгги пела. Слушателей охватило жуткое, отвратительное возбуждение. Вольф сидел высоко над беснующейся толпой, но даже с осветительской вышки чувствовал нарастающую истерию. Полуобнаженные женщины сбрасывали чадры и выплясывали голышом. Мужчины срывали с себя комбинезоны. То там, то здесь кто-то уже занимался любовью. Несколько раз Хоук мельком высвечивал такие парочки лучом прожектора, но те в основном даже не обращали внимания.

То и дело вспыхивали драки, но буянов мигом усмиряла полиция. Люди собирали мусор в кучи и поджигали. Скоро весь парк уже мерцал небольшими кострами. Дым плавал над зрителями. Хоук подсвечивал толпу цветными лучами. Окончательно стемнело. Из-за огней и животных стонов казалось, что внизу происходит настоящий шабаш.

– Да, мерзко, – заметил Хоук. – И все это тщательнейшим образом срежиссировали умники из правительства.

– Но они же не испытывают никаких чувств, – возразил Вольф. – Это же всего-навсего животное влечение. Им... нет дела друг до друга.

– Ага.

На сцене Мэгги доводила себя до иступления, но блюз ее был безупречен, никогда еще не пела она лучше.

– Точно как на других концертах, – продолжал Хоук, – просто сегодня никто не будет терпеть до дома.

– Неужели ваше правительство действительно рассчитывает поднять за счет этой ночи уровень рождаемости?

– Не за счет этой ночи. Нет. Но у всех этих людей останутся воспоминания, которые будут греть их долгой холодной зимой. – Хоук зло сплюнул за край платформы. – Чер-р-рт, чего это я должен повторять их вранье? Пусть сами стараются. Это просто хлеб и зрелища, чтобы гребаная толпа выпустила пар.

– Во-о-от так, братцы! – восторженно взывала Мэгги. – Смотрю я на вас, и вы меня заводите. Да, детка, вот так, правильно!

Она с важным видом расхаживала по сцене, излучая неиссякаемую энергию. Звенела быстрая и нетерпеливая музыка.

– Обожаю!

Она показала зрителям язык и тут же получила в награду одобрительный рев.

Мэгги сделала огромный глоток из своей бутылки «Саузерн комфорт», покачивая бедрами в такт музыке. Снова рев. Сладострастно провела по горлышку бутылки языком.

– О да! Я так завелась. Настоящая греховодница. Смотрю на вас и вся горю. Знаете, – она выждала один такт, – иногда вполне понимаю мужиков. Я ведь горячая хипповская штучка.

Неожиданно Вольф понял: да она же соревнуется с толпой, пытается во что бы то ни стало завоевать их внимание, готова переплюнуть всех присутствующих.

Мэгги медленно провела рукой по груди, спустилась ниже, погладила себя между ног. Отбросила непослушные волосы с глаз. Воплощенная животная похоть.

– Вот дерьмо. А знаете, горячие хипповские штучки ведь не носят белье. – (Снова аплодисменты и вопли.) – Не верите, ну?

Вольф смотрел и не мог заставить себя отвернуться. Мэгги медленно развела ноги, задрала юбку и опустилась на корточки. Ее лягушачье личико пылало вождением, уродливым похотливым вождением. Опершись рукой о сцену, она поманила:

– Идите к мамочке.

И тут словно прорвало плотину. На мгновение воцарилась абсолютно мертвая тишина, а потом толпа с ревом кинулась вперед. Сцену буквально захлестнуло людской волной. Смешавшей полицейских, зрители карабкались на деревянную платформу. Вольф увидел, как Мэгги пытается встать, но ее тут же поглотило людское море. На лице ее мелькнуло недоверчивое изумление.

– Матерь греха, – прошептал Мбикана.

Он смотрел на бесновавшуюся внизу безмозглую, злобную толпу. Человеческое море яростно бурлило, вскипало водоворотами. Вольф все ждал, что сцена вот-вот рухнет, но она устояла. Люди лезли и лезли на нее, сталкивали друг друга, но она устояла. Гораздо милосерднее было бы, если бы она рухнула.

Где-то над толпой мелькнула рука, сжимающая что-то блестящее. Вольф не сразу понял, что это. А потом появилась еще одна, и еще, и тут он осознал: это обрывки платья Мэгги.

Мбикана обеими руками ухватился за опору, чтобы не свалиться в расплескавшийся внизу ужас. Завывания слились в один нестройный беспорядочный хор. Вольф крепко зажмурился, безуспешно пытаясь ничего не слышать.

– Точно в срок, – пробормотал Хоук. – Точно, так его, в срок.

Он выключил все прожектора и положил руку Вольфу на плечо.

– Пошли. Наша работа окончена.

Вольф изогнул шею, чтобы заглянуть Хоуку в лицо. Но как только открыл зажмуренные глаза, голова так закружилась, что он шлепнулся на пол, так и не отпустив при этом опору. Его тошнило.

– Это все... они... Хоук, вы видели? Вы видели, что они сотворили? Почему никто не... – Он подавился словами.

– Меня не спрашивай, – горько отозвался Хоук. – Я просто играю в этом маленьком спектакле роль Иуды Искарота. – Он встряхнул Вольфа за плечи. – Пошли, пилигрим. Пора спускаться.

Вольф медленно и с трудом отцепился от опоры и позволил увести себя с вышки.

У подножия толпились мужчины в черной форме.

– Это африканец? – спросил один у Хоука, а потом повернулся к Вольфу: – Пожалуйста, следуйте за нами, сэр. У нас приказ. Мы должны в целости и сохранности доставить вас в гостиницу.

Глаза Вольфа наполнились слезами, и он уже не видел ни толпы, ни парка, ни полицейского. Послушно, словно беспомощный и доверчивый ребенок, позволил он себя увести.

Наступило утро. Вольф лежал в кровати, уставившись в потолок. Где-то в комнате жужжала муха, но он не обращал внимания. На улице громыхали железными колесами тележки, дети играли в какую-то игру, нараспев произнося считалочку.

Наконец он встал, оделся и ополоснул лицо, а потом отправился в столовую на завтрак.

Там сидел Ди Стефано и доедал тост.

– Доброе утро, мистер Мбикана. А я уж собирался за вами посылать. – Он указал на свободный стул.

Вольф, оглядевшись по сторонам, сел. Вокруг за столиками расположились как минимум три офицера секретной полиции.

Ди Стефано достал из кармана пиджака какие-то документы и вручил их Вольфу.

– Все подписано и запечатано. Получите. Мы чуть изменили условия, но ваше начальство возражать не станет. – Он отправил в рот последний кусочек тоста. – Прекрасное начало карьеры.

– Благодарю, – машинально отозвался Вольф.

Он проглядел бумаги, но не смог ничего разобрать и бросил их себе на колени.

– Завтра утром «Африканский генезис» покинет порт. Я распорядился, чтобы вам забронировали место, вдруг вы решите отплыть с ними. Разумеется, через три недели будет еще одно пассажирское судно, если вы желаете погостить у нас подольше.

– Нет, – поспешно отозвался Вольф, но тут же спохватился, что ответ прозвучал слишком грубо: – Я соскучился по родине. Слишком много времени вдали от дома.

Ди Стефано промокнул уголки губ салфеткой и уронил ее на скатерть.

– Тогда на этом все. – Он поднялся со стула.

– Погодите, – остановил его Вольф. – Мистер Ди Стефано, я... Я очень хотел бы услышать объяснение...

Ди Стефано уселся обратно.

– Первое, что вы должны знать, – сказал он без всяких обиняков, – мисс Горовиц была не первой нашей Дженис Джоплин.

– Нет.

– И не второй.

Вольф поднял на него глаза.

– Она двадцать третья, не считая оригинала. Каждый год мы спонсируем шоу, и каждый год оно завершается в Бостоне в день осеннего равноденствия. И пока заканчивалось одинаково.

Вольф спрашивал себя: быть может, стоит пырнуть этого человека вилкой или придушить? Он знал, что должен испытывать ярость, но не испытывал ничего.

– Из-за мозговых имплантатов.

– Нет. Поверьте, я искренне хотел бы, чтобы она осталась в живых. Имплантаты помогали не выходить из роли, только и всего. Она действительно не помнила о прошлых Дженис Джоплин, но ее смерть никто не программировал. Так просто... случается, вот и все.

– Каждый год.

– Да. Каждый год Дженис предлагает себя толпе. И каждый год ее разрывают в клочья. Нормальная женщина не стала бы предлагать себя, а нормальные люди не стали бы так реагировать. Я пойму, что моя страна встала на путь исцеления, в тот день, когда Дженис оста-

нется в живых, чтобы отправиться во второе турне. – Он помолчал. – Или в тот день, когда не отыщется больше женщины, которая знает, чем все заканчивается, и тем не менее готова сыграть эту роль.

Голова у Вольфа была тяжелая, думать получалось с большим трудом. Он слышал Ди Стефано, но не понимал.

– Последний вопрос. Почему именно я?

– Однажды вы, возможно, вернетесь в нашу страну, – отозвался Ди Стефано, вставая. – А может, и не вернетесь. Но совершенно точно когда-нибудь займете важное положение в Юго-Западной Африканской торговой компании. И от ваших в том числе решений будет зависеть наша экономика.

Четверо полицейских тоже поднялись со своих мест.

– Когда это произойдет, я хочу, чтобы вы понимали одну вещь: нам нечего терять. Доброго вам дня, сэр, и долгих лет.

Охранники Ди Стефано выпроводили Вольфа за дверь.

Опустился вечер. В бостонской гавани ждал корабль, готовый отвезти Вольфа домой. Прочь из этих кошмарных сказочных краев, прочь от привидений и ходячих мертвецов. Вольф смотрел на судно, но оно никак не желало становиться реальным. Наверное, он растерял свою способность верить.

К берегу подплывала корабельная шлюпка. Вольф поднял с земли сумки.

Гинунгагап

7

Абигейл вошла в кабину трансляторной сети на Милосердной Матери и направилась к цилиндру Толедо в технопарке Юноны. Звезды вспыхивали, тускнели и исчезали пять раз. Дорога была долгой: вокруг Солнца, на противоположную сторону Системы.

Толедо был старым коммерческим цилиндром. Теперь там жили в основном чиновники и люди свободных профессий. Абигейл не любила это место, но контракт с ЗМ был уже расторгнут, а ей нужна работа.

Волосы на груди работника службы трудоустройства были выкрашены в белый цвет, а на ногах – в красный. Зеленая набедренная повязка и бирюзовые перстни на пальцах довершали попугайскую расцветку. Пальцы его бегали по клавиатуре компьютера, выводя на монитор бесконечный поток бюрократической чепухи.

– Здорово вы это придумали, – сказал он.

– Спасибо, – отозвалась девушка.

Она небрежно согнула свою новую руку. Хорошо сделано, только слишком розовая. И слабая, конечно, но это поправимо. Абигейл приложила руку к груди. По цвету похожа на сосок. Определенно слишком розовая.

– Есть что-нибудь хорошенькое?

– Нет, – сказал служащий.

У него над ухом пролетела колибри – едва заметное трепетание воздуха.

– Вижу, вы искали работу в колонии Проксима.

– Там полно народу, – вздохнула Абигейл. – Так что, для планетчиков ни одного места?

– Этого я не говорил, – проворчал служащий.

– О! Что это?! – Абигейл вытянула шею, чтобы рассмотреть изображение на экране.

– На ваше резюме есть свежее предложение.

– Что там?

– Сейчас прочитаю.

Цветок жимолости упал Абигейл на волосы, и девушка смахнула его рукой. Офис располагался на открытом воздухе, с живой изгородью вместо стен и решеткой вместо потолка. Чрезмерно пышная растительность старых цилиндров Пояса иногда раздражала Абигейл.

– Мм, – поднял голову чиновник. – Вас хочет нанять Белл-Сандиа. Контракт на выполнение одного задания, с неограниченным сроком действия. – Он повернул монитор так, чтобы Абигейл было видно. – Очень хорошие условия, так всегда бывает в контрактах повышенной опасности.

– Повышенная опасность? Белл-Сандиа – это ребята, которые занимаются связью? И в чем же риск?

Служащий вызвал на монитор следующий блок информации.

– Вот! – Он постучал по экрану пальцем. – Фразы очень витиеваты, но суть в том, что им нужен испытатель в межзвездный корабль, проходящий сквозь черные дыры.

– Этого не может быть. Приливные силы...

– Увольте. Вероятно, они как-то решили эту проблему. Вопрос только в том, согласны вы или нет.

⁷ Гинунгагап – в скандинавской мифологии первичный хаос, мировая бездна, в которой возникло первосущество.

Абигейл посмотрела сквозь решетку: прямо у нее над головой по вогнутой поверхности противоположной стороны цилиндра бежал извилистый ручеек. В нем плескались дети. Девушка медленно досчитала до ста, делая вид, что ей нужно время, чтобы решиться.

Абигейл пристегнулась к креслу транкапсулы и кивнула технику за стеклом камеры. Он нажал пуск. Абигейл и воздух вокруг нее сковало стазис-поле. Стена камеры раскрылась, как диафрагма фотоаппарата. Транслятор снова исполнил привычный уже технологический фокус – лишил ее инерции и придал скорость, близкую к скорости света. Звезды ярко вспыхнули, а солнце потускнело. Абигейл глубоко вздохнула и...

...оказалась в приемной камере. Относительность украла у нее почти все время перелета, оставив от него какую-то жалкую кроху.

Девушка отстегнула ремни и побежала к стоянке паромов. Пилот парома встретил ее улыбкой и сразу уткнулся в свои приборы. Он был молод, на груди и бедрах нанесены коричневые полосы, которые были лишь немного темнее его кожи. Сетчатый жилет можно было бы счесть безвкусным, но он так здорово подходил парню, что выглядел скорее озорно, чем претенциозно.

Абигейл захотелось иметь на себе что-то, кроме набедренной повязки и лака для ногтей: хотя бы какую-нибудь косметику и украшения. Рядом с этим щеголем она почувствовала себя невзрачной.

На стоявшем перед ней мониторе светились два изображения, полученные от синхронных телекамер. Под ними мерцали цифры. Одна картинка изображала место назначения – базу Белл-Сандиа «Артур Ч. Кларк». Это были пять концентрических колец, вращающихся друг вокруг друга с разными скоростями. Компьютер раскрасил их всеми оттенками красного. Учитывая удаленность базы от заводов Большого пояса, размеры ее были довольно внушительными.

Абигейл уселась в кресло пассажира и пристегнула ремень. Заработали двигатели.

– Гинунгагап – единственная известная черная дыра в гравитационном поле Солнца, открыта в две тысячи двадцать третьем году, – попискивал тоненький голосок, комментируя второе изображение. – Ее существование объясняет остававшиеся долгое время загадкой отклонения планет Солнечной системы от рассчитанных орбит. База «Артур Ч. Кларк» была...

– А без этого никак? – спросила Абигейл.

– Никак, – ответил пилот. – Мы отказались от туристической программы около года назад, но режим полета остался прежним. А с правилами у нас строго.

Пилот подмигнул огорченной Абигейл:

– Потерпите минутку.

Он склонился над приборной доской.

– ...основана сорок лет спустя, и вскоре были налажены связи с колонией Проксима. Гинунгагап...

Голос пропал. Девушка благодарно улыбнулась.

– Абигейл Вандерэк.

– Чейни, – представился пилот. – Ты из гравитационщиков?

– Ага.

– Я был раньше пустотником. Но устал от этого и согласился на первый попавшийся более-менее надежный контракт.

– А я выбрала другой путь.

– Может быть, мне тоже следовало так поступить, – дружелюбно сказал Чейни, – но все-таки это трудно. Я заработал там три дырки.

Он показал широкую белую полосу на животе, большое красное неровное пятно у соска и белый дугообразный шрам, прикрытый волосами.

– Я мог бы избавиться от них, но считаю, что жизнь – это процесс приобретения шрамов и опыта, поэтому решил все оставить как есть.

Если бы Абигейл показалось, что парень хочет произвести на нее впечатление, она тут же осадил бы его. Но это было просто частью самопрезентации, возможно, обоснованной, возможно – нет. Абигейл подозревала, что, за исключением туристических поездок на Землю, Чейни толком нигде и не бывал и база «Кларк» находилась в самом глубоком месте гравитационного колодца системы.

И все же парень обладал неотразимым мальчишеским обаянием.

– Покажите мне сеть связи, – попросила девушка.

Паром описал петлю, и под ним потянулись километры стального кружева. Чейни показал на небольшую параболическую антенну на внешнем кольце станции:

– Вон та дальняя антенна подает сигнал в Гинунгагап. Остальные служат для связи с Мамочкой.

– Мамочкой?

– Так обычно называют «Артур Ч. Кларк».

Он беспечно развернул паром и рассказал длинную, пересыпанную непристойностями историю о происхождении этого прозвища. Абигейл засмеялась, а Чейни показал пальцем на монитор:

– Вот Гинунгагап.

Девушка стала напряженно всматриваться:

– Где? Не вижу!

На втором изображении было лишь едва заметное маленькое красное пятнышко – увеличенное изображение черной дыры.

– Не слишком впечатляет, правда? Но опасность от этого меньше не становится. Даже на таком расстоянии достает сильное ионизирующее излучение от ее аккреционного диска.

– Поэтому нужна промежуточная станция?

– Да. Интенсивность излучения бывает разной, но если бы выход из трансляторной сети был на «Кларке», примерно треть пассажиров просто погибала бы.

Чейни высадил Абигейл на причале Мамочки и улетел. Девушка остановилась в нерешительности: она не знала, куда идти и что делать.

– Это вас мы сбрасываем в Гинунгагап?

Абигейл обернулась и встретила цепкий взгляд коренастого мужчины. Его набедренная повязка была старомодного оранжевого цвета.

– Мне понравился этот ваш номер с рукой. Нужно большое мужество, чтобы совершить такое. – Они обменялись рукопожатиями. – Я Поль Жерар. Начальник внешней безопасности. Отвечаю за вашу подготовку. Вы играете в словесный пинг-понг?

– Почему вы спрашиваете? – автоматически включилась Абигейл.

– А вы не знаете?

– А я должна?

– Вы имеете в виду сейчас или потом?

– А потом ответ будет другим?

Суровые черты Поля смягчились улыбкой.

– Отлично.

Он взял Абигейл за руку и повел по наклонному коридору.

– У нас не так много времени на подготовку. Пробный имитационный полет через две недели. Потом все пойдет очень быстро. Хотите начать прямо сейчас?

– А у меня есть выбор? – удивленно спросила девушка.

Поль резко остановился.

– Послушайте, – начал он, – вот правило номер один. Не играйте со мной ни в какие игры. Понятно? Потому что я всегда выигрываю. Не иногда, не как правило, – а всегда.

Абигейл вырвала свою руку из руки Поля.

– Вы сами меня заставили, – рассерженно сказала она.

– Считайте это частью вашей тренировки. – Поль смотрел ей прямо в глаза. – В какие бы там гравитационные колодцы вы ни спускались, все равно вы останетесь существом околоземной культуры – доверчивым, судящим о вещах по их внешнему виду. Это опасно. Я хочу, чтобы вы это поняли. Я хочу, чтобы вы научились видеть суть вещей, скрытую за их маской. Я хочу, чтобы вы повзрослели. И вы повзрослеете.

«Не будь таким самоуверенным».

Поль словно прочитал ее мысли, на лице его мелькнула улыбка.

– Это звучит слишком серьезно для поездки на Проксиму, – сказала Абигейл, теперь уже вслух.

– Урок номер два: не делайте поспешных выводов. Вы не полетите на Проксиму.

Он повел девушку вниз по пандусу к следующему колесу, задержавшись на секунду, чтобы приспособиться к меньшей скорости вращения.

– Вы всего лишь навестите пауков. А центр управления – там.

Тускло освещенный центр управления был большим и напоминал пещеру.

Стоящие сплошными рядами компьютеры образовывали длинные замысловатые коридоры. На компьютеры и операторов падали узкие пучки света. Между рядами стояли комнатные растения.

– Это сердце нашего зверя, – сказал Поль. – Зеленые терминалы обслуживают связь с Проксимой. Теперь это совершенно обычное дело. Но синие...

Его глаза странно сверкнули, и Поль показал на серебристые экраны, установленные над клавиатурами. На них медленно двигались зернистые амебообразные черно-белые изображения. Абигейл никак не могла понять, что же это такое.

– Это пауки, – сказал Поль. – Мы переговариваемся с ними в реальном времени. Почти все запаздывание – время, уходящее на машинный перевод.

Восприятие изображенного на экране быстро изменилось, и теперь Абигейл увидела огромное паукообразное существо. Вот это черное пятно, мерцающее на экране, – паучья лапа, а вот это – вздутое брюхо. Абигейл сразу почувствовала инстинктивное отвращение, быстро сменившееся острым любопытством.

– Чужаки? – спросила она.

– Чужаки.

На самом деле эти существа походили на пауков не больше, чем люди – на обезьян. По сравнению с земными пауками каждая из их восьми ног имела на одно сочленение больше, и форма жвал была совсем другая. Но для неопытного глаза они все-таки выглядели просто большими пауками.

– Но это... как долго вы... почему, ради бога, вы держите это в тайне? – Абигейл захлестнула безотчетная радость. Встреча с инопланетянами открывала бездну новых возможностей, словно до этого люди жили в коробке, а теперь откинули крышку.

– Технические секреты, – сказал Поль. – Эта штука, в которой вас отправят через Гинунгагап к их черной дыре, – изобретение пауков. Мы выменяли это изобретение на информацию по оптике, но закон не защитит наши права, пока мы не продемонстрируем его действие. Мы не хотим, чтобы другим корпорациям стало что-нибудь известно.

Он кивнул на ближайший черно-белый экран.

– Как видите, с оптикой у них плоховато.

– Как бы я хотела поговорить с ними...

Абигейл осеклась, потому что сразу почувствовала, как по-детски прозвучали ее слова.
– Я устрою вам знакомство.

Рядом послышался шорох. Девушка обернулась и увидела появившегося из кустов большого черного кота. Лапы и брюхо у кота были белые.

– Это высокочтимый глава «Связей с чужими цивилизациями», – кисло произнес Поль. Абигейл засмеялась, но, сообразив, что Поль имеет в виду не кота, смущенно замолкла.

– Хулио Домингес, шеф отдела связи, – представил Поль. – Абигейл Вандерэк, специалист по гравитации.

Сморщенный, высохший старик улыбнулся по-профессорски:

– Полагаю, вам объяснили, как работает коммуникационная сеть, не так ли?

– Ну... – начала Абигейл.

Домингес прищелкнул языком. Он носил желтую набедренную повязку и такой же шейный платок – немного ярковато для человека его возраста.

– Это все очень просто. Скорость отрыва от черной дыры превышает скорость света. Поэтому внутри Гинунгагапа скорость света не является наибольшей возможной скоростью сигнала. – Он с явным удовольствием воззрился на озадаченную Абигейл. – Иначе говоря, когда мы направляем поток электронов в одну черную дыру, они появляются где-то еще из другой. И если мы направим их нужным образом, – старик неожиданно возвысил голос, – они появятся из черной дыры так, как нам надо. Физика очень простая. Вся штука в том, как направить поток электронов.

Кот подошел к Абигейл, ткнулся лбом в ее ногу и требовательно муркнул. Девушка нагнулась и взяла его на руки.

– Но из черной дыры ничто не может выйти, – возразила она.

Домингес благодушно хмыкнул:

– Но попасть в нее может все, что угодно, правда? Позитрон, например. Позитрон, падающий в Гинунгагап в положительном времени, – то же самое, что электрон, вылетающий оттуда во времени отрицательном. И обратно, позитрон, проваливающийся в черную дыру в отрицательном времени, в действительности является электроном, вываливающимся оттуда в положительном времени. Что нам и нужно. Представьте Гинунгагап физическим воплощением математического знака эквивалентности.

Абигейл вздохнула, чувствуя, что ее поставили на место. Три белых мотылька порхали в воздухе. Кот зачарованно наблюдал за ними, пока девушка гладила его по голове.

– В любом случае электроны появляются. Раз есть экспериментальные данные – теория послушно их объясняет.

– Расскажите мне про пауков, – поспешно сказала Абигейл, чтобы старик не съехал с темы.

Мотыльки, порхая вверх-вниз, из стороны в сторону, исполняли трехмерный балет, поставленный случайностью.

– Чужаки, – сказал Хулио Домингес, хмуро уставившись на Поля, – для нас все еще загадка. Мы обмениваемся фактами, научными открытиями, технологиями, но самые важные вопросы не поддаются математической кодировке. Знают ли они что-нибудь о любви, ценят ли красоту? Верят ли в Бога?

– Хотят ли нас съесть? – встрял Поль.

– Не придируйся, – огрызнулся Домингес. – Конечно нет.

Мотыльки долетели до Абигейл, и их трио распалось. Два обогнули ее слева и справа, а третий пролетел у девушки над плечом, и кот ударил по нему лапой.

– Кота зовут Треск, – сказал Поль. – Ребята из БИО его клонировали.

Домингес открыл было рот, но тут же закрыл. Абигейл почесала Треска под подбородком. Кот прищурил глаза, задрал голову и замурлыкал почти беззвучно.

– С вашего позволения. – Поль подошел к клавиатуре, отодвинув в сторону оператора. – Вообще-то, тут нужно пользоваться специальным упрощенным кодом, однако, если избегать хитрых оборотов и идиоматики, не возникает трудностей и с обычным языком. – Он нажал на клавишу. – Приветствую тебя, паук.

Пауза. По экрану промелькнула волосатая лапа.

– Привет, человек.

– Знакомься – Абигейл Вандерэк. Она наш представитель. Она полетит в спиннере.

Пауза. И опять – сложное движение паучьей лапы.

– Вакуумный переход... (неразборчивый треск)... остающийся... (треск)... коммерческие выгоды... (треск)... неподвижная точка в космосе.

– Трудно переводить, – сказал Поль. Он сделал знак Абигейл, чтобы девушка ответила. Поколебавшись, Абигейл сказала:

– Вы прилетите к нам? Тем же способом, что и мы к вам?

– Нет, понимаете... – начал Домингес, но Поль жестом попросил его замолчать.

– Нет, Абигейл Вандерэк. Мы – это жизнь, имеющая серную основу.

– Я не понимаю.

– Вы можете... (треск)... черную дыру пройти... (треск)... в спиннере, потому что вы углеродная жизнь. Углеродные соединения имеют форму цепей, а серные соединяются решетками или ячейками. Наша... (треск)... простейшая форма... (треск)... Иногда бывают серные соединения в виде коротких цепей.

– Мы потом объясним вам, – сказал Поль. – Продолжайте, у вас хорошо получается.

Абигейл снова заколебалась. О чем говорить с пауком? Наконец она решилась.

– Вы хотите нас съесть?

– О боже, прогоните ее от этой штуки! – закричал Домингес, протягивая руку к клавиатуре.

Но Поль остановил его:

– Нет. Я хочу услышать ответ.

Несколько паучьих лап образовали на экране замысловатый узор.

– Вопрос бессмыслен. Жизнь, имеющая серную основу, не извлечет никакой пользы из поедания жизни, имеющей углеродную основу.

– Вот видите, – сказал Домингес.

– Но если бы это было возможно, – настаивала Абигейл, – если бы вы могли съесть нас и получить пользу, вы бы съели?

– Да, Абигейл Вандерэк. С огромным удовольствием.

Домингес оттолкнул ее от компьютера.

– Мы ужасно сожалеем, – сказал он пауку. – Это ужасное, ужасное недоразумение. Вы! – крикнул он оператору. – Вернитесь и сотрите этот кошмар.

Поль усмехнулся.

– Пойдем, – сказал он Абигейл. – На сегодня хватит.

Когда они пошли, Треск извернулся и прыгнул с рук Абигейл. Кот приземлился на четыре лапы и скрылся в кустах.

– Они бы действительно нас съели? – спросила Абигейл и, осознав нелепость вопроса, изменила его: – Значит, они нам враждебны?

Поль пожал плечами:

– Может, они решили, что мы обидимся, если они не изъясят готовность нас слопать.

Он проводил девушку до ее квартиры.

– Завтра мы начнем готовиться по-настоящему. На досуге рекомендую составить перечень способов, какими пауки могут нам навредить, если мы установим транспортное сообщение, а они окажутся нам враждебны. И еще один список – причин, по которым мы не можем

им доверять. – Поль несколько секунд помолчал. – Сам я уже такие списки сделал. Вы увидите, что они получились довольно длинные.

Жилье Абигейл нельзя было назвать особо роскошным, но девушке квартира понравилась. Пол, потолок, стены представляли картину звездного неба, нарушаемую лишь решеткой, по которой вился дикий виноград. Кто-то провел исследование ее вкусов.

– Привет.

Этот веселый возглас заставил Абигейл вздрогнуть от неожиданности. Девушка обернулась и увидела, что кто-то лежит в ее гамаке. Это был Чейни. Он сел, гамак при этом качнулся.

– Заходите, заходите, пожалуйста. – Чейни нажал невидимую клавишу, и все звезды, что были вокруг, съехали в фиолетовый спектр и засияли ярким эротическим пурпуром.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Абигейл.

– У меня есть несколько свободных часов, – сказал Чейни, – и я решил забежать, чтобы тебя соблазнить.

– Хорошо, Чейни, я ценю твою откровенность, поэтому не скажу: нет.

– Спасибо.

– Я скажу: может быть, в другой раз. А теперь мотай отсюда. Я устала.

– О'кей. – Чейни соскочил с гамака и весело направился к выходу. В дверях он остановился: – Так ты сказала «потом», верно?

– Я сказала «может быть, в другой раз».

– Значит, потом. Ясненько.

Он подмигнул ей и ушел. Абигейл завалилась в гамак и загнала звезды в красный спектр – так глубоко, что ото всей Вселенной осталась лишь реденькая россыпь тусклых красных угольков. Вот же настырный тип! С ним не может быть никаких отношений, кроме самых поверхностных. Девушка закрыла глаза и улыбнулась. К счастью, сейчас ей совершенно не нужны серьезные отношения. Абигейл заснула.

Она падала... Она посадила корабль недалеко от автоматической лаборатории 3М. В зеркальном куполе отражались белые облака, уплывавшие к северу, где, перечеркивая линию горизонта, высилась громада Снегов Олимпа. Все остальное: земля, небо, горы – было обычного марсианского оранжевого цвета. Девушка вышла из корабля и вскинула на плечи рюкзак с припасами.

Снабжение станции 3М-RL было паршивой работой – легкой, но скучной. Может быть, поэтому при спуске по каменистому склону холма Абигейл была осторожна меньше обычного, а может, камень у нее под ногой пошатнулся бы независимо от того, насколько внимательна она была. У нее подвернулась лодыжка, и Абигейл стала валиться на бок, а рюкзак за спиной слишком сильно сместил ее центр тяжести, чтобы можно было сохранить равновесие. Девушка замахала руками и сорвалась со склона.

Камнепад нес ее вниз, ломая кости и раздирая тело. Но прежде чем Абигейл успела почувствовать боль, скафандр впрыснул ей мощную дозу нервного синестетика, переводя болевые ощущения в цветовые: красный, каштановый, коричневый со стаккато острых желтых бликов каждый раз, когда камень ломал ей ребра. Так она падала в радужном вихре чудного света. Конец падения завершился оранжевым взрывом.

Горы встали на свои места. Облако пыли унеслось прочь, к далекому горизонту. Большой зазубренный камень, скатившийся следом за Абигейл, разодрал рюкзак. Инструменты, продукты, дыхательные баллоны – все это разлетелось и дождем высыпалось на землю. Большой, с руку человека, разводной ключ упал в нескольких дюймах от головы Абигейл. Она вздрогнула, и внезапно все вокруг стало реальным.

Девушка дернула ногами, и поднялось облачко песка и пыли. Подтянув ноги (лодыжка сияет золотом), Абигейл попыталась встать и тут же упала вновь. Что-то резко дернуло за

руку. Когда Абигейл повернула голову, ее захлестнуло глубокое темно-пурпуровое ощущение в левой руке, которую придавил большой обломок скалы. В пальцах никакого цвета не было.

– Веселые дела, – пробормотала Абигейл.

Она потянула руку, попыталась сдвинуть камень. Бесполезно. Подбородком Абигейл повернула тумблер передатчика.

– Проходчик вызывает приемную станцию, – сказала она, поколебалась, стыдясь своего положения, потом продолжила: – Мэйдэй⁸. Повторяю, мэйдэй. Можете вы прислать за мной спасателей?

Ответа не было. С отвратительно зеленым ощущением в глубине живота Абигейл дотянулась свободной рукой в перчатке до тыльной стороны шлема. Прикоснулась к чему-то неровному, зазубренному, – ощущение ржавое в крапинку – это были остатки ее передатчика.

– Кажется, у меня проблемы, – сказала девушка вслух, прислушиваясь к звуку своего голоса. Голос был, возможно, тусклым и несколько отстраненным, но зато в нем не было никакой паники.

Абигейл быстро перебрала в уме все, что имелось в ее распоряжении. Один неповрежденный скафандр и шлем. Один разводной ключ. И чертова куча камней, до которых можно дотянуться свободной рукой. Достаточно воздуха. Абигейл посмотрела на внутреннее табло шлема. Хватит примерно на час. Почти половина необходимого для спасения – если промежуточная станция проведет проверку связи точно по графику и сразу же среагирует.

Большую часть содержимого рюкзака разбросало вне досягаемости. Однако один прямоугольный газовый баллончик приземлился довольно близко. Абигейл попыталась до него дотянуться, но не достала. Скосила глаза, но не смогла прочитать этикетку. Это почти наверняка сжиженный газ: кислород или азот для автоматической лаборатории. Но есть небольшой шанс, что это запасной баллон воздуха. Если так, то в нем ее спасение.

Абигейл еще раз внимательно осмотрелась, но больше ничего не заметила.

– Порядок. Должно быть, это баллон воздуха.

Она сделала еще одну попытку, до предела вытянув свободную руку. Не хватило буквально одного сантиметра.

На мгновение Абигейл растерялась. Потом, чувствуя себя полной идиоткой, схватила разводной ключ. Она подцепила ключом баллон и потянула; баллон неохотно сдвинулся.

Когда девушка наконец-то смогла отложить разводной ключ и взять баллончик, рука у нее посинела от напряжения. Когда Абигейл читала надпись, по лицу струйками бежал пот.

Это оказался жидкий кислород – вещь совершенно бесполезная. Если впрыснуть его содержимое в скафандр, то первый же вздох превратит ее легкие в лед. Она выронила баллончик и, неподвижно лежа на спине, тупо глядела в небо.

Там, наверху, была цивилизация. Десятки тысяч обитаемых станций, связанных между собой коммуникационными и трансляторными сетями. По лазерным кабелям беспрестанно летели человеческие послания. Трансляторы отнимали и возвращали инерцию, пропуская потоки пассажиров и грузов со скоростью, близкой к скорости света. К третьему заводу колонистов на Проксиму строился новый звездолет. Там, наверху, в роскоши и неге жили свободные от безжалостных тисков гравитации люди. Но здесь...

– Я скоро умру, – тихо сказала Абигейл, и ее охватило благоговейное изумление. Ибо это было правдой. Ей предстояло умереть.

Смерть была черной стеной. Она стояла перед Абигейл, простираясь бесконечно во все стороны: гладкая, таинственная, безликая. Казалось, протяни руку – и вот она. Скоро, если только за ней что-то есть, Абигейл пройдет сквозь смерть. Скоро, очень скоро она узнает...

⁸ Мэйдэй (Mayday) – радиотелефонный (голосовой) международный сигнал бедствия, аналогичный радиотелеграфному SOS.

Абигейл дотронулась до застежки на шлеме. Ощущалась она чем-то серым – гладко и почти приятно. Скользя по застежке, пальцы Абигейл добрались до шеи. И тут, содрогнувшись, она поняла, что думает о том, чтобы расстегнуть скафандр, выпустить воздух и ничего не ждать...

С неожиданной решимостью она расстегнула застежку на плече придавленной руки. Обрезанный таким образом рукав автоматически сжался, перекрыв путь воздуху; зажатая рука оказалась в марсианской атмосфере. Абигейл взяла баллончик с кислородом и свободной рукой зажала его под мышкой. После этого ей удалось открыть его разводным ключом.

Примерно минуту девушка поливала обреченную руку жидким кислородом, пока та наконец не превратилась в кусок льда. Потом Абигейл выпустила баллончик, взяла разводной ключ и размахнулась...

Рука рассыпалась на тысячу кусочков.

Абигейл встала.

Она проснулась в холодном поту. Вернув звездному небу его нормальный вид, села в гамаке. Через несколько минут в голове прояснилось, и Абигейл установила освещение на режим периодического перехода от красного к голубому с частотой своего нормального пульса. В конце концов этот мерный ритм вновь ее убаюкал.

– Ничего похожего, – сказал Поль.

Он прокрутил ленту назад и остановил на том месте, где паук сплел ноги попарно.

– Это выражение крайнего отвращения, запомните. Это легко заметить, и ребята-лингвисты говорят, что любое сопровождающееся этим жестом высказывание следует понимать наоборот. Ирония, понимаете? Например, когда пауки говорят, что сильный должен защищать слабого, это означает...

– Давно мы уже этим занимаемся?

– Практически все время, – жизнерадостно сказал Поль. – Вы хотите на сегодня закончить?

– Только если это не отразится на моей репутации.

– Отлично! – Поль выключил монитор. – Хорошо продумано. Вы абсолютно правы. Это отразилось бы. Однако в награду за понимание вы можете уйти раньше, и это не будет отмечено на вашей дискете.

– Спасибо, – кисло отозвалась Абигейл.

Как и в случае большинства подобных космических сооружений, рядом с «Кларком» вращалось около дюжины искусственных спутников. Когда Абигейл обнаружила, что среди них есть спортивный комплекс, она решила каждый день после занятий с Полем тренироваться там по часу. Сегодня – два часа.

Первый час Абигейл боксировала с тенью и тренировалась в савате⁹, при повышенной силе тяжести, чтобы вогнать себя в пот. Второй час занималась в осевой комнате, делая гимнастические упражнения в невесомости. После первого часа тренировки Абигейл почувствовала свое тело легким, ловким и гибким.

Она вернулась из спортивного комплекса бодрая и вспотевшая и снова обнаружила в своем гамаке Чейни.

– Чейни, – назидательным голосом произнесла Абигейл, – уже не первый раз мне приходится выкидывать тебя отсюда.

Шутливо изображая протест, Чейни поднял руки.

⁹ *Сават* (или «савате») – французская ножная борьба.

– О нет, – сказал он, – сегодня ничего такого. Я пришел посмотреть с тобой дискуссию на плоту.

Абигейл чувствовала усталость, зато на душе было легко, а в голове – почти пусто. Поль что-то говорил об этом, но...

– Давай тогда включим. Такое не следует пропускать.

Чейни дотронулся до стены. На дальней стене комнаты появился экран, и на нем задвигались фигуры.

– А что такое «дискуссия на плоту»? – спросила Абигейл, сдаваясь на милость победителя.

Она забралась в гамак рядом с Чейни. Несколько секунд они легонько покачивались.

– Это плот, видишь? Он потерял управление, на нем нет топлива, кислорода только на одного. Но на борту трое: два человека и один паук.

– А пауки дышат кислородом?

– Не важно. Это гипотетическая ситуация.

Два из трех существ на экране были Домингес и Поль, спокойно ожидавшие начала дискуссии. Третье – плоское изображение паука.

– О'кей, а что дальше?

– Они спорят, кто больше достоин выжить. Домингес говорит, что он, потому что он – человек, а культура людей выше культуры пауков. Паук то же самое говорит о себе и своей культуре... – Чейни обнял девушку за талию. – Ты приятно пахнешь.

– Спасибо, – ответила Абигейл, не обращая внимания на его руку. – А на чем настаивает Поль?

– Он адвокат дьявола. Он говорит, что никто не заслуживает жизни и что баллон с кислородом нужно выбросить.

– Полю должна понравиться такая роль. А в чем смысл дискуссии?

– Это развлечение. Здесь не предполагается смысла.

Абигейл сомневалась, что все так просто. Этот спор может многое открыть в пауках, в образе их мыслей, как только лингвисты изучат текст. Пауки, в свою очередь, без сомнения, будут изучать ответы людей. «Это может быть интересно», – подумала девушка.

Теперь Чейни слегка поглаживал ее по бедру. Абигейл никак не реагировала, потому что еще не решила, нравится это ей или нет. В центре экрана появилась Луис Чанг, женщина, занимающая какой-то высокий административный пост.

«Добро пожаловать, – сказала она и объяснила правила игры. – Победитель определится голосованием. Люди и пауки будут участвовать в голосовании поровну. Пожалуйста, принимайте ваше решение, основываясь не на расовом шовинизме, а на силе аргументов».

Рука Чейни осторожно прошла по груди Абигейл. Соски напряглись. Рука задержалась.

«Дебаты начнет джентльмен, представляющий пауков».

Паук зашевелил лапами.

«Благодарю вас, миссис Председатель. Я докажу, что выжить должен я, представитель культуры более развитой по причине наших технологических достижений. Три примера. Люди открыли трансляторные переходы недавно, а мы уже используем их много шестнадцаток... (треск)...Наша технология черных дыр лучше. И наш... (треск)...имел... (треск)...сколько существует наше общество».

«Спасибо. Теперь джентльмен, представляющий человечество».

«Спасибо, миссис Председатель». Домингес поправил повязку на руке.

Чейни откинулся назад, и Абигейл прислонилась к нему. Ее голова удобно расположилась на его плече.

«Мой главный довод основывается на том, что технология – это не единственная и даже не самая важная часть культуры. Если этого не учитывать, дельфинов придется считать нера-

зумными. Эстетические области – искусство, теология и философия – намного важнее. И я постараюсь это доказать».

– Он выбрал неверную тактику, – прошептал Чейни на ухо Абигейл. – Для пауков все это – чистый треск.

«Спасибо. Мистер Жерар?»

Поднялся Поль. Он театрально отхлебнул из маленькой фляжки и воздел ее над головой.

«Алкоголь! Вот величайшее достижение человеческого рода!»

Абигейл фыркнула. Чейни громко расхохотался.

«Но я утверждаю, что ни мистер Домингес, ни глубокоуважаемый паук не заслуживают жизни, потому что ни одна из их культур не проявляет должного уважения к разумным существам. Что я и намерен доказать».

Абигейл посмотрела на Чейни, тот пожал плечами. Фигура Поля исчезла.

«Дискуссия будет продолжена в порядке очереди, начиная с distinguished инопланетянина», – сказала Чанг.

Паук и затем Домингес изложили свои доводы, как показалось Абигейл – довольно бледные. Но девушка слушала не очень внимательно, поскольку руки Чейни с большим интересом принялись исследовать потайные места ее тела. Быть может, он и не гений, но в некоторых вещах Чейни, без сомнения, хорош. Абигейл ткнула губами ему в шею и опять повернулась к экрану.

Снова появился Поль. Он держал что-то в кулаке. Когда ладонь раскрылась, на ней оказались три стальных подшипниковых шарика.

«Когда я был ребенком, я сбегал из школьного модуля в осевую комнату, чтобы поиграть в шарики».

Абигейл улыбнулась; в детстве она тоже не отличалась особым послушанием.

«Специально для наших коллег-пауков я объясню, что мраморные шарики – это такая игра в невесомости с целью развития координации и пространственного восприятия. Вы строите из шариков шестиконечную звезду. – Один из шариков выпал из его руки, со стуком отскочил от пола и исчез, выкатившись из поля зрения камеры. – Здесь, конечно, игра не получится. Но вся штука в том, что, если хорошенько прицелиться, шарик ударяет в конец звезды, его кинетическая энергия передается от шарика к шарiku по цепочке. Так что брошенный шарик становится на место первого, а последний шарик в цепочке улетает».

Чейни внимательно слушал Поля и почти перестал ласкать девушку.

«Так вот, мы собираемся послать человека сквозь Гинунгап и соответствующую ему черную дыру в мире пауков. По крайней мере, мы говорим, что сделаем именно это. Но из второй дыры выйдет не обязательно то же самое, что попадет в первую. Мы направляем в Гинунгап электрон, и где-то появляется другой электрон. Они идентичны. Это прямая причинно-следственная связь. Но происходит как в случае с мраморными шариками: они одинаковы и имеют одну и ту же кинетическую энергию. Но это не тот же самый электрон».

Рука Чейни остановилась. Тронув невнимательного гостя за бедро, Абигейл напомнила о своем существовании.

«Любой, кто этим интересуется, может посмотреть уравнения. Когда мы обмениваемся информацией, это не имеет значения. Здесь важна сама информация, а не средства передачи. Однако когда мы пошлем человеческое существо... то, что появится из другой черной дыры, будет идентично каждой клеткой, каждым атомом. *Но это не будет тот же человек.* – Поль несколько секунд помолчал. Он улыбался. – Таким образом, я полагаю, что это убийство. И поэтому, вступив в сговор с целью совершения убийства, и раса пауков, и раса людей совершили преступление против разума. Короче, на нашем плоту жизни не заслуживает никто. У меня все».

«Мистер Жерар! – Протестующий голос Домингеса раздался даже раньше, чем на экране появилось его изображение. – Простейшее математическое доказательство – тождество: А равно А. Вы что, собираетесь это отрицать?»

Поль поднял на ладони два стальных шарика.

«Шарики тоже идентичны и тождественны, но ведь это не один и тот же шарик?»

«Мы знаем феномен, о котором вы говорите, – сказал паук. – Это, как если бы... (треск) ... черная дыра в тот же момент испускала. Здесь нет нарушения непрерывности. Эти два объекта – одно и то же. Здесь нет смерти».

Абигейл успела завалить Чейни в гамак, и оба они лежали теперь на боку. Изображение на экране им было по-прежнему видно.

«Это до тех пор, пока вам не случится быть первым шаром, а не вторым», – сказал Поль. Абигейл осторожно лизнула Чейни ухо.

– Он прав, – шепнул Чейни.

– Нет, не прав, – возразила Абигейл и укусила парня за мочку.

– Ты имеешь в виду рассуждение о смерти?

– Конечно. Он путает семантику с реальностью.

Девушка занялась внимательным изучением шеи Чейни.

– Хорошо.

И тут Абигейл почувствовала, что она что-то упустила.

– Почему ты спрашиваешь? – Девушка высвободилась из его объятий и села. Чейни сел тоже.

– Просто так. – Он снова обнял ее. Но Абигейл была уверена, что от нее что-то ускользнуло.

Они лениво ласкали друг друга, пока не кончились дебаты. Абигейл проголосовала за Домингеса, а Чейни за Поля. В результате почти единодушного голосования пауков выиграл паук.

– Я говорил тебе, что Домингес избрал неверную тактику, – сказал Чейни. Он спрыгнул с гамака. – Послушай, мне нужно навестить кое-кого кое-зачем. Скоро вернусь.

– Но ты же не уйдешь сейчас? – опешила Абигейл.

Дверь за Чейни захлопнулась. Взбешенная девушка спрыгнула с гамака и решила пойти за ним.

Никогда ее еще так не оскорбляли. Чейни не пытался убежать или замечать следы, ему, видно, и в голову не приходило, что Абигейл может его преследовать. Девушка кралась за ним по коридору, вверх по пандусу, и наконец увидела открывающуюся перед Чейни дверь. Абигейл узнала ее. Девушка присела на корточки за кустом и задумалась. Мимо прошел Треск, увидел ее и начал ласкаться.

– Брысь! – прошипела Абигейл.

Кот ткнулся в ее колено лбом. Девушка взяла Треска на руки. Он был очень доволен.

Дверь открылась, и из нее, посвистывая, вышел Чейни. Абигейл подождала, пока он уйдет, поднялась и вошла в дверь. Под прозрачным полом между длинными водорослями снова вали стайки рыб. Это была строгая комната аскета без каких-либо украшений. Не видно было даже гамака.

– Значит, Чейни работает на вас, – холодно сказала Абигейл.

Поль оторвался от стоявшего в углу монитора.

– Да, минуту назад я подписал с ним постоянный контракт. Он довольно умен. Молод, правда, еще, но должен справиться.

– Значит, вы признаете, что поручили ему проверить меня вашими дурацкими доводами? – Треск завожился у нее на руках, и девушка взяла его поудобнее. – И что этот спор вы придумали специально для меня?

– Ну вот, – кивнул Поль, – я же знал, что тренировка даст свои результаты. Такое короткое время – и вы уже научились осторожности.

– Вы не ответили на вопрос.

– Мне нужна была ваша искренняя реакция, а не тот ответ, который вы бы мне дали, зная, что от него зависит ваш полет сквозь Гинунгагап.

Треск сердито зашипел.

– Вот-вот, Треск, скажи ему! Я с тобой полностью согласна. – Она шагнула в коридор и обернулась: – Вы проиграли дискуссию.

Еще долго после того, как за ней захлопнулась дверь, Абигейл чувствовала спиной снисходительную улыбку Поля.

Вернувшись домой, она в очередной – и последний – раз выкинула Чейни из своего гамака. Два дня спустя ее вызвали в центр управления.

– Испытание, – сказал Поль по внутренней связи. – Ваше присутствие обязательно.

Центр управления был заполнен техниками; их было раза в три больше, чем компьютерных терминалов. Люди небольшими группками собрались вокруг экранов. Абигейл подошла к Полю.

– Вот, – сказал он, – это «Клото»¹⁰, платформа, которую мы построили для нашего аппарата. Расстояние около сотни километров. Я хотел больше, но Домингес не согласился. Прибор, который разматывает вас и сбросит в Гинунгагап, – это вон та штуковина в центре.

Поль нажал клавишу, платформа приблизилась и заполнила собой весь экран. Она была покрыта большим прозрачным куполом. Человек в скафандре что-то засовывал в механизм, напоминавший гигантскую металлическую раковину.

Абигейл не поверила своим глазам, зажмурилась и открыла глаза снова.

– Но это же Треск, – с негодованием сказала она.

– Жалуйтесь Домингесу. Я хотел бабуина.

Раковина закрылась. Техник в скафандре вышел из-под колпака, и на экране замигали цифры. Тем временем паучье изобретение обездвигило Треска, превратило молекулы его тела в одну длинную, непрерывную полимерную цепь и со скоростью, близкой к скорости света, отправило ее в Гинунгагап. Вода из его тела была отведена и собрана в специальное хранилище. Ее электролитический баланс был записан и тут же передан потоком электронов. Они достигнут приемного устройства пауков одновременно с кошачьим полимером, и эта информация будет использована при воссоздании.

Прошло тридцать секунд. Теперь Треск на «Клото» присутствовал лишь частично. Невероятно длинная полимерная цепь невидимо проходила сквозь Гинунгагап. Где-то очень далеко пауки начинали ткать из нее кота.

Если только все идет хорошо.

Через девяносто две секунды после начала работы прибора цифры на экране замерли. Треска на «Клото» больше не было. Раковина открылась и оказалась пустой. В центре управления поднялся радостный гул. Домингес с чьей-то помощью забрался на стол. Он сделал приветственный жест рукой и сказал:

– Друзья!

Далее последовала длинная речь. Абигейл его не слушала. Рука Поля легла на плечо Абигейл. Это было его первое прикосновение к ней с момента знакомства.

– Домингес всего лишь ученый. Он и понятия не имел, насколько вам дорог этот кот.

– Послушайте, я сама пошла на это. Я знала об опасности. Но Треск – животное, у него не было выбора.

¹⁰ *Клото* – в древнегреческой мифологии одна из трех мойр, богинь судьбы.

Поль заколебался, подбирая слова:

– Кстати, это то, к чему я вас готовил. Причина, по которой летите вы, а не кто-нибудь вроде Домингеса. Он проецирует свои реакции на других людей. Если...

Увидев, что Абигейл не слушает, Поль сказал:

– В любом случае через несколько часов вы будете играть с котом. Они взяли его только для того, чтобы проверить системы жизнеобеспечения.

Через несколько часов в центре управления царило праздничное настроение. Пауки передали, что Треск совершил перелет без малейших повреждений. На короткое время кот появился на экране: он крался по платформе, аналогичной «Клото», злой, но совершенно невредимый.

– Смотрите, – сказал кто-то.

Экран показывал, что в приемную сеть начала поступать полимерная цепь кота. Через полторы минуты операция завершилась.

Все это походило на цирковой фокус: закрылась пустая раковина, туда была закачана вода, раковина открылась – и в центре ее оказался спокойно вылизывающий лапу Треск.

Абигейл улыбнулась.

– Добро пожаловать домой, Треск, – ласково сказала она. – Я скажу ребятам из БИО, чтобы они приготовили для тебя сливок.

Поль бросил на нее быстрый взгляд. Его глаза задержались на девушке всего на какое-то мгновение: ровно настолько, чтобы узнать о ней что-то новое и запомнить это на будущее. Затем Поль сразу перевел внимание на что-то еще. Когда он повернулся к Абигейл спиной, девушка показала ему язык.

На «Клото» опустился челнок, и из него вышла женщина-пилот. Неловко, зная, что на нее смотрят десятки глаз, она сняла шлем, присела, протянула к коту руку и стала его подзывать.

– Передайте этой идиотке, чтобы она надела шлем, – прорычал Поль. – Дура! Это настоящее...

А в следующее мгновение Треск выскочил из спиннера, черно-белой стрелой пронесся мимо опешившей женщины и сиганул в открытый челнок. Вот он вспрыгнул на приборную панель. Мягкие кошачьи лапы забарабанили по клавишам. Входной люк закрылся, включились двигатели...

Операторы в центре управления бросились к своим клавиатурам. Пилот на «Клото» лихорадочно пытался надеть шлем. Челнок взлетел, снеся при этом половину защитного купола, и выпустил с платформы воздух.

Экраны компьютеров показывали происходящее во множестве разных ракурсов, то крупным, то общим планом. Опешивший Домингес застыл столбом.

– Чейни, – спокойно сказал Поль. – Убери его.

– Он идет прямо на нас! – закричал кто-то.

Пальцы Чейни залетали по клавиатуре: тап-рап-тап. На экранах расцвел красный ядерный взрыв.

В центре управления настала мертвая тишина.

«Я чего-то не понимаю, – подумала Абигейл. – Мы только что взорвали пять процентов нашего челночного флота, чтобы убить одного кота».

– Вырубайте передатчики! – Поль расхаживал по центру управления и отдавал приказания. – Ничего не передавайте. Вы, вы и вы, – выгонял он операторов из-за пультов, – свободны. Вся эта проклятая связь будет прекращена.

– Поль... – начал было один из операторов.

– Продолжайте прием. – Поль даже не посмотрел на него. – Принимайте все, что они пошлют, сваливайте в хранилище и не смешивайте с нашей информацией, пока все не будет проверено.

В центре комнаты, всеми покинутый, стоял Домингес и растерянно бормотал:

– Что, что случилось?

– Вы слепой идиот! – сверкнув глазами, повернулся к нему Поль. – Ваши драгоценные пауки только что сделали нам первую гадость. Кот, который вернулся назад, был просто похож на того, которого мы послали. Они его подменили. Они ретранслировали его с инструкциями, вбитыми в его мозг.

– Но зачем они хотели украсть челнок?

– Не знаю!!! – проревел Поль. – Да поймите вы наконец! Мы не знаем их мотивов, нам неведом образ их мыслей. Но мы бы узнали об их намерениях гораздо больше, чем хотели, если бы я не установил на этом челноке взрывное устройство.

– Вы не... – начал Домингес и запнулся, одумавшись.

– Не имел права устанавливать это устройство, – закончил за него Поль. – Это верно. Не имел.

В его голосе звенел сарказм. Домингес весь как-то съежился. Его тусклый, ничего не выражающий взгляд рассеянно блуждал по сторонам. Потом, ссутулившись, шеф связи вышел. Полностью опозоренный в глазах своих подчиненных.

«Силён», – подумала Абигейл. Ее удивила жестокость Поля. Ни на секунду она не поверила, что гнев в его голосе был настоящим, что он мог потерять над собой контроль.

Это означало, что среди общей сумятицы и подавленности Поль сумел разыграть маленький спектакль, чтобы усилить свою власть. И ставшая теперь подозрительной Абигейл признала этот ход удачным.

Лишь благодаря силе воли и авторитету Поля в течение пяти дней коммуникационная сеть была закрыта. Информация поступала, но не передавалась. Администрация «Белл-Сандиа» Поля не поддерживала – слишком много времени и средств было вложено в «Клото», чтобы оборвать исследования на середине. Но Поля поддерживали работники станции, и он знал, как этим воспользоваться.

– Крупные фирмы, такие как «Белл-Сандиа», очень зависят от народного мнения, – объяснил Поль. – Но я пользуюсь наверху достаточным расположением. Чиновники трусливы и нерешительны, и поэтому я смогу держать сеть закрытой довольно долго.

Поток поступающей информации беспорядочно перескакивал с предмета на предмет. Цепочки информации прерывались на середине, так и оставаясь незаконченными. Часто передавалась бессмыслица. Пауки искали способ восстановить связь.

– Если они начнут повторяться, – сказал Поль, – значит они испугались.

– Но мы же не сможем закрыть сеть навсегда? – заметила Абигейл.

Поль пожал плечами:

– Это блеф.

Они пили сухое вино в баре пятого уровня. За спиной бармена по скалистой стене сновали маленькие красные ящерки.

– А если ваш блеф не работает? – спросила Абигейл. – Если все это ни к чему не приведет? Что тогда?

Плечи Поля опустились. В воздухе повисла напряженная пауза.

– Тогда мы доверимся доброй воле пауков, – сказал он. – Пусть решают, что и как делать дальше. Может, они отнесутся к нам благосклонно, а может, и нет. И в том и в другом варианте, – голос его помрачнел, – окажется, что я играл во все эти игры и манипулировал мно-

жеством людей без всякого толка. Если случится именно это, – он взял Абигейл за руку, – я хотел бы извиниться.

Поль сжал ей руку так сильно, что у него самого побелели костяшки пальцев.

Ночью Абигейл снилось, что она падает. Ее окружал радужный свет: это ломались ее кости и разрывалось тело.

Она откинула руку, и та подпрыгнула на чем-то теплом и мягком.

«Абигейл!»

Она судорожно дергалась, и что-то било ее по ребрам. Вспыхивали полосы желтого света.

«Абигейл!»

Кто-то громко звал ее и тряс за плечо.

Горы и небо посерели, покрываясь неясными образами. Ее веки приоткрылись, снова закрылись, потом открылись, теперь уже окончательно.

– Ох, – вырвалось у Абигейл.

Поль отвернулся. Под ногами у него плавали рыбы.

– Ну-ну, успокойся, – сказал он.

Двигаясь по длинным плавным кривым, в воде вспыхивали неяркие зелено-голубые огни.

– Сон?

Абигейл вздрогнула, схватила Поля за руку, но тут же отпустила. Потом кивнула.

– Расскажи мне его.

– Я... – начала Абигейл. – Ты просишь меня как просто человек или как начальник внешней безопасности?

– Я не делаю такого различия.

Девушка почесала друг о друга большие пальцы ног.

– Хорошо, – сказала она и рассказала свой сон.

Поль слушал с большим интересом, а когда Абигейл закончила, задумчиво потер подбородок.

– Ты знаешь, мы предложили эту работу тебе именно в связи с твоей последней передражкой. Хладнокровие в экстремальной ситуации. Отсутствие подчиненности телу. Специалистов-гравитационщиков много, выбор у нас был большой. Ты просто оказалась чуть покруче прочих.

– Что ты хочешь этим сказать? Что мне можно найти замену?

Поль пожал плечами:

– Любому можно найти замену. Я просто хочу, чтобы ты знала: если хочешь, то можешь отказаться. Наш проект от этого не пострадает.

– Я не хочу отказываться.

Абигейл тщательно подбирала слова и говорила медленно, чтобы не дать выход своему нарастающему гневу.

– Послушай, я работаю в гравитации уже десять лет. В Солнечной системе я была везде. Известно тебе, что сейчас насчитывается меньше двух тысяч человек, побывавших и на Меркурии, и на Плутоне? У нас даже есть свой маленький клуб, и раз в год мы встречаемся. – Вокруг Абигейл раскачивались водоросли, огни на полу отбрасывали на стены размытые колеблющиеся блики. – Всю жизнь я провела, вращаясь вокруг Солнца, и больше нигде не была. Я хочу путешествовать, но в Солнечной системе путешествовать мне уже некуда. Я везде побывала. Ты предлагаешь мне выбраться наконец куда-то еще и тут же спрашиваешь, не хочу ли я отказаться. Черта с два!

– Почему ты не веришь, что проход сквозь Гинунгагап – это смерть? – спокойно спросил Поль.

Абигейл посмотрела ему в глаза и увидела там лишь холодный расчет. Это почти испугало ее. Поль оценивал ее, формировал суждение, соединял события в длинные логические цепи, совершенно не принимая во внимание человеческие чувства. Он сам был как чужак.

– Обыкновенный здравый смысл. Когда выйду, я обязательно буду той же Абигейл, которая войдет в «Клото». Не будет различия ни на атом, ни на мельчайшую частицу.

– Но сущность будет другой. Каждый атом будет другим. Все до последнего электрона будет другим.

– Хорошо. Но чем же это отличается от обычного нашего состояния? – настойчиво спросила Абигейл. – Наше тело – это постоянный поток. Молекулы все время сменяются другими молекулами. Кусочек за кусочком мы пересоздаемся. Разве это делает нас от мгновения к мгновению другими людьми? «Наше тело всего лишь летучий пар», верно?

Глаза Поля сузились.

– Марк Аврелий. Но твоя цитата не полная, дальше следует: «...наша душа – это всего лишь сны и пар».

– Ну и что это означает?

– То, что Марк Аврелий не поддерживает твою точку зрения. Если прочитать цитату точно, она как раз доказывает верность моих утверждений.

– И все равно, либо одно, либо другое. Или я выйду из черной дыры той же, что и была, или я уже не та, что была мгновение назад.

– Я бы поставил вопрос иначе, – пожал плечами Поль. – Но это не важно. Давай спать.

Он протянул девушке руку, но Абигейл не испытывала никакого желания ее принять.

– Означает ли это, что я прошла твою проверку?

Поль закрыл глаза и потянулся.

– Ты по-прежнему боишься смерти и не веришь, что умрешь, – сказал он. – Да. Ты ее прошла.

– Спасибо! – съязвила Абигейл.

Они уснули и оставшуюся часть ночи не прикасались друг к другу.

Прошло три дня. Когда Абигейл проснулась, Поля уже не было. Она коснулась стены и произнесла его имя. На стене появилась строчка: «Домингес вызван администрацией». Через некоторое время появилось лицо Поля. Он не смотрел в записывающую камеру, и теперь казалось, что его изображение боится взглянуть Абигейл в глаза.

– Я собираюсь возобновить связь до возвращения Домингеса. Таким образом мы его окончательно деморализуем. – Запись окончена.

Абигейл по внутренней связи вызвала центр управления. Экран на стене засветился опять, и появившийся на нем Поль помахал рукой, одновременно приветствуя ее и призывая жестом к молчанию.

Он склонился над клавиатурой. На мониторе появился паук.

– Приветствую тебя, паук, – сказал Поль.

– Привет, человек. Мы желаем повторить наш предыдущий запрос: значение термина «искусство», который был использован человеком Домингесом на шестой шестнадцатой части того большого представления.

– Трудный вопрос. Чтобы понять определение искусства, нужно сначала изучить философию эстетики. Это очень обширная область знания, сопоставимая с теорией восприятия. Они во многом связаны.

– А какова коммерческая стоимость этой области знания?

Появился грустный Домингес. Он хотел что-то сказать, но Поль, кивнув на экран, приложил палец к губам.

– Она значительна. В нашем обществе ценность науки и искусства считается примерно равной.

– Мы подумаем, что предложить в обмен.

– Хорошо. У нас тоже есть к вам вопрос. Пожалуйста, подождите, пока мы обдумаем, как лучше его задать.

Поль отключил связь и повернулся к Домингесу:

– Похоже, ваши рассуждения на плоту дают хорошие результаты. Хотя я немного удивлен, что они клюнули на эту наживку.

Домингес окончательно скис:

– Они не упоминали инцидент с котом?

– Нет. Ни его, ни перерыв в связи.

Старик вздохнул:

– Чужаки всегда были мне близки, а теперь они кажутся такими холодными, бесчеловечными. – Он попробовал засмеяться. – Это почти каламбур, правда?

– У людей это называли бы просто профессиональным отношением к делу. И пусть это не портит вам настроение от удачи, – сказал Поль. – Она может быть так же велика, как в случае с оптикой.

Он снова включил связь.

– Наш вопрос сформулирован.

Абигейл заметила, что Поль не сообщил Домингесу о ее невидимом присутствии.

– Спрашивайте, пожалуйста, – «сказал» паук.

– Почему вы изменили наше подопытное животное?

Снова взмахи паучьей лапы.

– Мы улучшили отношение... (треск)...центры восприятия... (треск)...психика... (треск)...чтобы сделать животное на двенадцать шестнадцатых таким же разумным, как человек. Мы думали, вам будет приятно.

– Нам не было приятно. Почему подопытное животное действовало по отношению к нам враждебно?

Лапы паука резко дернулись, и он исчез с экрана.

– Пожалуйста, ждите, – сказал автомат.

Абигейл заметила, как Домингес озадаченно посмотрел на Поля. На заднем плане по извилистому проходу медленно шел человек с кожаным мешком на плече. Он то и дело запускал руку в мешок и разбрасывал по кустам светлячков. Рука его в размеренном ритме то исчезала в мешке, то появлялась снова. Будничная жизнь шла своим чередом.

Вновь появился паук, на этот раз в сопровождении двух своих сородичей. Ноги их лихорадочно двигались, то сцепляясь, то расцепляясь снова: жестикуляция как во время оживленной беседы. Наконец один из них обратился к людям:

– Мы обсудили ваш вопрос.

– Это я вижу.

– Мы пришли к выводу, что переход сквозь Гинунгагап произвел на подопытное животное отрицательный эффект. Мы этого не предвидели. Для нас это новое знание. Мы мало знаем о психологии жизни, имеющей углеродную основу.

– Вы говорите, что подопытное животное сошло с ума?

– Ключевое слово не поддается переводу. Мы надеемся на ваше понимание. Нужно принять меры, чтобы в будущем такое не повторялось. Можете вы это сделать?

Поль не ответил.

– Именно по этой причине была прервана связь?

Поль молчал.

– Здесь есть культурный разрыв. Можете вы прояснить ситуацию?

– Спасибо за сотрудничество, – сказал Поль и отключил монитор.

– Можете вернуть ваших людей на рабочие места, – обратился он к Домингесу, – но они не должны отвечать на последние вопросы.

– А они не врут? – задумчиво произнес Домингес.

– Не знаю. Но теперь они по крайней мере дважды подумают, прежде чем затеют с нами новые игры.

Поль подмигнул Абигейл, и она отключила внутреннюю связь.

Через несколько дней испытание спиннера повторили. На этот раз в качестве подопытного животного взяли бабуина, привезенного из зоопарка. По внутренней связи Абигейл смотрела, как с челнока, прилетевшего от приемной станции, сгружают клетку с раздраженной и фыркающей большой обезьяной.

– Они намного сильнее нас, – сказал Поль. – Очень ловки. Если пауки захотят выкинуть еще какой-нибудь фокус, лучшей приманки не придумаешь.

Испытание прошло как по маслу. Бабуин был пропущен сквозь Гинунгагап, пауки держали его у себя несколько часов, а потом ретранслировали обратно. Тщательная проверка не выявила у животного каких-либо изменений.

Абигейл спросила, насколько эта проверка надежна. Поль заложил руки за спину.

– Мы возвращаем бабуина в зоопарк. Если бы у нас были какие-то сомнения, мы бы этого не сделали. Но... – Поль поднял брови, желая, чтобы Абигейл закончила его мысль.

– ...Но если пауки – враги, они не станут недооценивать нас во второй раз. Они подождут человека, чтобы похозяйничать в *его* мозгу.

Поль кивнул.

Ночью перед полетом Абигейл они занимались любовью. Это был отчаянный, неистовый акт, совершенный в абсолютном молчании и без какой бы то ни было нежности. После этого они лежали рядом, и Абигейл рассеянно перебирала курчавые волосы Поля.

– Гейл... – Он уткнулся головой ей в плечо, и девушка не могла видеть его лица. Голос Поля звучал приглушенно.

– Ммм?

– Не ходи туда.

Абигейл захотелось плакать. Как только Поль это сказал, она сразу же поняла, что это была очередная проверка – последняя. И Абигейл знала, Поль хочет, чтобы она ее не прошла. Он искренне верит: проход сквозь Гинунгагап убьет ее и Абигейл, которая появится из черной дыры пауков, будет уже другой.

По морщинкам на его лбу девушка догадалась: глаза Поля закрыты. Он знал, что она ответит. И ему некуда было спрятаться от этого знания. Абигейл стало ясно, что это самое явное проявление эмоций, на которое способен Поль. Она представила, как презирает себя этот человек за использование своих истинных чувств в качестве приманки, чтобы проверить ее еще раз, и как он не может даже притвориться перед самим собой, что могут быть обстоятельства, при которых он бы ее так не проверял. «Вот что, должно быть, чувствуешь, когда думаешь как он: постоянно докапываешься до самого последнего подтекста – словно все время расчесываешь язву».

– Ох, Поль.

Он отвернулся.

– Иногда мне хочется, – Поль поднял сжатые в кулаки руки к глазам, – отключить свой мозг. Хоть на какие-нибудь десять долбанных минут.

Абигейл прижалась к нему и обняла.

– Молчи, – шепнула она.

Челнок взлетел с «Клото» и стал быстро уменьшаться. Вскоре он исчез вовсе. Мамочка была еле заметной светящейся точкой, затерявшейся среди звезд. Абигейл поежилась, сняла с рук повязки и бросила их в мешок. Потом потянулась к набедренной повязке, поколебалась. «Черт с ним. Здесь нет ничего такого, чего бы они не видели раньше». Теперь она стояла полностью обнаженная, и ее ноги покрылись гусиной кожей. Немного смущаясь оттого, что на нее смотрит множество людей, Абигейл подплыла к раковине и забралась в нее.

– Поехали, – сказала она.

Металлический панцирь герметично закрылся, и Абигейл оказалась в крошечной тьме. Она парила в позе лотоса. Несильное магнитное поле сковало ее, и начали действовать установки гипноза. Пульс и дыхание замедлились. Затем она почувствовала, что погружается в стазис.

Абигейл весила пятьдесят килограммов. После удаления воды она превратится в органическую цепь длиной в двести семьдесят пять миллионов километров. При скорости света на это уйдет пятнадцать минут и семнадцать секунд, при реальной скорости передачи – чуть дольше. Когда пауки начнут ткать Абигейл из органической цепи, она все еще будет сидеть в «Клото». Может быть, Треск свел с ума быстрый переход. Поль сомневался в этом, но он всегда учитывал все возможности. Чтобы защитить психику, гипнотизеры вложили в сознание Абигейл фантазию, которая во время полета должна была сделать ее невосприимчивой к внешней реальности.

Абигейл была орлом. Она распростерла огромные крылья и парила в открытом космосе. Кожа ее была красной и грубой, а грудь совершенно твердой. Бедрa были покрыты перьями, а из коленей торчали шипы.

Абигейл парила в потоке уходящего в Гинунгагап солнечного ветра. Вакуум воспринимался как абсолютная свобода. Из ее горла вырвался ликующий хищный клекот. Ничто не сдерживало Абигейл, она была навеки свободна. Под ней был Гинунгагап – видимая лишь благодаря красному свечению окружающих ее газов, манящая к себе пропасть. Это был зародыш безумия, странная безликая сила, стремящаяся поглотить Абигейл и раздавить ее в своей утробе. И прожорливость этого чудовища была бесконечна.

Абигейл летела легко, свободно, не прилагая усилий. Затем, сложив крылья, она спикировала в Гинунгагап.

Ее обжег дождь рентгеновских лучей, излучение диска аккреции. Лучи были подобны брызгам расплавленного металла, пронизывающим привидение. С громким победным криком Абигейл бросилась в атаку, оставляя за собой искрящийся след.

Гинунгагап стремительно разрастался и вот уже заполнил собой все поле зрения. Это была абсолютная черная чернота, недоступная органам чувств и пониманию, – само воплощение Смерти и Безумия. Это был враг.

Какой-то частью сознания Абигейл понимала, что все еще находится на «Клото», что из ее тела создается органическая цепь, ускоряется транслятором, проходит через две черные дыры и одновременно пауки уже ткut из нее новую Абигейл. Но все это было не важно.

Девушка прошла сквозь Гинунгагап незаметно, как сквозь поверхность мыльного пузыря. Вот она здесь...

...и уже с другой стороны.

Это было похоже на отражение в зеркале или на фильм, прокрученный задом наперед. Абигейл мгновенно полетела из черной дыры тем же путем, что в нее попала. Небо превратилось в сплошную расплавленную фиолетовую массу.

Звезды впереди просветлели, из фиолетовых сделались голубыми. Абигейл обернулась, посмотрела на Гинунгагап, увидела, как это шарообразное небытие удаляется, и в ярости закричала. Бездна уклонилась от вызова.

Абигейл широко раскинула крылья, чтобы остановить полет, и... она сидела в каком-то темном месте. Вытянутая рука коснулась холодной металлической поверхности раковины-спиннера. Мелькнула тоненькая линия света, стала медленно расширяться, наконец раковина открылась.

В лицо ей плеснул океан света. Абигейл выпрямилась и от этого слегка поднялась в воздух. Сквозь прозрачный купол над головой она увидела вечность мерцающего света.

«Боже, звезды!»

Звезд было очень много, и они были очень большие и яркие – такого великолепия Абигейл еще не видела никогда. Она оказалась в каком-то замечательном месте: в большом звездном скоплении или в центре галактики. Абигейл вдруг охватила неизъяснимая радость. Она набрала в легкие побольше воздуха и засмеялась.

– Абигейл Вандерэк.

Абигейл обернулась на свое имя и поняла, что его произнесла машина. Вокруг стояли пауки. Их лапы бесшумно шевелились. Снаружи, в открытом космосе, виднелись их соплеменники.

– Мы сожалеем о любой боли, которую это может вам причинить, – сказала машина.

И тут пауки ринулись к ней. Абигейл не успела ничего сделать. Перед ней возникли острые челюсти и вонзились в шею. Невероятно быстрыми движениями пауки перерезали ей горло и разорвали позвоночник. Резкий рывок – и ее голова отделилась от тела. Все это произошло мгновенно. Короткая вспышка боли, и на миг Абигейл увидела свое обезглавленное тело, только теперь начавшее реагировать на происходящее. Потом она умерла.

Крохотная искорка. Свет. «Я жива». Сознание возвращалось к ней медленно, словно разогревалась старинная катодная трубка. Абигейл потянулась, чуть качнувшись при этом в воздухе. Она была снова на платформе – двойнике «Клото». Ничего не болело, голова прочно держалась на плечах. На платформе стояли пауки, несколько чужаков плавало снаружи, в открытом космосе.

– Абигейл Вандерэк, мы готовы к переговорам, – сказала машина.

Абигейл молчала.

Через несколько секунд машина заговорила снова:

– Вам нанесен какой-либо ущерб? Ваше мышление повреждено? – Напряженная пауза, а затем новый вопрос: – Разве ваше сознание не было защищено во время перелета?

– Это вы там, за платформой, размахиваете лапами?

– Да. Для нас важно, чтобы вы поговорили с другими людьми. Вы должны передать наши вопросы. С нами они не захотят говорить.

– У меня самой есть к вам несколько вопросов. Я не буду сотрудничать с вами, пока не получу на них ответ.

– Мы ответим на любые ваши вопросы, если вы не будете ни... (треск)...ни... (треск).

– За кого вы меня принимаете? – спросила Абигейл. – Конечно, не буду.

Через несколько часов она говорила с Полем и Домингесом. По ее просьбе пауки удалились, оставив Абигейл одну. На лице Домингеса были написаны ужас и полная подавленность.

– Клянусь, мы никак не могли предположить, что пауки нападут на вас, – сказал он. – Мы видели это на мониторах. Я был уверен, что вас убили... – Его голос смолк.

– Я жива, как видите, хотя и не вашими молитвами. Так что это там за история насчет взрывчатки в моих костях?

– Взрывчатка? Клянусь, мы не знаем ни о чем подобном.

– Нечто вроде пластиковой взрывчатки, – сказал Поль. – Я установил на «Клото» небольшой прибор. В процессе трансляции он заменил этим веществом половину костного мозга в груди и тазобедренных костях. Я надеялся, что пауки так быстро этого не учуют.

– Так ты действительно это сделал? – удивилась Абигейл. – Значит, пауки говорили правду. Они обезглавили меня в целях самообороны. На хрена ты такое придумал?

– Просто предосторожность, – сказал Поль. – У тебя в голове была программа, активирующая взрывчатку по нашей команде. Таким образом, мы могли разрушить паучью установку, если бы они снова выкинули какой-нибудь фокус.

– М-да, – сказал Домингес, – хорошо, что все это записывается. Я хотел бы узнать, мисс Вандерэк, как вам удалось избежать гибели.

– Мне вовсе ничего не удалось. Пауки убили меня. К счастью, они предвидели, что все так случится, и записали трансляцию. Им было нетрудно воссоздать меня после того, как они убрали из записи этот пластик.

Домингес испуганно посмотрел на нее:

– Вы не чувствуете в этом ничего особенного?

– В чем?

– Ну... – Он беспомощно повернулся к Полю.

– В том, что настоящая Абигейл Вандерэк умерла, а ты просто очень правдоподобная копия, – сказал Поль.

– Слушай, мы уже сто раз обсуждали эту чушь... – сердито начала Абигейл.

Поль одарил Домингеса немного деланной улыбкой. Абигейл было трудно привыкнуть видеть этих двоих в плоском черно-белом изображении.

– Она не верит в такие шутки.

– Если вы, ребята, готовы на минуту оторваться от своих пупков, – сказала Абигейл, – то я могу вам сообщить интересные новости: у пауков есть что-то, что вам очень нужно. Они заявляют, что послали через свою черную дыру зонды.

– Зонды? – Поль насторожился.

Абигейл чувствовала, как в его голове шевелились мысли об оружии и прочей военной чепухе.

– Зонды, построенные из углеводородных цепей. Органические зонды. Самовоссоздающиеся трансляторы. У них есть побочная углеродная технология.

– Чепуха, – сказал Домингес. – Как они могут воссоздать когерентную материю без приемника?

Абигейл пожала плечами:

– Они говорят, что нашли выход.

– Какой? – спросил Поль.

– Этого они не говорят. Кажется, они думают, что вы хорошо за это заплатите.

– Правильно думают, – произнес Поль. – Да, конечно.

Переговоры заняли почти столько же времени, как предыдущая беседа. Абигейл была совершенно вымотана, когда Домингес наконец сказал:

– На этом официальная часть закончена. Мы прекращаем запись. – На экране появилась и тут же пропала полоса. – Хотите вы поговорить с кем-нибудь неофициально? Может быть, вам кто-нибудь близок...

– Близок? Нет. – Абигейл чуть не засмеялась. – Впрочем, я поговорю с Полем.

За куполом «Клото» проплыл паук. Это было крабообразное существо, его золотистое тело слегка опалесцировало. Паук скользил по невидимым нитям, протянутым между открытыми платформами звездного города пауков.

– Я слушаю, – сказал Поль.

– Ты сделал из меня бомбу, ты, ублюдок!

– Ну и что?

– Я могла погибнуть!

– Меня должно это волновать?

– Черт возьми, еще как должно. Принимая во внимание вольности, которые ты позволял себе в обращении с моим прекрасным белым телом.

– Давай уясним одну вещь, – сказал Поль. – Женщина, с которой я спал, женщина, которая мне нравилась, мертва. По отношению к тебе у меня нет каких-либо чувств и обязательств.

– Поль, – сказала Абигейл, – я не мертва. Поверь мне, я бы знала, если бы было не так.

– Как я могу доверять тому, что ты думаешь или чувствуешь? Все это может быть вживленными в тебя установками пауков. Мы знаем, что у них есть соответствующая технология.

– Откуда ты знаешь, что в тебя самого не вложены какие-нибудь установки? Если на то пошло, откуда ты знаешь, что что-либо существует реально? Конечно же, это глупые, достойные разве что первокурсника идеи. Но я – та же самая женщина, что была несколько часов назад. Все воспоминания, взгляды, чувства остались прежними, нет абсолютно никакой разницы между мной и той, с которой ты спал на «Кларке».

– Знаю! – Глаза Поля остались холодными. – В этом-то и весь ужас. – Он отключил связь.

Через несколько мгновений Абигейл поняла, что бездумно смотрит на окружающие ее машины. «А ведь мне больно, – подумала она. – Вроде и не из-за чего, а все равно больно».

Абигейл отправилась в свою квартиру. Пауки, готовясь ее принять, проделали большую работу. Здесь у нее была точно такая же комната, как на «Кларке», разве что без зелени. Они даже раскрутили платформу, чтобы дать Абигейл ощущение верха-низа. Девушка села в гамак и решила думать о чем-нибудь более приятном. О том, что предложили ей пауки, например. Полю и Домингесу Абигейл об этом не сказала. Так как сами пауки из-за своей химии не могли проходить сквозь черные дыры, им нужен был кто-то, кто представлял бы их интересы в разных частях Вселенной. Они предложили ей работу. Или, вернее сказать, они предложили ей работы. Потому что было слишком много мест, куда бы они хотели послать своего представителя, и одной женщине здесь не справиться. Им нужна была дюжина, а со временем, может быть, и сотня Абигейл Вандерэк.

В обмен на разрешение делать дубликаты ее личности пауки хотели дать Абигейл права на продажу самовоссоздающихся платформ для переходов сквозь черные дыры.

Это сделает ее богатой женщиной, вернее, сотней богатых женщин. А одновременно откроет для нее всю Вселенную. Паукам она еще ничего не обещала, но про себя знала, что не сможет отказаться от столь выгодного предложения. Возможность увидеть тысячи звезд – мимо такого шанса не проходят.

Когда она постареет, пауки смогут по записи воссоздать молодую Абигейл, перенесут в нее все воспоминания, и прежнее тело станет ненужным.

«Я увижу звезды, – думала Абигейл. – Я буду жить вечно».

Она не могла понять, почему эти мысли не улучшают настроения, а наоборот, внутри поднимается теплая влажная волна, как это бывает перед тем, как заплакать.

На колени к ней прыгнул Треск и перевернулся на спину, чтобы Абигейл почесала ему животик. У пауков была его запись. Они были рады сделать девушке приятное, и по ее просьбе воссоздали кота. Абигейл погладила его и зарылась лицом в теплый мех.

– Милый котик, – сказала она, – а я уж думала, ты умер.

Троянский конь

– И все это у меня в голове? – удивленно сказала Элин.

Так оно и было. Где-то вспорхнул стриж, и она почувствовала, как он летит сквозь ее мозг. На колено к ней сел светляк. Несколько секунд он пульсировал ледяным огнем, потом раскинул крылышки и улетел. И светляк тоже был частью ее.

– Пожалуйста, постарайтесь не разговаривать.

Психотехник подтянул на столе зажим, отрегулировал костный индуктор. Покрытое красной и зеленой краской лицо нависло над Элин, потом отодвинулось.

– Если вы будете помогать, дело пойдет быстрее.

Голова Элин стала ясной и легкой. Огромной. Она вмещала весь Магритт, от самой верхней террасы до огороженных решетками с вьющимися растениями ферм, окружающих внутреннее озеро. И даже бело-голубую Землю, парящую над каменной стеной. Все это было в голове Элин. Она понимала, что это только модель, картинка, которую создает ее мозг из информации, поступающей от органов чувств. Внешняя – настоящая – вселенная лежит снаружи.

– У меня кружится голова.

– Очень большой контраст. – Голос техника звучал холодно и безучастно. – Этот уровень восприятия сильно отличается от обычного. Вы опьянели от новизны.

В голове Элин раздался металлический звон – по переходному мостику соседней фермы прошла женщина в синей сельскохозяйственной одежде, на поясе у нее покачивалась сумка для сбора тыквы. Вокруг кратера была ночь, а внутри – биологический день, и агротехники включили посреди ферм ряды дуговых ламп. Смягченный зеленой свет был нежным и тусклым.

– Всю жизнь бы так жила.

– Вам бы надоело, поверьте мне.

Техник быстро смахнул упавший на щеку Элин лепесток розы. Потом повернулся к двум молча стоящим рядом юристам.

– Как у вас там с вашими заморочками?

Юрист с оранжевой раскраской на лице кивнул. Второй юрист, женщина с лицом в ярко-красных узорах, спросила:

– Ее исходная личность невосстановима?

Психотехник вытащил из кармана коробочку и раскинул перед свидетелями голограмму. В воздухе повисла сложная объемная схема, красные и зеленые линии сходились и переплетались.

– Вот диаграмма существующей на сегодняшний день личности пациентки. – Он показал пальцем на несколько точек пересечения. – Здесь, здесь и здесь вы видите то, что в шутку называют невероятными эмоциональными силлогизмами. Любой из них несовместим с жизнью.

С конденсоров купола в туманный пруд верхней террасы падала струя-водопад: яркий, бритвенно-тонкий надрез реальности. Вода подбиралась к краю следующей террасы и снова падала.

– Достаточно прямого ответа: да или нет.

Техник нахмурился.

– Теоретически – да. Но надежды практически никакой. Не забывайте, что ее личность никогда не записывалась. Несчастный случай почти полностью разрушил ее эмоциональную структуру. Фактически она уже не человек. Потратив пару десятков лет на чрезвычайно сложные исследования памяти, мы, *возможно*, смогли бы создать копию. Но эта копия будет лишь напоминать оригинал. Прежней Элин Доннелли не получится никогда.

Элин смутно различала оборудование еще для пяти водопадов, но в этот час они не работали. Интересно – почему?

Женщина-юрист недовольно фыркнула:

– Ну ладно, делайте что хотите. Я умываю руки.

Техник склонился над Элин, чтобы переключить костный индуктор.

– Это совсем не больно, – пообещал он. – Просто представьте себе, что вы у зубного врача и сейчас вам заменят зуб.

Она перестала существовать.

Новая Элин Доннелли удивленно таращилась на все, что встречалось ей на пути: на конторских служащих, сидящих в кабинетах на открытом воздухе, на пригревшегося на солнце у дороги удава, на вырубленные в склонах террас ступени. Спускаясь с верхних ступенек в рощицу молодых деревьев, ростом не выше ее, Элин споткнулась и чуть не упала. Спутница Элин подхватила ее и грубо поставила на ноги.

– Будьте внимательны, – хмурясь под раскраской из ярко-красных петель, сказала юристка. – Нам необходимо решить все до мельчайших подробностей.

Элин слабо улыбнулась. Они вышли из рощи на луг. При их приближении во все стороны разлетались бабочки. Взгляд Элин с бабочек перескользнул на небольшую пещеру в скалах, от пещеры поднялся к звездам; глаза ее двигались так же хаотично и беспорядочно, как и бабочки.

– ...Так что если вы хотите получить окончательный расчет, то должны оставаться на Луне в течение полного лунного месяца. Компания «И. Г. Фейхтварен» примет на себя ваши текущие расходы, а затем вычтет эти деньги из той суммы, что они вам должны. Понятно?

И тут Элин снова сумела сосредоточиться. Она сделала глубокий вдох.

– Да, – ответила она. – Да, я... согласна.

– Вот и хорошо. – Выдернув черепные контакты и проворно обмотав их вокруг своей коробочки-терминала, юристка отключила психосхему. – Тогда давайте выпьем, у нас был тяжелый день.

Они подошли к пещере.

– Эй, Ганс! – крикнула юристка. – Обслужи нас, пожалуйста!

У входа в пещеру вдруг появился маленький человечек с плутоватой физиономией персонажа комической оперы, в руке у него был рабочий терминал.

– Одну минуту, – сказал он. – Я сейчас на прямом включении, надо закончить работу.

– Ладно.

Юристка бросилась на траву и начала вытирать лицо полотенцем. Элин зачарованно смотрела на прятавшийся под краской новый рисунок из тонких красных и черных линий; это была постоянная татуировка.

– Ну и дела! – проговорила Элин. – Значит, вы иезуитка?

– А вы думали, что ИГФ пришлет вам юриста с Земли? – Женщина протянула руку. – Донна Лэндис, Общество Иисуса. Я представительница заказчика по проекту «Создатель звезд», но могу быть и духовным наставником. Месса по воскресеньям, в девять утра.

Элин прислонилась к скале. За спиной у нее зашелестела потревоженная виноградная лоза. Элин уже не хватало того чувства блаженства, которое владело ею всего несколько минут назад.

– Честно говоря, я не верю в Бога.

– Вы не верили. Но теперь все может измениться. – Лэндис сложила полотенце и сунула в карман, а из другого кармана вытащила зеркальце. – Кстати, как вам нравится ваша новая внешность?

Элин стала изучать свое отражение. Глаза обведены синим, линии сходились на переносице и, широко расходясь над бровями, загибались книзу, к ушам. Лицо ее словно прогляды-

вало из-за большого голубого мотылька или крыльев хищной птицы. В этом было что-то завораживающее, волшебное. Что-то совсем не похожее на Элин.

– Я смахиваю на енота, – сказала она. – Эта дурацкая маска...

– К ней надо привыкнуть. Вам долго ее придется носить.

– Но зачем? – Элин удивилась собственному гневу. – Хотя у меня новая личность, это все-таки я. Меня вовсе не тянет бросаться на прохожих с ножом или выйти в воздушный шлюз без скафандра. Никакой опасности для общества нет.

– Послушайте, – начала Лэндис, – сейчас вы как щенок, все время спотыкающийся о собственные лапы, они как будто слишком для него велики. Вы не знаете себя: вы будете злиться без видимой причины, вдруг обливаться слезами – не поймешь над чем. Вы не сможете владеть собой, пока не познаете свою душу. И до тех пор окружающие вас люди...

– Что будете пить?

Ганс вернулся, он не до конца стер с лица краску, и на лбу у него чернело грязное пятно.

– ...не должны забывать об осторожности. Не знаю, Ганс. Что у тебя там под рукой.

– Значит, шанти¹¹. А вы? – обратился он к Элин.

– А это вкусно?

Ганс рассмеялся:

– Хорошего вина на Луне не существует. Воздух слишком влажный. Но даже если бы он не был таким влажным, потребуется лет сто, чтобы вырастить приличный виноградник. Шанти здесь основной напиток.

– Ну тогда давайте шанти.

– Договорились. И вашему приятелю тоже принесу кружку.

– Моему приятелю?

Элин обернулась и увидела шагающего через рошу великана: он возвышался над деревьями и раздвигал их огромными лапищами. Мгновение ошеломленная девушка пялилась на незнакомца, не веря своим глазам, потом вспомнила, как невысока поросль, и мужчина уменьшился до размеров обычного человека.

Он ухмыльнулся и подошел к ним:

– Привет! Помните меня?

Мужчина был высокий, худой и угловатый. Нечесанные черные кудри обрамляли не очень красивое, но необычайно волевое лицо.

– Простите...

– Тори Шостокович. Я вас перепрограммировал.

Элин внимательно рассматривала его лицо. Эти *глаза*... Горящие, почти безумные, но в то же время печальные и (может, ей лишь показалось?) умоляющие, как у ребенка, который так отчаянно чего-то хочет, что не смеет попросить вслух. Она могла бы без конца изучать оттенки выражения этих глаз.

– Да, – наконец произнесла Элин. – Теперь я вижу сходство.

– Очень приятно. – Тори кивнул иезуитке. – Здравствуйте, отец Лэндис.

Женщина подозрительно смерила его взглядом.

– Что-то вы нынче не такой угрюмый, как всегда, Шостокович. Что случилось?

– Ничего, просто сегодня необыкновенное утро. – Он улыбнулся какой-то одному ему понятной шутке и вновь повернулся к Элин. – Дай, думаю, подойду и познакомлюсь с бывшей пациенткой.

На секунду смутившись, Тори отвел глаза, но потом они снова сделались жгучими и дерзкими.

¹¹ *Шанти* – по-английски буквально хибара, лачуга, а также матросская застольная песня. Автор обыгрывает название напитка с кьянти.

«Как мило, – подумала Элин. – Надеюсь, он не слишком застенчив». И тут сама опустила взгляд: настолько ей была несвойственна эта мысль.

– Так вы психиатр, – глупо сказала она.

Вернулся Ганс, раздал кружки с вином и удалился в пещеру. Там он уселся с приборной доской на коленях и включил черепные контакты. Психосхема заработала, и лицо Ганса застыло.

– На самом деле я очень нечасто выполняю обязанности психиатра, – стал объяснять Тори. – Понимаете, несчастный случай вроде вашего – большая редкость. Такое бывает один, может, два раза в год. В основном я занимаюсь разработкой психосхем. В настоящее время я занят в проекте «Создатель звезд».

– Я уже слышала это название. Что это такое?

Тори ответил не сразу. Он вглядывался в лежащее внизу озеро, прохладный ветер развеивал его волосы.

Элин затаила дыхание. «Я едва знаю этого человека», – со злостью подумала она.

Тори показал на находящийся посреди озера остров – тощий каменный палец, бывший когда-то центральным конусом кратера.

– Вон на том острове живет бог, – произнес Тори.

Элин засмеялась:

– Подумайте, как изменилась бы история человечества, если бы он обладал чувством пространства!

Тут Элин прикусила язык: она поняла, что Тори не шутит.

– Как это характерно, – сердито глядя на Тори, сказала Лэндис. – Только атеист может называть ее божеством.

– А как бы вы ее назвали?

– Жертвой технического прогресса. – Она глотнула из кружки. – Господи, какая гадость!

– Эй, друзья! – сказала Элин. – Что-то я вас не очень понимаю.

Тори с грустным видом поскреб в затылке.

– *Mea culpa*¹². Ладно, я расскажу вам кое-что из предыстории. Большинство людей думают, что психосхемы – это программное обеспечение для человека. Но это слишком упрощенно. Потому что с машинами мы начинаем с нуля, с чистого, так сказать, листа, а у людей за десятков миллионов лет программирования психики голова уже забита. Итак, до сих пор мы работали с естественными психосхемами. Мы подделывали самые внешние черты: терпение, настороженность, творческие способности – и упаковывали их, как коробки костной муки. Но человеческий мозг обширен и неизведан, и пришло время двигаться вглубь, приступить к фундаментальным исследованиям. Так возник проект «Создатель звезд». Изучение первооснов программирования психики. Мы выделили эти сверхструктуры в интегрированную систему, которая, по нашему мнению, способна к сущностному программированию во взаимнооднозначном соответствии с врожденной субструктурой вселенной и будет полностью соответствовать исходному кирпичику мироздания.

– Заумная галиматья! – Лэндис показала на глиняную кружку Элин. – Пейте. «Создатель звезд» – это эксперимент в области теологии, который придумала ИГФ. Как сказал Тори, это фундаментальное исследование природы человеческого мышления. Синод Ватикана финансирует проект, так что мы можем наблюдать за его осуществлением.

– Чтобы пресечь ересь в корне, – ехидно обронил Тори.

– И это тоже. ИГФ пытается создать набор психосхем, которые вернут человеческий разум к первоначальному состоянию, соотносящемуся в общем мнении с понятием Бога. Скверная теология, но ничего лучшего не придумать. Они хотят сделать математическую

¹² Моя вина (лат.).

модель бесконечности. Как бы там ни было, экспериментаторы составили инструкцию и провели опыт на... Как звали испытуемую?

– Неважно, – быстро ответил Тори.

– Фамилию не помню, а звали ее вроде бы Корал.

Дальше Элин уже слушала вполуха и незаметно разглядывала Тори. Он сидел, широко расставив ноги и уставившись в кружку с шанти. Лицо прорезали глубокие морщины, следы каких-то неизвестных Элин переживаний. «Я не верю в любовь с первого взгляда», – думала Элин. А впрочем, кто знает, во что она теперь верит. От этой мысли бросало в дрожь, и Элин отогнала ее.

– Так что же, эта Корал стала богом?

– Терпение. Так или иначе, испытуемую подключили, стерли прошлые программы, перепрограммировали и проинтервьюировали. Никакой полезной информации.

Тори поднял палец в знак несогласия:

– За один час мы узнали о строении и составе вселенной больше, чем за всю историю развития науки.

– Это был бред сумасшедшего. – Лэндис постучала по колену Элин. – После беседы мы отключили ее психосхему, и, как вы думаете, что произошло?

– Я никогда не умела отвечать на риторические вопросы.

Элин не сводила глаз с Тори.

– Она не отключилась. Она там застряла.

– Застряла?

Тори сорвал травинку и уронил ее на землю.

– Произошло вот что: Корал вошла в состояние, которое можно назвать абсолютным сознанием. Она не только понимала все свои умственные функции, но управляла ими вплоть до безусловных рефлексов. Это также означало, что Корал сама создает собственные метапрограммы.

– Метапрограммирование – это всего лишь заумный термин для обозначения группы функций, при помощи которых мозг способен производить изменения в самом себе, – вставила Лэндис.

– Да. Мы не учли, что ей может понравиться быть богом. Когда мы стали ее депрограммировать, Корал просто пренебрегла нашими указаниями и вернула себя в прежнее состояние.

– Бедная женщина! – сказала Элин, отчасти потому, что знала: от нее ждут сочувствия.

И все же как замечательно чувствовать себя богом! Что-то в душе Элин затрепетало от этой мысли. Она была почти готова признать, что игра стоит свеч.

– Итак, здесь есть женщина, которая воображает себя богом, – сказала Лэндис. – Хорошо еще, что нам удалось замять дело. Если бы до некоторых религиозных невежд на Земле дошли хотя бы слухи...

– Послушайте, – перебил ее Тори. – Я пришел сюда не для того, чтобы говорить о работе. Я хотел пригласить бывшую пациентку на большую познавательную прогулку.

Элин посмотрела на него непонимающим взглядом:

– Большая прогулка?

Он обвел рукой весь Магритт, от зеленых опорных колонн до серых скал. Обвел жестом собственника. Лэндис недоверчиво посмотрела на него.

– Вам нужна дуэнья, – проговорила она. – Пожалуй, пройдусь-ка я с вами, чтобы чего не случилось.

Элин нежно ей улыбнулась:

– Иди ты в жопу!

Тори жил в решетчатом геодезике, доверху увитом плющом. Молодой человек прошел вперед и нагнулся к пульту.

– Что-нибудь классическое?

– Да, пожалуйста.

Он стал осторожно снимать с Элин комбинезон, и тут заработал голографический проигрыватель, окружив их сочным багрянцем и яркой лазурью, сливающимися в воздухе с цветным стеклом витражей. Элин слегка отстранилась от Тори и захлопала в ладоши.

– Это Шартр! – воскликнула она в восхищении. – Собор в Шартре!

– Гмм...

Тори тянул ее вниз на травяной пол.

Круглое северное окно становилось все больше и больше, пока не заполнило домик, и тогда начало медленно поворачиваться над землей. На нем были ангелы и голубки, короли и пророки, и вокруг центральной розетки сияли золотые лилии. Впечатляющее и непостижимое, пронизанное сумрачным светом, оно наплывом перешло в стрельчатое окно Святой Анны.

Так, одно за другим, по очереди, прошли перед ними все сто семьдесят шесть окон Шартрского собора, сначала неспешно и торжественно, потом все быстрее. Голограмма панорамировала северный трансепт, потом хоры, апсиду и затем верхнюю галерею. После этого камера быстро выхватила страдающего Христа и помещенных в темные углубления западной розетки зверей Апокалипсиса. Их окружали орудия страстей Господних.

Элин раскрыла рот от восторга.

Камера скользила по нефу вниз, показывая окно за окном, один витраж был ярче и величественнее другого, потом она задержалась на вандомском приделе и двинулась дальше. Пока наконец не дошла до старейшего окна – большого витража Богородицы, ослепляющего буйным, первозданным великолепием. По плющу пробежал ветерок, два листка упали сквозь голограмму на Элин и Тори и слетели на землю.

Богородица еще миг стояла перед глазами и потом исчезла, свет погас, краски пропали, их смысл бесшумно хлынувший дождь.

Элин зарылась в траву, опустошенная и ленивая, ей не хотелось двигаться. Лежащий рядом Тори, посмеиваясь, шаловливо щекотал ей ребра.

– Ты любишь меня? А? Скажи, что ты меня любишь.

– Перестань!

Элин схватила его за руки и укусила куда-то в бок, не укусила – просто слегка ущипнула зубами, чтобы пригрозить, а не сделать больно. Язык коснулся его левого соска.

– Эй, послушай, я легла с тобой через полчаса после того, как мы познакомились. Чего ты еще хочешь?

– Чего я хочу? – Он высвободил руки, повернулся и навис над Элин, прижав ее кисти к траве у нее над головой. – Я хочу, чтобы ты знала, – он вдруг заговорил совершенно серьезно, немигающие глаза ярко блестели, – что я люблю тебя. Люблю без всяких «но», без всяких оговорок. Люблю тебя так, что даже не выразить словами.

– Тори, – сказала Элин, – для таких чувств требуется время.

Ветер утих. Ни одна травинка не шевелилась.

– Нет, не требуется. – (Элин стало неловко смотреть ему в глаза, но она не решалась отвернуться.) – Я это чувствую. Я это знаю. Я люблю каждую твою черточку, каждое движение, каждый кусочек твоего тела. Я люблю тебя наперекор времени, назло всем преградам, вопреки возможному. Нам суждено любить друг друга, это уготовано судьбой, и ничто-ничто не может нас разлучить.

Голос его звучал ровно и тихо. Элин не знала, взволновали ее слова Тори или же напугали до смерти.

– Тори, я не знаю...

– Подожди, – проговорил он. – Все еще придет.

Это была долгая ночь. Когда Тори безмятежно уснул, Элин надела комбинезон и вышла.

Она окунулась в мягкую мглу, разреженную сиянием Земли и неярким светом предохранительных фонариков на переходных мостиках сверху. В траве послышался шорох, и чуть не прямо у нее под ногами пробежал занятый ночными поисками еды барсук. Элин побрела дальше.

Необходимо разобраться во множестве вопросов. Скажем, сегодняшний вечер, это неожиданное любовное приключение. Так не похоже на нее, что приходится признать: Элин и в самом деле стала другой и теперь все будет не так, как прежде.

Она нашла уединенное место подальше от группы домиков, в одном из которых жил Тори, и пристроилась рядом с валуном. Мысли ее вернулись к несчастному случаю. И поскольку это воспоминание отложилось в остаточной памяти, все образы сохранили свежесть и четкость.

Когда это случилось, в Лаборатории-колесе 19-го Орбитального комбината имени Генри Форда близился конец смены. Элин занималась разработкой новых полупроводников.

– «Тета» достигла необходимой температуры, – проинформировала приборная доска.

– Согласна. – Элин поставила ванну-«эпсилон» в горячую печь и переключила управление. Держа «тету» вплотную к валу колеса, она осторожно смешала два приведенных в жидкое состояние сплава: один легкий, другой тяжелый.

Лаборатория 19 имела форму велосипедного колеса без обода. Из центра плотной ступицы равномерно расходились двадцать четыре длинные тонкие спицы. На разном расстоянии вдоль спиц помещались двадцать тридвигающиеся ванны и одна неподвижная операторская кабина. Колесо вращалось достаточно быстро, чтобы создать в кабине постоянную силу тяжести, соответствующую среднему притяжению Земли.

Когда смесь начала остывать, Элин переместила ванну на полкилометра дальше, к концу спицы. Переливающаяся в балластных резервуарах ртуть сохранила скорость вращения неизменной, а сила тяжести в ванне изменилась с малой доли «g» до девяти единиц.

Надо было проверить значение двенадцати различных величин. На миг Элин почувствовала досаду и скуку, но тут приборная доска подрегулировала ее психосхему так, чтобы она была повнимательнее и выполняла привычные обязанности как под гипнозом, с бесстрастным профессионализмом.

По мере того как новый сплав остывал, его компоненты пытались разделиться, создавая в опытном образце постоянный градиент состава. Элин, не мигая, дождалась, пока все измеряемые величины перестанут изменяться, а затем нажала на кнопку быстрого охлаждения пластины. Уолдиками¹³ она вытащила образец из формы и поставила на испытание.

– Измерения проведены. «Дельта» готова.

– Подтверждаю. – Элин передвинула ванну обратно. Приборная доска вновь подправила ее психосхему, ослабив спокойствие и расширив сферу внимания. Девушка ловко достала те же два сплава, только с чуть иной пропорцией смеси, и поместила в печь. Приборная доска уже требовала обратить внимание на «кси».

До сих пор это была стандартная профессиональная психосхема, ничем не отличающаяся от тех, которыми ежедневно пользуются тысячи научных работников. Но вдруг приборная доска дала десятисекундное предупреждение, что координирующая программа вот-вот

¹³ Слово «уолдик» происходит от *Waldo* – имени героя повести Р. Хайнлайна с тем же названием; вошло в технический обиход со значением «механическая рука».

выключится. Палыцы Элин плясали по доске, спуская жар и посылая ванны в печь. Психосхема отсоединилась.

Элин вздрогнула и снова стала самой собой. Она схватила полотенце и стерла с лица краску. Потом откинулась на спинку кресла и уставилась сквозь полупрозрачную стену: можно было еще поднять ноги и отдыхать, пока не придет ее сменщица. Потянувшись, Элин нащупала свисавшие с ее затылка золотистые проводки психосхемы, но выдергивать их поленилась, отложив это дело на потом.

«Неужели я действительно была такой ленивой?» – удивленно подумала она.

Земля расцвела у нее под ногами, потом проскользнула над плечом и исчезла. Новый Детройт и Новый Чикаго медленно поднялись из глубины, сверкая зеркальной поверхностью сдвоенных и похожих как две капли воды жилых цилиндров. Со всех сторон сияли промышленные спутники: нуль-гравитационные заводы, фуллеровские купола, колеса, ежи, гантели, грузовые решетки.

Земля показалась снова, она была крупнее тарелки для супа. На той стороне, где день, ослепительно белели облака. В ночи мягко светились города.

Мимо проплыл караван грузов. Он состоял из кучи контейнеров, связанных немагнитной лентой и запущенных на тщательно вычисленную орбиту так, чтобы избежать пересечения с окружающими комбинат лазерными кабелями и лучами энергопередач. Краем глаза Элин заметила караван, повернулась и стала следить за ним взглядом.

Караван вел мужчина. Он сидел, обхватив ногами зеленую коробку, и тянул за веревку, прикрепленную к ленте. Увидев Элин, мужчина помахал ей рукой. Девушка представила, как мужчина улыбается за зеркальным шлемом.

«Лихач!» – подумала Элин.

Она фыркнула, отвела взгляд и лишь случайно увидела, что произошло.

Слегка подавшись назад, возчик слишком налег на веревку. Непрочная заклепка, соединявшая веревку с лентой, с треском сорвалась, и груз стал уплывать. Яркие коробки разъезжались в разные стороны, мужчина полетел вверх тормашками.

Один конец ленты все еще держался на ведущей коробке, а другой, свободный, извивался, как раненая змея. Блестящий кусочек металла – дефектная заклепка – высвободился, и его понесло в лабораторию, туда, где к валу присоединяются спицы.

Теперь, вспоминая происшествие, Элин подумала, что нужно было помочь мужчине – надеть скафандр, взять конец веревки, вылезти наружу и добраться до него раньше транспортной инспекции.

Прежняя Элин Доннелли усмехнулась. Транспортная инспекция врежет ему – как следует и поделом. Парню придется заплатить штраф и за то, что они подберут потерянный им груз, и за собственное спасение. И нечего кататься на дармовщинку.

Она все еще насмешливо улыбалась, когда заклепка достигла лаборатории и врезалась в коммутационную коробку, которая *не должна* была быть открытой.

Произошло короткое замыкание, вызвавшее мощный скачок напряжения в приборной доске. Цепи вспыхнули и расплавились. Приборная доска вышла из строя.

Крохотный электрический импульс прошел по двум золотистым проводкам, безнадежно искалечив психосхемы в черепе Элин.

На секунду все померкло. А потом...

– Уф-ф! – Элин помотала головой, пришла в себя и отключила подводящие провода. И тихо засмеялась.

Не позаботившись о том, чтобы затемнить стены, она надела скафандр и стала карабкаться по спице, держащей кабину, к валу. Каждый раз, когда она касалась спицы, балластные резервуары что-то шептали ей на ухо. Пятна света подгоняли ее вперед. Она вплыла внутрь вала; прикосновение невесомости было холодно, как смерть.

Элин механически установила переносчик массы на Новый Детройт. Сквозь отверстие вала ей были видны жилые цилиндры, напоминающие одинаковые таблетки, каждую из которых Элин могла закрыть большим пальцем. Ее прямо раздирало от желания сорвать их с неба и швырнуть вниз.

– У меня что-то с головой, – сказала она вслух.

Когда сила магнитного поля стала притягивать металлические прокладки скафандра и Элин с возрастающей скоростью потянуло вперед и выбросило в пустоту, она весело захихикала.

Час спустя врачи извлекли ее тело из магнитного уловителя Нового Детройта. Элин свернулась калачиком, обняв руками колени. Ее поза напоминала плод в материнской утробе. Когда Элин вытащили из костюма, она то истерически хохотала, то радостно выкрикивала что-то невнятное.

Пришло утро. После неспешного романтического завтрака Тори подключился к программе и ушел на работу. Снова оставшись одна, Элин отправилась побродить и немного подумать.

Теперь уже ясно, что она больше не металлург из Лаборатории-колеса 19, с этим покончено. Та женщина стала для Элин чужой. У них общие воспоминания, общий жизненный опыт, но они совершенно по-разному смотрят на жизнь! Элин больше не понимает ту, которой была когда-то, не сочувствует ее переживаниям и, по правде сказать, питает к ней неприязнь.

Элин спустилась с холма, это был самый легкий путь. Она зашла в административный центр и взяла напрокат коробочку-терминал. Затем на второй террасе села за столик в кафе, заполненном свободными от работы биотехниками, и стала искать первоначального обладателя своей теперешней личности.

Как Элин и предполагала, оказалось, что ее новая личность копирует личность действительно существовавшего человека. Создать полностью искусственную индивидуальность пока еще не по силам даже самым лучшим психотехникам. Элин удалось определить, что личность взяли из банка данных ИГФ и что дублирование личности незаконно. Это, по всей вероятности, означало, что первоначальный владелец мертв.

Но Элин не могла установить имя первоначального владельца. Данные отбирал компьютер, и компьютер не хотел говорить. Когда Элин попыталась выяснить, машина отослала ее к Закону 2037 года о неразглашении тайны.

– Кажется, я исчерпала все доступные средства самопознания, – сказала она подошедшему за чаевыми официанту. – А у меня осталась еще уйма времени.

Официант взглянул на ее лицо, помеченное зеленовато-голубым узором, и вежливо улыбнулся.

– Они черные в ограниченном диапазоне.

– Что?

Элин отвернулась от озера и увидела женщину-агротехника, которая волочила за ручку большой сачок.

– Водоросли. Они поглощают видимый свет и переводят его в инфракрасный. Озеро становится огромной термальной ванной.

Женщина погрузила сачок в воду, зачерпнула темно-зеленую пену и вывалила ее в ближайший лоток. Вода стекала сквозь пористое дно.

– А-а...

Элин разглядывала остров. Там, где осела нанесенная ветром почва, росли редкие сорняки.

– Странно. Мне никогда не нравилось путешествовать. Я больше склонна к созерцательности, я – домоседка. А теперь мне не сидится на месте, почему?

Агротехник выбросила в лоток содержимое еще одной сети.

– Не знаю. – Женщина постучала по лбу. – Это психосхема. Если хотите поговорить о работе, я готова. Ни о чем другом не могу.

– Понятно. – Элин коснулась ногой теплой воды. – Хорошо, почему бы и нет? Поговорим о вашей работе.

На дальнем конце острова кто-то двигался. Элин вытянула шею. Агротехник продолжала методично окунать сеть в озеро, когда внезапно появилась богиня.

– Озеро смягчает климат. Днем происходит испарительное охлаждение. Озеро поглощает тепло и расходует его на испарение, конденсоры выводят это тепло за пределы купола.

Корал была хорошенькая, как куколка.

Поблизости от воды стояла ваза с овощами и фруктами. Корал подошла к вазе и стала ее рассматривать. Оранжевый комбинезон красиво оттенял ее кожу цвета кофе с молоком. Женщина была такая миниатюрная и изящная, что высокой Элин стало как-то неловко, она почувствовала себя неуклюжей, хотя и дружелюбной великаншей.

– Мы также используем пассивные тепловые насосы, чтобы откачивать избыточное тепло под озеро, в жидкостный тепловой аккумулятор.

Корал перестала перебирать овощи и взяла помидор. У нее был прекрасный точеный профиль. В миндалевидных глазах когда-то, должно быть, сверкал огонь, а сейчас они смотрели равнодушно и отрешенно. Ровные белые зубы откусили кусочек помидора.

– Ночью мы перекачиваем тепло назад, так что озеро излучает его постоянно и кратер не остывает.

При тщательном рассмотрении (Элин даже прищурилась, чтобы лучше видеть) лицо Корал оказалось совершенно гладким и безмятежным, как у идиота. Оно ничего не выражало: ни чувств, ни воли, ни интеллекта.

– Поэтому число действующих водопадов меняется.

Теперь Корал присела на скалу. Пятки у нее были грязные, но ногти на ногах розовые и идеальной формы. Она не двигалась. Элин захотелось бросить в нее камешек и посмотреть, будет ли та реагировать.

«Ну а теперь что?» – подумала Элин. Она осмотрела достопримечательности, все, что мог предложить Магритт, и ее это порядком разочаровало. И надоело. Главным образом – божество. А ей торчать здесь еще почти месяц, и не на что убить время.

– Для поддержания температуры кратера требуются постоянные циклические действия, – сказала женщина-агротехник.

– Да заткнитесь вы!

Элин вытащила терминал, вызвала Лэндис и, когда голограмма стала устойчивой, сказала:

– Мне скучно.

Сидевшая за письменным столом Лэндис едва подняла глаза.

– Скучно, найди себе работу! – огрызнулась она.

Магритт был основан как горняцкий поселок. Но не успели с поверхности Моря Дождей взять первые образцы лунного грунта, как в экономике подули другие ветры и разрабатывать месторождения, богатые конкретными полезными ископаемыми, стало более выгодно, чем возиться с недифференцированной почвой, где все вперемешку. Шахтеры уехали, а кратер был продан за бесценок ассоциации, занимающейся исследованиями, которые закон запрещает проводить на Земле.

С пятнадцатой террасы Элин всматривалась в нагромождение лабораторий и контор на открытом воздухе, некоторые были разделены длинными полосами невозделанного поля, другие тесно жались друг к другу в надежде на объединение усилий. Корпорации, испытывающие бактериологическое оружие, соседствовали с компаниями, перерабатывающими радиоактивные отходы. Организация, работающая над проектом регулирования роста населения в странах Центральной Азии, занимала целые полтеррасы, вокруг густо кишели охранники. На Луне также велись некоторые банковские операции, которые не совершались в Швейцарии.

– Понимаешь, – говорил Тори, – мне это совсем не нравится.

Он стоял с бесстрастным лицом, покрытым красно-зеленой краской, и следил за тем, как рабочий монтирует больничную койку и подключает к ней хирургическое оборудование.

– Ты сам меня нанял, – напомнила ему Элин.

– Да, но сейчас я действую в рабочем режиме.

Монтажник сложил свои инструменты и ушел.

– Кажется, мы почти готовы.

– Отлично. – Элин плюхнулась на койку и легла на спину, скрестив руки на груди. – Теперь не хватает только свечки в руках!

– Я подсоединю тебя к интеркому, чтобы не очень скучала в перерывах между эпизодами.

У Элин зарябило в глазах, вокруг роились образы. Призраки витали в воздухе, пялились на нее из земных глубин.

– Теперь отключим органы чувств.

Окружающий мир исчез, но видения остались, каждое существо в отдельном шестиугольнике. Элин как будто смотрела глазами мухи.

Вдруг она остро почувствовала присутствие Тори, и чей-то голос сказал:

– Это продлится одну минуту. Чтобы скоротать время, вызови кого-нибудь из друзей.

Голос пропал.

Элин парила в воздухе, освободившись от тела, освободившись от чувственного восприятия, почти богоподобная в своей отрешенности. Лениво перемещаясь среди теней, она оставила позади Лэндис и остановилась около маленького круглолицего человечка, рисующего у себя на лбу черную полосу.

«Привет, Ганс», – подумала Элин.

Он поднял голову и подмигнул:

– Как дела, детка?

«Неплохо. Чем занимаешься?»

– Работаю. Сегодня я слежу за черным ящиком. – Он добавил к полосе на лбу ярко-оранжевый мазок и оценивающе посмотрел на свое лицо в карманное зеркальце. – Сижу здесь и держу палец на кнопке. – Его рука скользнула под приборную доску. – Если я получу приказ, сразу нажму. В конденсаторах взорвутся заряды, и купола больше не будет. Пшик! Весь воздух уйдет наружу.

Элин обдумала его слова: вулкан, извергающий на поверхность Луны потоки кислорода; люди, подброшенные вверх, раскиданные по сторонам, разодранные в клочья взрывной декомпрессией...

«Это страшно, Ганс».

– О, бояться совершенно нечего. Когда я не подключен к работе, кнопка не действует.

«Даже если так».

– Элементарная предосторожность. Здесь проводится полно исследований, которые без такой меры безопасности были бы не разрешены. Не волнуйся, я не взорвал еще ни одного купола.

Связь прервалась, и Элин опять почувствовала присутствие Тори. Ощущение было такое, словно кто-то невидимый заглядывает через плечо.

– Сейчас мы начинаем испытывать серию программ «Троянский конь». Мы будем вводить тебя в желаемые душевные состояния, а не вызывать их. Мы инкапсулировали внешние проявления твоей личности и направили экспериментальные программы на второй уровень. Так что в этой серии опытов ты не будешь отождествлять себя с программами, а воспримешь все со стороны.

«Тори, ты самое заумное существо на свете. Нельзя ли повторить все это по-человечески?»

– Я покажу тебе.

Вдруг Элин словно заключили в шар из ветвистых малиновых линий, медленно пульсирующих, темных и тусклых. Они переплетались и переливались друг в друга, и Элин представила, что так выглядят сосуды у нее в голове, когда она чувствует головную боль.

– Это был гнев, – сказал Тори. – Твой мозг преобразовал его в зрительный образ, потому он не соотнес этот гнев с собой.

«Ах вот, значит, что ты хочешь со мной сделать! Перепрограммировать меня, чтобы я стала как бог: все видела, но ничего не переживала».

– В конце концов, да. Хотя я сомневаюсь, что ты сможешь создавать образы. Скорее всего, ты почувствуешь присутствие Бога.

Тори на секунду исчез, и Элин ощутила даже не одиночество, а почти полное небытие. Потом он вернулся.

– Но начнем постепенно. Первые сеансы поднимут тебя до начального уровня метапрограммирования, интегрировав все твои умственные процессы и позволив тебе управлять ими на нижней ступени. В обиходе мы называем этот тип «превращение в Христа». Поосторожнее с тем, что ты увидишь или почувствуешь.

Голос Тори затих, Элин осталась одна. Но вдруг все изменилось.

Она почувствовала близость чего-то удивительного.

Кто-то стоял совсем рядом. Элин пыталась открыть глаза, она стремилась увидеть, но сейчас у нее не было зрения. Ее существо раскрылось навстречу чуду, и перед Элин начали появляться люди.

– Осторожно, – сказал Тори. – Ты снова включила интерком.

«Я хочу видеть!»

– Здесь никого нет. Это твой собственный мозг. Но если хочешь, можешь интерком не выключать.

Какое разочарование! Ее окружали любовь и мудрость, несравнимая с мудростью человеческой, она чувствовала, что все сущее во вселенной священо, и это чувство наполняло ее удивительным счастьем. Элин не могла сама вызвать все эти ощущения, здесь должен быть кто-то более великий.

Логика была бессильна перебороть эмоции. Элин рыскала по внутренней связи, вызывая образ за образом и отвергая их один за другим. Покончив с сотрудниками, занятыми в проекте, она бросилась перебирать общественные мониторы кратера.

На фермах агротехники собирали клубнику и душистый горошек. Элин чувствовала на языке вкус плодов. Кто-то вытаскивал водоросли из внутреннего озера, и она ощущала тяжесть сачка в мозолистых руках. Недалеко от ее больничной койки, в рощице, занималась любовью парочка, и Элин...

«Тори, я больше не могу. Это действует слишком сильно».

– Ты сама напросилась в испытательницы.

«Кой черт, Тори!..»

В интеркоме появилась Донна Лэндис.

– Она права, Шостокович. Вы недостаточно приглушили ее эмоции.

– На мой взгляд, это неразумно: слишком поднимая ее «я», мы рискуем вызвать распад...

– Кто за все это платит, а?

Тори что-то нечленораздельно проворчал, и мир исчез.

Элин плыла во тьме, ласковой и успокаивающей. Ей было хорошо. Ей нужна была эта короткая передышка после напряжения и волнений, связанных с ее новой личностью. Хорошо, что она взялась за работу испытательницы, хотя это и раздосадовало Тори.

Тори... Элин мысленно улыбнулась. Иногда он действует ей на нервы, но когда Тори нет рядом, Элин так его не хватает. Наверно, она в него влюблена.

«Это всего лишь земная любовь. Совсем не та, о которой говорится: „Бог есть любовь“».

Ну и пусть. Но с человеческой точки зрения Тори удовлетворил такие ее потребности, о которых она прежде и не подозревала. Однако очень тяжело спорить с самой собой. Ее мысли скользнули прочь, и она погрузилась в волшебное, бессловесное упоение бестелесностью. Беззаботная, бесстрастная, никем и ни с чем не связанная.

«Ничто не может быть само по себе. Вся вселенная – обширная сеть пересекающихся программ».

Элин стало смешно. Так сказал бы Тори. Нужно следить за собой; возможно, она любит Тори, но при этом вовсе не хочет говорить так, как он.

«Ты напрасно беспокоишься. Глас Божий едва слышен, но это не твой голос».

Элин мысленно вздрогнула. Она искала открытый канал интеркома, но не находила.

«Привет, – подумала она. – Кто это сказал?»

Ответ дошел до нее не в словах, а в форме безличного утверждения. В нем было что-то холодное, безразличное, что-то непостижимое и в то же время властное и не допускающее возражений.

Это был Бог.

Потом Тори вернулся, и голос пропал вместе с ощущением чьего-то присутствия.

«Тори! – подумала Элин. – Кажется, у меня было религиозное переживание».

– Это часто бывает при выключении органов чувств: мозг вытаскивает наружу несколько старых программ. Волноваться нечего. Теперь на минутку расслабься, пока я снова переключу тебя... Ну как?

Ощущение Присутствия возникло опять, но далеко не такое сильное, как прежде. Элин смогла устоять перед искушением погнаться за ним.

«Так хорошо, Тори, но послушай, я, правда, думаю...»

– Давай предоставим анализировать тем, кто на это запрограммирован.

Влюбленные бесцельно брели по лугу, трава здесь была выше пояса. Наступала биологическая ночь. Дневной свет дважды мигнул: агротехники подавали предупредительный знак.

– Это было на самом деле, Тори. Она со мной разговаривала, я не выдумываю.

Тори рассеянно взъерошил рукой свою темную кудрявую шевелюру.

– Хорошо. Если я ошибался – а я первый готов признать, что программа малость эгоцентрична, – все равно не думаю, что в поисках объяснения нужно опускаться до мистики.

Вдалеке резко прекратил работу водопад. Поток воды брызнул и будто бы растворился в воздухе.

– Ты, помнится мне, сказал, что Корал – бог.

– Я сказал это, чтобы подразнить Лэндис. Я считаю, что Корал не бог, а всего лишь богоподобна. Ее умственное развитие на миллионы лет выше нашего. Бог – просто удобная метафора.

– Гм. И как же ты это объясняешь?

– На острове есть по крайней мере один терминал, в Магритте они повсюду. Корал, вероятно, запрограммировала его так, чтобы он подключался к интеркому, а оказалось, что все каналы закрыты.

– Она могла это сделать?
– А почему бы и нет? У нее перед нами преимущество в миллион лет, и она работала психотехником, а все психотехники – подпольные хакеры.
Тори на нее не смотрел, не смотрел долго.
– Эй! – Элин взяла его за руку. – Что с тобой сегодня?
– Со мной? – Тори избегал ее взгляда. – Не обращай внимания, я расстроен, что ты взялась за эту работу. Это пройдет.
– Чем тебе не нравится эта работа?
– Ничем. Только она очень опасна. Послушай, я знаю, что не смогу тебя отговорить, да и не мое это дело. У меня просто плохое настроение.
Элин положила его руку на свою талию и прижалась к нему.
– Ну, не надо. Ты не можешь ничего изменить, мне нужно что-нибудь делать. Иначе почти сразу становится скучно.
– Я знаю. – Тори наконец повернулся, взглянул ей в лицо и грустно улыбнулся. – Я ведь тебя люблю, понимаешь?
– Знаешь... Может быть, я тоже тебя люблю.
Улыбка прогнала печаль с его лица, как внезапный ветер рассеивает облака.
– Скажи еще раз. – Руки Тори потянулись к ее плечам, к шее, к лицу. – Еще раз, с чувством.
– Не скажу! – Элин со смехом пыталась высвободиться, но Тори не отпускал ее, и они стали бороться и упали на землю. – Свинья! – Они перекатывались в траве. – Скотина!
Элин колотила Тори в грудь, разорвала ему комбинезон и пробовала укунить в шею.
Вдруг Тори смутился и хотел отодвинуться от нее.
– Только не здесь! Кто-нибудь может увидеть.
Агротехники потушили дуговые лампы, и Магритт погрузился в ночь.
Тори протянул руку и коснулся лица Элин. Они занялись любовью.

Физически это ничем не отличалось от того, что она делала бесчисленное число раз с любовниками, друзьями, а иногда и со случайными знакомыми. Но теперь она зашла так далеко, как прежняя Элин никогда не посмела бы. Она отдавалась Тори без оглядки, она раскрылась, не думая о боли. Элин доверилась ему! Тори был частью ее. И все преобразилось, обновилось, стало прекрасным.

Когда они оба уже были на грани оргазма, в каком-то исступлении Элин дала волю своим чувствам и зашептала:

– Я люблю тебя, люблю тебя, о боже, я люблю тебя, люблю...

И в этот же самый момент Тори напрягся, словно струна, поднял голову и изменившимся, глухим голосом страстно произнес:

– Корал!..

Элин оставила спящего в траве Тори, спустилась ниже на одну террасу и бродила теперь среди домиков. Она была в бешенстве. Они лежали молча, и Тори не знал, почему Элин так крепко прильнула к нему и головой уткнулась ему в плечо; это не было проявлением любви или страсти, в ней бушевал гнев, и она боялась, что убьет Тори, если только посмотрит ему в лицо.

В нескольких домиках, отгороженных друг от друга молодыми кленами, стоял мрак. Остальные мягко освещались изнутри голограммами. Многоцветные изображения снаружи казались смазанными и размытыми. Элин задержалась перед одной хижинкой и замерла в нерешительности. Наконец она постучала: ей надо было с кем-нибудь поговорить.

Отец Лэндис высунула в дверь голову и заморгала спросонок:

– А, это вы, Доннелли. Что вам надо?

К своему безмерному ужасу, Элин разразилась слезами.

Лэндис скрылась в хижине и тут же появилась опять, застегивая комбинезон. Она прижала Элин к груди, успокаивала ее, как ребенка, и слушала ее рассказ.

– Корал, – проговорила Лэндис. – Ага. Теперь все сходится.

– Ну тогда расскажите мне!

Элин пыталась смахнуть слезы ярости. Лицо ее покраснело, опухло и исказилось, значки психосхемы размазались.

– Терпение, дитя мое. – Лэндис уселась около хижины, поджав ноги, и указала Элин на место рядом с собой. – Садись сюда и представь, что я твоя мама и сейчас расскажу тебе сказочку.

– Я пришла сюда совсем не для того, чтобы...

– Да кто ты такая, чтобы критиковать новейшие методы духовного воспитания? – мягко пожурела ее Лэндис. – Садись.

Элин села. Лэндис положила руку ей на плечо.

– Давным-давно, в незапамятные времена, жила-была девочка по имени Корал, не помню, как ее фамилия. Неважно. Так или иначе, она была умненькая, впечатлительная, энергичная и легкомысленная и во всех отношениях походила на тебя.

Лэндис говорила и нежно баюкала Элин.

– Корал была счастливой девочкой, она смеялась и играла и в один прекрасный день влюбилась. Вот так! – Лэндис щелкнула пальцами. – Я думаю, ты знаешь, как она себя чувствовала.

– Скорее всего, не очень ловко.

– Молчи. Ну вот, ей очень повезло, потому что он любил ее еще в сто раз больше, а видя его любовь, она любила его в тысячу раз больше. И так далее. По-моему, они слегка переусердствовали, но это только мое личное мнение.

Так вот, Корал жила на Магритте и работала психотехником. Она была честолюбива, такие хуже всего. У нее появился план перепрограммировать людей так, чтобы они могли существовать вне программ, направляющих их повседневную жизнь. Заметь: люди нечто большее, чем сумма программ. Но что Корал знала о свободе воли? В конце концов, у нее не было никакого религиозного образования. Итак, она и ее приятель подали заявку, обратились за денежными средствами и вместе пропустили новую программу через мозг Корал. И когда они все это проделали, бедняжка вообразила себя богом. Но тогда она уже не была Корал, она изменилась до неузнаваемости.

Лэндис помедлила и крепко обняла Элин.

– Будь мужественной, детка, сейчас последует самое неприятное. Ну, ее приятель ходил горем убитый. Он не хотел есть и не хотел играть с друзьями. С ним стало невозможно работать. Но потом у него возникла чудовищная мысль. Видишь ли, все данные о личности сотрудников, проводящих опыты с психосхемами, заносятся в картотеку, чтобы в случае аварии личность можно было восстановить. А если этот человек умирает или становится богом, права на личность переходят к ИГФ. Вот такие они подлецы.

Ладно. Тори (я сказала, что ее приятеля звали Тори?) подумал: может, кому-нибудь понадобится новая личность? Такое случается раза два в год. Дальше будет хуже. И Магритт – единственное место, где делают такие операции. Компьютер вытаскивает личность из банка данных наугад, так что есть определенный шанс вернуть Корал, и она будет как новенькая. Но возможность не так уж велика, потому что в банке данных понапихано полно всякой дряни. И тогда Тори задумал дурное. Но его нельзя за это винить. Он исходил из ложных понятий о нравственности. Что, если установить компьютер так, что вместо случайного выбора личность Корал достанется первой же девочке, которая подвернется под руку? Вот так он и сделал.

Лэндис замолчала.

Элин вытерла слезы.

– Ну и чем кончилась эта сказка?

– Я жду, какой будет конец.

– А Тори на самом деле направил поиск или вы это сочинили?

– Господи, я не знаю. Может быть, это просто счастливый жребий. Но как-то все подозрительно. Попробуй порыться в его личном накопителе информации, возможно, он припрятал там эту программу.

– Ясно.

Минуту Элин сидела тихо, потом взяла себя в руки и встала. Лэндис тоже встала.

– Тебе лучше, детка?

– Не знаю. Возможно, теперь я лучше владею ситуацией.

– Послушай. Помнишь, как я сказала, что ты щенок, спотыкающийся о свои лапы? Так вот, сейчас ты ушибла ногу и тебе больно. Но это пройдет. У всех проходит.

– Да. Спасибо.

– Сегодня мы сотворим Будду, – сказал Тори.

Элин окинула его холодным взглядом, но промолчала, хотя в зелено-красной маске он был неуязвим. Она знала, что позже, когда Тори депрограммируется, он вспомнит ее взгляд.

– Это программа более высокого уровня, интегрирующая все твои умственные функции и позволяющая осознанно ими управлять. Поэтому особенно важно, чтобы ты соблюдала осторожность, договорились?

– Чтoб ты сдох, ублюдок, – тихо пробормотала Элин.

– Прости, я не расслышал.

Элин не ответила, и после недоуменного молчания Тори продолжал:

– У тебя остаются все органы чувств, и, когда я тебя переключу, обрати внимание на то, что тебя окружает. Хорошо?

Вторая программа «Троянский конь» началась. Все изменилось.

Это было не внешнее изменение, его нельзя было увидеть глазами. Скорее, все предметы просто потеряли свои названия. Рядом рос дубок, высотой ей до колен, очень похожий на деревце, которое Элин случайно сломала много лет назад в Новом Детройте, в тот день, когда потеряла невинность. И этот саженец ничего для нее не значил. Просто растущий из земли кусок дерева. Из норы высунул голову крот: сморщенный носик, подслеповатые розовые глаза. Просто маленькая биологическая машинка.

– У-уф, – невольно произнесла Элин, – холодно!

– Тебя что-нибудь беспокоит?

Элин подняла глаза и не увидела ничего интересного. Какое-то человеческое существо, такой же предмет, как дуб, только и всего. К этому существу она ничего не испытывала.

– Нет, – сказала она.

– У нас хорошая запись.

Слова ничего не значили, нескладные, лишённые содержания.

В траве Элин увидела сероватое мерцание, как будто еле заметный огонь. Умом она понимала, что это работа нервов в палочках и колбочках сетчатки ее глаз, но чувства говорили другое: это время. Тусклый огонь, постоянно разрушающий мир, пожирающий его и возрождающий вновь и вновь.

Но это тоже не имело значения.

На девушку снизошел великий покой, умственная отрешенность, холодная и безличная. Она стала соотносить себя с этой безучастностью, поняла, что бытие ничего не значит. Все это лишь вещи, предметы.

Тори суетился возле своих приборов, и Элин казалось, что он сам превратился в такой же прибор. Нажми кнопку и получишь заранее вычисленный ответ. Разве это человек?

И потом, значит ли что-нибудь человеческое существо? Элин не видела спину Тори и не хотела даже считать его существование самоочевидным. Она могла поднять глаза и увидеть ближнюю сторону Земли. Дальняя сторона вполне могла не существовать, и это тоже не имело значения.

Элин отбрасывала мир слой за слоем, игнорировала все внешнее.

«Я никогда не понимала, насколько велика моя зависимость от чувственного восприятия, – думала она. – А если не обращать внимания на внешнее...

...останется Пустота. Без цвета, формы и места, но именно она лежит в основе яркой игры красок, постоянно уничтожаемой тусклым огнем времени».

Элин размышляла над первоосновой бытия.

– Пожалуйста, не лезь в программу, – сказал Тори.

Тело тоже ничего не значит, это только фокальная точка ее чувств. Если не обращать на них внимания, можно не замечать и его. Элин ощущала, как ее тело бледнеет и растворяется в присутствии Пустоты. Пустота нематериальна, но еще менее предметно то, что она всегда считала незбылемым: мир с его внешним блеском.

«Я как будто была программой в компьютере и только сейчас поняла это».

Вдруг ворвался голос Лэндис:

– Доннелли, бога ради, не мешай эксперименту!

Дело в том, что лежащая в основе всего пустота и есть реальность, если слово «реальность» что-нибудь означает. Если значение имеет значение. И за пределами реальности, за пределами значения что-то есть. И она это нашла.

– Доннелли, ты ступаешь на опасный путь. Ты...

Голос Лэндис отвлекал Элин, и она его приглушила. Ей хотелось достичь единения с тем, что *есть*, это очень просто, нужно только прекратить это желание – и оно исполнится.

Прежде чем Элин успела достичь единения, на нее накатила ужас. Сверкнули оранжевые огни, они горели, потрескивая и обжигая, между ними ползали змеи, огромные скользкие существа, разевающие мерзкие рты с острыми клыками.

Элин в страхе отпрянула, и они набросились на нее. Языки пламени вонзились ей в легкие, горячие черви копошились в ее мозговых тканях. Элин спасалась бегством, она мчалась сквозь собственный мозг, стонавший под ударами, то включавший, то вновь уничтожавший окружающие предметы.

И вдруг она обрела свое тело, и никто ее уже не преследовал. Она зябко поежилась, и тело ответило ей. Это было чудесное ощущение.

– Ну, по крайней мере, сработало, – сказал Тори.

– Что... – Голос Элин сорвался. Она откашлялась и заговорила снова: – Что случилось?

– То, на что мы рассчитывали. Под угрозой растворения твоя исходная личность защитила себя.

Элин вдруг сообразила, что все еще лежит с закрытыми глазами. Теперь она открыла их и судорожно сжала рукой край койки. Кровать была настоящей, твердой на ощупь. Прекрасно.

– Я вернусь через минуту, – проговорил Тори. – А сейчас тебе нужен отдых.

Он тронул костный индуктор, и Элин провалилась в темноту.

Она снова парила, каждый нерв ее – метафорический нерв – был натянут. Появилась сверхчувствительность к внешним воздействиям, необычайная чуткость и даже внушаемость. И все же она лишь догадывалась, но не ощущала присутствия Корал.

«Уходи, – подумала Элин. – Теперь здесь мой разум».

Она не удивилась, когда пришел ответ:

«Я здесь и всегда! Ты вторглась в мою страну и смутно сознаешь мое присутствие. Позже, когда ты поднимешься в горы, ты узнаешь меня по-настоящему и будешь как я».

«Все мне говорят, что я стану делать дальше, – сердито думала Элин. – Разве я сама ничего не решаю?»

Ответная мысль прозвучала почти насмешливо:

«Ты только программа, пойманная во всеобщую сеть. Ты будешь делать так, как велит твоя схема. Быть свободным от программ значит быть богом».

Несмотря на гнев, несмотря на обиду, несмотря на холодок страха, который Элин пыталась скрыть, она почувствовала любопытство.

«А как это – быть богом?» – не удержалась и спросила она.

«Это драгоценная свобода. Вселенная – бесконечно большой мыльный пузырь, а мы (те, кто бог) – пленка на его поверхности. Мы взаимодействуем и программируем. Мы заставляем сиять звезды и расти деревья. Мы программируем, что тебе захочется на завтрак. Поток программ проходит через нас, мы вносим изменения и поддерживаем порядок во вселенной».

Элин ухватила за последнее утверждение.

«Не очень хорошо вы его поддерживаете, согласитесь».

«Мы не вносим грубых изменений в ход событий. Когда будешь с нами, ты поймешь».

Элин поняла, что эту своего рода игру в вопросы и ответы Корал проводила неоднократно как часть проекта «Создатель звезд». Надо найти вопрос, который не смог бы задать никто другой. Ее, Элин, личный вопрос. И, немного подумав, она спросила:

«Ты все еще любишь Тори Шостоковича?»

Ответ последовал после легкой заминки.

«Любовь, о которой ты говоришь, свойственна программам низшего уровня. Но не разуму, свободному ото всяких программ».

Через секунду Тори отключил программу, и Элин всплыла на поверхность, оставив бога позади. Но еще раньше ей стало совершенно ясно, что она не получила прямого ответа.

Когда Тори наконец ее отыскал, Элин смотрела вдаль, за Море Дождей. Она была подключена к мониторам. Это была чисто визуальная программа. Элин чувствовала, как проводки психосхемы щекочут ей шею, как теплый влажный воздух Магритта поглаживает кожу.

– Элин, нам надо поговорить.

Внешний мир поражал четкостью своих очертаний. Скалы и тени вырисовывались фантастически резко. Сенсор, установленный на спускающемся к морю склоне кратера, показывал Море Дождей: оно было безжизненно и неподвижно, но вид его успокаивал. Когда Элин была Буддой, она ощущала нечто похожее. Здесь не было никакого значения, ничто не вставало между ней и внешней стороной вещей.

– Нам не о чем говорить.

– Еще как есть! Я не собираюсь потерять тебя снова из-за какого-то недоразумения, из-за... семантической ошибки.

Взгляд Элин скользнул со склона на поверхность моря, туда, где брошенный рудник примыкал к переместителю массы.

– Какая мелодрама!

Переместитель массы представлял собой узкий монорельс, под легким, едва заметным уклоном уходящий на многие километры вдаль. По всей его длине сновали роботы-ремонтники, останавливаясь время от времени, чтобы произвести сварку. Над поверхностью беззвучно разлетались голубые искры.

– Не знаю, как ты узнала про Корал, но это не имеет значения. Я всегда понимал, что рано или поздно так случится. Это неважно. Важно, что я люблю тебя...

– Да заткнись ты, наконец!

Рядом с громоздкими роботами-ремонтниками сустились десятки более мелких автоматов, складных, проворных и почти симпатичных. Они были частной собственностью и управля-

лись энтузиастами, находившимися внутри кратера. Элин перевела камеру на одного из таких малюток, копошащегося в старом карьере: в одной руке он тащил холщовый мешок, в другой держал кирку и помахивал третьей, свободной. Охотник за камнями.

– ...а ты любишь меня. И не делай вид, что это не так.

Элин сжала кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

– Конечно не так, – сказала она.

Робот отколол кусок обнаженной породы, пыль взметнулась вверх и быстро осела. Робот изучил отломанный образец, поворачивая его перед объективом своей камеры, затем бросил на землю. И побежал дальше.

– Ты отождествляешь себя с женщиной, которую звали Элин Доннелли. Здесь нет ничего плохого. Как психотехник я могу тебе сказать, что это хороший признак. Но ты должна это перерасти.

На краю холма другой робот установил голографический генератор. Он повозился с прибором, включил последнюю кнопку и замер. Небольшая задержка – и на дне Моря Дождей появилась площадка, уставленная голубыми колоннами.

– Послушай, Шостокович, как ни старайся перекроить мои эмоции, я не изменюсь. Я не твоя покойная подруга и не собираюсь ее заменять. Так что лучше уходи, и хватит меня дергать.

Колонны доросли примерно до трети высоты Магритта, и тут изображение потеряло четкость. Невидимый оператор уменьшил их высоту.

– Но ты не прежняя Элин Доннелли, и, думаю, тебе это известно. Тело невечно, воспоминания – ничто. Твоя непосредственность и изящество, твоя спокойная сила, твое нетерпение – тысяча черточек, которые я знал и любил столько лет, – все это делает тебя тобой. Имя – дело десятое, прошлое ничего не значит. Ты та, кто ты есть, и за это я тебя люблю.

Из скалы вылетел рой бабочек. Желтые, красные и оранжевые, они беспорядочно порхали, перелетая куда попало, но в целом двигаясь сквозь пустоту к строю колонн.

– Да, и та, кто я есть, тебя не любит. Вот так-то, фраер.

Несколько маленьких роботов бросили свои занятия и стали следить за полетом бабочек. Двое охотников за камнями пододвинулись к краю карьера, чтобы их владельцам было получше видно.

Тори молчал, а когда наконец заговорил, голос его был печален.

– Любишь. От меня ты этого не скроешь. Я знаю тебя как любовник и как психиатр. Я стал частью тебя, и, как бы ты сейчас ни сердилась, ты ко мне вернешься.

Элин трясло от гнева.

– Ну а если это так, зачем ты со мной разговариваешь? Иди домой и жди, когда я к тебе приползу.

Изумрудно-зеленые змеи, вдруг выпрыгнувшие из-под земли, извивались возле колонн. Временами то здесь, то там какая-нибудь змея тщетно пыталась схватить одну из бабочек, кружащихся вокруг огненных голубых столбов.

– Я разговариваю с тобой, потому что хочу попросить тебя об одолжении. Брось эту работу.

– Почему?

В голосе Тори слышалась странная нерешительность, словно он заранее знал, что проиграет.

– Я не хочу, чтобы ты стала богом. В прошлый раз мы совершили ошибку, и я боюсь, что с новыми программами будет не лучше. Если ты уйдешь и станешь богом и не вернешься на этот раз, ты не вернешься и в следующий. А я буду тебя ждать, воскрешать и снова терять, и так пройдет вся жизнь. Неужели ты не понимаешь, каково год за годом крутить одну и ту же пластинку? – Голос Тори упал до шепота. – К тому же на третий раз меня уже не хватит.

Словно волной, бабочек швырнуло к колоннам. Змеи взвились и потянулись за ними. Как только змеи коснулись бабочек, холодные голубые колонны жарко вспыхнули красным огнем и огромные языки пламени пожрали и тех и других.

– Если ты знаешь меня так хорошо, как говоришь, значит ты знаешь, что я отвечу, – равнодушно сказала Элин.

Охотники за камнями заплотировали своими клешнями. Огненные столбы исчезли. Сместив поле зрения, Элин увидела, что робот уже складывает генератор.

Послышались уходящие вдаль, замирающие шаги Тори. Эхо поражения раздавалось им вслед.

Тори ушел, и, лишь убедившись в этом, Элин обнаружила, что уже по крайней мере пять минут разглядывает один и тот же пустынный участок склона.

Настало время для последнего эксперимента из серии «Троянский конь».

– Сегодня мы создадим бога, – сказал Тори. – Это полное осознанное интегрирование умственных функций в оптимально эффективную структуру. Закрой глаза и считай до трех.

Раз.

Весь ужас в том, думала Элин, что Тори прав. Она все еще любит его. Тори для нее единственный мужчина, и Элин желает его, без него она чувствует пустоту.

Два.

Хуже всего, что она не знает, как долго выдержит без него; и, о боже, как унижительно будет ее возвращение!

Может быть, эта любовь – проклятие, а может, и благодать. Проклятие, потому что ради этого одержимого, готового на все во имя своей идеи, Элин с радостью вытерпит любые муки и унижения. И благодать, ибо она обрела человека, которого, неважно заслуженно или нет, может вот так любить. Многие и этого не имеют.

Три.

Элин открыла глаза.

Ничего не изменилось. Магритт был таким же будничным, как всегда, и Элин воспринимала его так же, как раньше. Ясно, что она не почувствовала божественного присутствия.

– Наверно, что-то не сработало, – попыталась сказать Элин.

Она будто лишилась языка. Краем глаза Элин увидела, как Тори стирает краску с лица и снимает комбинезон. Но когда она попыталась сесть, чтобы рассмотреть его получше, то не смогла оторвать голову от койки.

«Что делает этот сумасшедший?»

Лицо Тори склонилось над ней, тусклый взгляд, в глазах почти страх. Он ободряюще улыбнулся. Элин захотелось пригладить его спутанные волосы.

– Прости, любовь моя.

Он легко поцеловал ее в лоб, затем в губы. Потом Тори растянулся на траве рядом с койкой и исчез из поля зрения Элин.

Элин смотрела на крышу купола и думала: «Нет». Она слышала, как Тори прикрепляет костные индукторы к своему телу, затем раздался резкий щелчок, это он включил запись. Программа потекла в его мозг.

Долгое ожидание, хотя на самом деле прошло всего секунд двадцать, и программа была загружена. Снова щелчок, и прибор отключился. Мгновение тишины, и вдруг...

Тори судорожно вздохнул. Элин увидела, как его рука взметнулась вверх и упала, было слышно, как он задыхается. Элин стремилась преодолеть паралич, но не могла сдвинуться с места. Что-то с шумом сломалось, судя по звуку, какой-то прибор. Хрипы и учащенное дыхание продолжались, Тори яростно метался по траве.

«Тори, Тори, что с тобой?»

Понятно одно: у него припадок. Но какие кошмары терзают его мозг? Рука Тори с размаху ударилась о койку, койка закачалась. Элин слегка встряхнуло.

Что бы с ним ни происходило, это плохо. И Элин ничего не могла сделать.

– Обыкновенный эпилептический припадок, – сказала Лэндис. – Ничего страшного, мы с этим справимся.

Она успокаивающим жестом дотронулась до плеча Элин и крикнула столпившимся вокруг Тори людям:

– Вы, придурки, кто-нибудь из вас знаком с программированием? Выведите даму из этого состояния.

К Элин подбежал техник и быстро отрегулировал приборы. Остальные, продолжавшие подходить – Лэндис подросла к месту происшествия только третьей, – пытались удержать Тори и прикрепить к его шее костный индуктор. Несколько неразборчивых фраз – и Тори стал биться как бесноватый. Потом его мышцы обмякли, судороги прекратились, и все вздохнули с облегчением.

– Ну вот, – произнес техник, и Элин с трудом сползла с койки. Она протиснулась сквозь толпу (внутренний голос с удивлением заметил: «Толпа! Как странно!»), опустилась перед Тори на колени и обняла его голову.

Он вздрогнул, немигающие глаза широко раскрылись.

– Тори, что случилось?

Он поднял на нее эти страшные глаза:

– *Nichevo*.

– Что?

– Ничего, – сказала Лэндис. – По-русски это что-то вроде «не имеет значения».

Женщина-психотехник решила взять командование на себя и оттеснила толпу. Потом она повернулась к Лэндис и стала объяснять ситуацию, ее рот спокойно двигался под красно-зеленой раскраской.

– Похоже, изъян в самой философии программирования. Мы полагали, что сохранение «я» испытуемого делает переход к божественному сознанию чрезвычайно неприятным и испытуемый беспрепятственно позволит его депрограммировать. Оказалось, что это не так.

Элин поглаживала лоб Тори. Его мышцы напряглись, затем снова расслабились: медицинский техник перепрограммировал физиологические реакции.

– Ну почему никто ничего не делает? – возмутилась Элин.

– Посмотри. – Лэндис подсоединила ее к интеркому.

Перед мысленным взором Элин промелькнули десятки психотехников, предлагающих одну программу за другой. Разветвленная психосхема занимала один канал, Элин видела, как программы включаются, вызывая некоторые изменения, но сразу же выключаются, отвергнутые мозгом Тори.

– Мы уловили мысленные образы, показывающие, что его миропонимание расширяется, – доложил какой-то техник, и вдруг свободный канал заполнили страшные картины.

Элин выдержала их лишь мгновение: ее мозг непроизвольно отключился от канала, но мгновения было достаточно. Она стояла в огромном помещении, уставленном гигантскими грохочущими машинами. Вокруг них с визгом и хохотом суетились злые демоны, которые сами тоже были машинами, и распространяли боль и безумие.

Отвращение Элин было неопишимо. Так же неопишимо, как то, что она пережила рядом с этими машинами. Но Элин была слегка знакома с психотехникой и понимала, что ее впечатление лишь бледное подобие, тень того, что испытывает сейчас Тори.

Элин дрожала от потрясения, но мало-помалу осознавала, что возвращается во внешний мир. Она все так же обнимала голову Тори. Рядом, с ошеломленным видом и помрачневшим лицом, стояла женщина-психотехник.

Элин овладела собой и как можно нежнее спросила:

– Тори, что ты там видишь?

Тори перевел на нее немигающие, затравленные глаза, и Элин, сделав над собой усилие, встретила этот взгляд. Тори заговорил. Голос его был странно спокоен:

– Это то, что есть. Это реальность. Вселенная – абсолютно бездушная машина, а мы все только заложенные в нее программы. У нас нет выбора, мы осуществляем свои функции и потом уходим в пустоту. Шумное и жестокое место.

– Я не понимаю: ты же сам всегда говорил, что мы всего лишь программы. Ты же всегда в это верил.

– Да, но теперь я это чувствую.

Элин вдруг заметила, что медленно гладит его волосы, но не стала убирать руку.

– Возвращайся, Тори. Позволь себя депрограммировать.

Он не отвел взгляд. Те же страшные глаза. *Nichevo*.

Пришедшая в себя психотехник потянулась к какому-то прибору. Лэндис отбросила ее руку:

– Не трогайте ничего! Что вы делаете?

Женщина казалась раздосадованной.

– Он велел, если опыт окончится плохо, включить терминатор.

– Так я и думала. Пока я здесь, я не допущу убийства из милосердия.

– Мне это непонятно. – Психотехник в недоумении подалась назад. – Вы же не хотите, чтобы он страдал?

Лэндис обдумывала уничтожающий ответ, как вдруг их прервал интерком.

Пространство пронзила яркая вспышка света, сопровождаемая запахом горького миндаля, колючками статического электричества и вкусом пряного салата.

– Чрезвычайное происшествие! У нас чрезвычайное происшествие! – крикнул тревожный голос, и перед Элин возникло лицо в черно-белой раскраске. – Чрезвычайное происшествие!

Лэндис подключилась к цепи.

– В чем дело? Покажи нам.

– Вы своими глазам не поверите.

Лицо исчезло, вместо него возникла панорама озера.

Темно-зеленая поверхность его была гладкой и неподвижной. Острый конус кратера, редкие клочки сорняков и травы, весь остров спал.

И по воде шел бог.

Все смотрели, не в силах переварить увиденное. Корал ступала по воде с невозмутимым видом, неторопливым, но решительным шагом. Розовые ступни едва касались поверхности.

«Я ей не верила», – вертелось в мозгу у Элин. Она увидела, как отец Лэндис разинула рот, широко раскрыла глаза и осенила себя крестным знамением. Но не успела Лэндис перекреститься, как иезуитская психосхема взяла свое. Она закрыла рот, лицо стало холодным и замкнутым. Ей удалось полностью взять себя в руки.

– Ганс, – приказала Лэндис, – нажми кнопку.

– Нет! – крикнула Элин, но было поздно.

Все еще включенная в интерком, Элин увидела, как забавный человечек умело и проворно выполняет приказ.

Сначала ничего не произошло. Потом все конденсоры ярко сверкнули. Из механизмов повалил пар и дым, и миг спустя раздался оглушительный грохот.

Небо раскололось.

Элин повернулась, задела за что-то ногой и упала. С трудом проползла по траве и прижалась к Тори. Он не шевелился.

– Я не могу тебя потерять! – воскликнула девушка.

Тори печально улыбнулся и произнес:

– Это неважно. Живет человек или умирает, мудр он или невежествен – вселенной это безразлично. Ничто не имеет значения.

Он сказал что-то еще, но Элин не разобрала, хотя и напрягала слух.

Воздух становился разреженным. Отверстия в куполе, поначалу мелкие, расширились, по мере того как трескалась не рассчитанная на большие нагрузки крыша. Жутковатый свист перешел в пронзительное завывание, грянул гром, и купол разлетелся.

Элин оторвало от Тори, швырнуло в воздух и больно отбросило в сторону. Кратер пришел в движение, скалы ходили ходуном, деревья ломались в щепки и летели во все стороны, озеро взорвалось паром.

Шум прекратился, и на мгновение стало нечем дышать. В ушах у Элин звенело, кожу саднило. В ней нарастало давление, ее кровь стремилась слиться с пустотой, и Элин поняла, что умирает.

Спокойный голос проговорил: «Это не должно случиться».

Время остановилось.

Элин парила между Луной и смертью, ощущая необычную гамму переживаний. Обрывки прошлого сменяли друг друга. Мир не потерял четкости, но сдвинулся с места. И она, и вселенная стали нереальными, то ли существовали, то ли нет.

«Пойдем, ты будешь богом вместе со мной», – обратилась Корал, но не к Элин.

Присутствие Тори ворвалось в туманную неопределенность мощной волной, но было каким-то странным. Элин ощущала, как Тори меняется, освобождаясь от себя; казалось, он расправляет плечи, исцеляется.

Окружающий мир стал более многообразным, обрел реальность. Элин почувствовала, что ее тянет в разные стороны. Присутствие Тори на короткое время усилилось, затем стало уменьшаться и мало-помалу вовсе сошло на нет.

«Да».

Зарокотали волны, затряслись скалы, послышался глухой шум, и мир стал таким, как прежде.

Элин нетвердой походкой преодолела последний пролет каменной лестницы, которая вела к озеру. Миновала двух часовых, стоящих у каменных ступеней, и еще нескольких по дороге к ближайшей огороженной решетками ферме. Лица охранников были покрыты краской, нанесенной с той же поспешностью, с какой их программировали. После аварии часовые стояли везде.

Элин нашла приставную лестницу, ведущую на ферму, и полезла вверх. Стояла биологическая ночь, агротехники давно ушли.

Цепляясь руками, Элин взбиралась все выше, пока не испугалась, что пропустит ступеньку и упадет. Потом она перескочила на уступ и примостилась между лотками с клубникой и бататом. Отсюда Элин взглянула на остров. От высоты кружилась голова, хотя она одолела лишь треть пути.

«Какого черта я тут делаю?» – пробормотала Элин себе под нос. Она поболтала ногами в воздухе и сама себе ответила: «Потому что я пьяная в жопу». И захихикала. В чем-то она все-таки отличается от Корал. Элин может нализаться до чертиков и уйти из кабака, не дожидаясь, когда хмель ударит ей в голову. Наверное, это связано с обменом веществ.

Внизу Тори и Корал тихо сидели на своем дурацком острове. Они не обнимались, не занимались любовью, не держались за руки, даже не смотрели друг на друга. Просто сидели. Как боги.

Элин зло покосилась на них. И прошептала невнятно:

– Блевать тянет, как на вас посмотришь.

Она прищурилась и сжала до боли, до слез кулаки. «Тори, какого хрена!»

Часто моргая, Элин отвернулась от острова и уставилась на черную блестящую поверхность озера. Там отражались яркие звезды. Вода подернулась еле заметной рябью, отраженные звезды стали мерцать и подмигивать, как на земном небе. Звезды в озере покачивались, сбились в кучки, слипались, пока не превратились в лицо Тори. Его улыбка согревала и звала. Элин жадно смотрела на его губы, и он тихо проговорил: «Ну же! Иди ко мне».

Чьи-то пальцы сжали руку Элин. Она подняла глаза и увидела суровое лицо часового.

– Вы пьяны, мисс, – сказал он. – И к тому же подвергаете опасности не принадлежащее вам имущество.

Повернувшись туда, куда он указывал, Элин воззрилась на раздавленный ею побег батата и закатилась смехом. Охранник ловко, со знанием дела закатал ей рукав и замкнул на кисти пластмассовый браслет.

– Пора идти, – произнес он.

К тому времени как часовой поднялся с Элин до четвертой террасы, она почти протрезвела. Ее кровь ровной тонкой струйкой проходила через браслет и возвращалась к ней в жилы очищенной от алкоголя.

«Кошунственное расточительство, сколько вина пропало», – думала Элин.

Еще двадцать шагов – и браслет свалился с ее руки. Охранник поймал его на лету и ушел. Элин вновь овладело отчаяние.

«Тори, любовь моя!»

Спать ей не хотелось, и она поплелась дальше, снова в погребок Ганса за следующей порцией вина.

Вокруг камня, который заменял стол, в свете кольца блуждающих язычков пламени расположилась небольшая компания. Отец Лэндис была здесь тоже и явно собиралась напиться.

– Завтра я подаю рапорт, – объявила она. – Синод отказывается от участия в эксперименте и прекращает финансирование.

Ганс вздохнул, сделал большой глоток домашнего вина и поморщился.

– Это что же, конец проекту «Создатель звезд», а?

– Дай-то бог! – ответила Лэндис и суеверно скрестила пальцы.

Элин стояла неподалеку и молча слушала.

– Даже слышать не могу о Боге после всего случившегося, – проворчала психотехник.

– Не следует путать Господа с тем, что вы недавно видели, – сказала ей Лэндис.

– Она повернула время вспять или что-то в этом роде, – заметил Ганс. – Я сам видел. Здесь был взрыв, разве это ни о чем не говорит?

Лэндис ухмыльнулась и взъерошила ему волосы.

– Иногда я волнуюсь за тебя, Ганс. У тебя крайне ущербное представление о Боге.

Люди, сидящие за столом, засмеялись. Ганс покраснел и сказал:

– Да нет, правда.

– Хорошо, я постараюсь... – Лэндис наклонилась вперед и постучала кружкой о камень. – Слушай, налей-ка еще... Постараюсь объяснить просто. Мы засадили ученых за описание вселенной, которое дала Корал. Они изучили его вдоль и поперек, и что ты думаешь? В этой вселенной нет места для таких понятий, как вера; надежда, милосердие. Мы получили смесь суб-

стратов, суперпрограмм и самометакорректирующей физики. Но не только интеллект делает Бога высшим существом – каждый из нас встречал кошмарно умных мерзавцев! И не только могущество, а то я могла бы купить из-под полы атомную бомбу и основать свою религию. Нет, Бог по определению – носитель высших моральных качеств. Конечно, я только стремлюсь быть по возможности честной и беспристрастной, но для Корал нравственных соображений не существует вообще. Ясно?

Только Элин заметила тревогу и безысходность, застывшие у Лэндис в глубине глаз, и поняла, что та говорит механически. В душе Лэндис происходила борьба, ее вера была поколеблена.

– Да, пожалуй. – Ганс почесал затылок. – Но мне все же интересно, что произошло между ней и Тори в самом конце.

– Сейчас расскажу, – откликнулась психотехник. Все повернулись к ней, и она довольно улыбнулась, ей нравилось быть в центре внимания.

– Какого черта, завтра нам всем, пожалуй, поставят цензирующий блок, так что, может, у меня последняя возможность рассказать. Мы проверили все магнитные ленты и обнаружили, что трудности возникли из-за теоретической ошибки в проекте. Шостоковичу не надо было оставлять при эксперименте свое «я». Переход к богоподобному состоянию чрезвычайно опасен для личности. Тори не желал этого перехода. Его ум сопротивлялся, отвергал божественность, превращал ее в кошмар. Потому что принять божественность значило для него потерять индивидуальность.

Она сделала драматическую паузу.

– Мы не понимаем, как и почему это случилось. Но совершенно четко зафиксировано, *что* случилось. Явилась Корал и отняла у него индивидуальность.

– Чушь собачья! – Лэндис воинственно вскочила, но с трудом удержалась на ногах. – И после всего, что было, вы говорите: у них нет индивидуальности! Смотрите, какое светопреобразование устроила эта Корал, чтобы заполучить назад Тори. Разве так ведет себя лишенное чувств и индивидуальности существо?

– Наши приборы не уловили никаких следов индивидуальности.

– Ваши приборы! Все это наука, не более того. – Лицо Лэндис пылало от пьяного гнева. – Вы идиоты! Хотя кто-нибудь из вас задумывался, что мы тут натворили? Это сверхсущество еще слишком мало, новорожденный младенец! Но когда-нибудь оно вырастет. И что будет с нами, когда оно решит покинуть остров? Я... – Она запнулась, голос сорвался.

Все молча от нее отстранились.

– Извините меня, – пробормотала Лэндис. – Слишком много вина.

Она села.

– Ладно. – Ганс откашлялся и криво улыбнулся. – Кому-нибудь налить?

Люди опять оживились, неестественно бойкие, слишком шумливые, нарочито веселые. Стоявшей сбоку, за пределами круга света, Элин привиделся страшный сон наяву.

На нее смотрел техник из конторы. У него были глаза Тори. Когда он отвернулся, на другом лице блеснула улыбка Тори. Люди беспокойно двигались, болтали и смеялись, как танцоры, изображающие вечеринку в какой-нибудь оперетте, и глаза Тори танцевали вместе с ними. Эти глаза перелетали с лица на лицо, появлялись то здесь, то там – каждый раз, когда кто-нибудь смотрел в сторону Элин. Тихий голос сказал:

– Нам суждено друг друга любить.

«Уходи, уходи, уходи», – в исступлении подумала Элин, и галлюцинация прекратилась.

Элин успокоилась и пробралась туда, где сидела Лэндис.

– Утром я улетаю, – сказала Элин.

Новая личность прижилась, краску с лица снимут перед самым отлетом, но это простая формальность. Ей разрешили уехать.

Лэндис подняла взгляд, и на миг все муки и сомнения проступили у нее на лице. Потом маска вернулась, и Лэндис ответила Элин с улыбкой:

– Держись подальше от экспериментальной религии, хорошо, девочка?

Они на мгновение обнялись.

– И помни, что я говорила тебе об ушибленной ноге.

Элин молча кивнула. Теперь она поняла, что вернулась назад в погребок именно к этой иезуитке – за советом и утешением. Она хотела сказать: «Послушайте! На миг я решила, что смогу вернуть Тори, – так же как он вернул Корал. Но когда я попыталась прорваться в компьютер, оказалось, что они усилили меры безопасности. Только сейчас до меня дошло, что Тори ушел навсегда, и я боюсь надеть глупостей и хочу, чтобы вы меня отговорили». Но Лэндис была и так удручена и могла не вынести лишних волнений. Нельзя взваливать на чужую ношу свою.

И Элин пошла домой, в хижину Тори.

Осталось преодолеть последнее искушение. Элин сидела посреди комнаты, держа на коленях терминал Тори: буквенно-цифровые обозначения успокаивали ее мягким зеленым светом. Мысли ее были о Тори. О его фразе: «Нам суждено друг друга любить», о его художавом теле, которое лежит рядом с ней в голубовато-бледном свете Земли. Элин думала, как будет без него жить.

Терминал, единственный из оставленных Тори предметов, хранил отпечаток его духа. Это была его игрушка, его дневник и его ящик для инструментов. В памяти терминала еще сохранилась серия программ «Троянский конь», над которой он работал, когда вдруг... перестал быть собой.

Одна из этих программ сделает ее богом.

Сквозь листья плюща Элин всматривалась в куполообразное небо. Темные контуры листьев не закрывали лишь несколько звезд, да и те то гасли, то вновь загорались в такт дыханию Элин. Она вспомнила, как Корал говорила, что скоро они будут вместе, обезличенные и оторванные от жизни, и только вмешательство Тори спасло от этой участи.

– Бог всегда выполняет обещания, – тихо сказал Тори.

Элин вздрогнула, опустила глаза и увидела, что трава в дальнем конце хижины движется. И вдруг быстро проглянуло такое знакомое насмешливо-печальное лицо ее возлюбленного. Трава продолжала колыхаться, и вот уже показалась голова и верхняя часть тела Тори.

Элин почти не удивилась. Конечно, и прежние появления Тори не были плодом ее воображения, это не призраки, порожденные ее горем. Ей просто не свойственны такие фантазии.

И все же Элин с опаской встала.

– Чего ты от меня хочешь?

Фигура из глины и травы поманила ее к себе:

– Пойдем. Тебе пора к нам.

– Я не программа, – судорожно шепнула Элин и стала пятиться. – Я сама за себя решаю!

Она повернулась и выбежала наружу, на свежий, целительный ночной воздух. Ночь обняла ее. Голова Элин сделалась ясной, к ней вернулось присутствие духа.

На верхней террасе легонько зашевелились листья жимолости. Плавно и постепенно они превратились в Корал, зрачки ее глаз были цветами. Но говорила она голосом Тори.

– Тебе не понравится быть богом, – сказал Тори, – но существу, которым ты станешь, – понравится.

– Дай мне время подумать! – крикнула Элин.

Она быстро зашагала прочь из жилого поселка, минуя разбросанные по полю валуны, к темному лугу.

Элин окутал царящий здесь покой. Она нуждалась в этом покое, чтобы выбрать между своей человеческой природой и Тори. Выбор был бы несложен, когда бы не боль утраты!

Она подняла взгляд к Земле, к миру, переполненному страданиями. Если бы она могла протянуть руку и стряхнуть с Земли все людские горести, они засыпали бы мироздание, погасили звезды и отравили все вокруг. Эта мысль давала если не утешение, то хотя бы маленькую надежду, ощущение, что она не так одинока, что ее печали лишь часть общих мук. Эти муки сопровождают человечество из поколения в поколение. Но люди продолжают жить.

И если все не сдаются, Элин не сдастся тоже.

Легкий шум заставил ее оглянуться на валуны. На каждом камне появилось лицо Тори, лица чуть-чуть отличались одно от другого, но все выражали любовь. Это странное многоликое видение показало Элин, насколько чужим стал для нее Тори, и она невольно содрогнулась.

– Твое желание сильнее страха, – произнес Тори, и слова запрыгали от лица к лицу. – Неважно, что ты сейчас об этом думаешь, но к утру ты будешь с нами.

Элин ответила не сразу. В руке у нее был терминал Тори. Маленький и почти невесомый. Она машинально захватила его с собой.

Над головой раздался тоскливый крик, потом еще и еще. Рядом с куполом козодои охотились за насекомыми. Элин не видела птиц: они летали слишком высоко, слишком быстро и в полной тьме.

– Цена чересчур высока, – сказала наконец Элин. – Можешь ты это понять? Ради тебя я не перестану быть человеком.

Элин подняла зажатый в руке терминал и бросила его как могла дальше изо всех сил. Она не слышала, как он упал.

– Прощай, Тори, – проговорила она. – Я все еще люблю тебя, но прощай.

Элин повернулась и пошла прочь.

Скалы у нее за спиной понимающе улыбались.

Зимняя сказка

Может, мне и не стоит рассказывать тебе о том далеком рождественском вечере из моего детства, прожитого в Каменном Доме. Я больше не доверяю собственной памяти с тех пор, как подцепил мозговую горячку. Скоро я выздоровею, и меня отправят прочь с этой планеты, на бог знает сколько световых лет от этой унылой луны, встающей за амбаром твоего отца, – но как же много было выжжено из моей памяти! Не исключено, что на самом деле ничего этого и не было.

Садись ко мне на колени, и я тебе расскажу. Это же просто колени. Еще ни одна женщина не была обесчещена коленкой. Вот ты смеешься, а это правда. Если б все было так просто!

Современная война особенно мерзка, потому что цель ее не столько в захвате территорий, сколько в том, чтобы вымотать противника, а для этого лучше калечить, чем убивать. Мертвое тело можно сунуть в мешок, сжечь и забыть о нем, а вот раненые требуют особенной заботы. Резервуары для регенерации, искусственная кожа, медицинский персонал, долгая реабилитация на ферме твоих родителей. Именно поэтому они будут менять оружие, рубить тебя допотопными каменными топорами, травить ядами и радиацией, чтобы вынудить твое руководство держать запас необходимых профилактических средств и особенных лекарств, штат людей, владеющих непостижимыми знаниями. Горчичный газ идеально подходит для их целей, и мозговая горячка тоже.

Я провалялся в госпитале несколько месяцев, утопая в море боли и бреда. И в мечтах видя только лед. Когда я очнулся, слабый и не вполне уверенный, что живой, целые фрагменты моей жизни исчезли, выжженные из памяти. Помню, как стоял на самом верху железного моста над Извелтаей, смеясь и швыряя в реку учебники, один за другим, пока мой лучший друг Феннвульф пытался уговорить меня сойти вниз.

– Я вступлю в милицию! Я буду солдатом! – истерически выкрикивал я.

Так я и сделал. Это я помню отчетливо, однако совершенно не помню, что предшествовало этой нелепейшей сцене, как не помню имени моей второй старшей сестры, хотя вижу ее лицо так же ясно, как твое сейчас. Прорехи зияют в самых неожиданных местах моей памяти.

Тот рождественский вечер – единственный островок уверенности в мятущемся море моих воспоминаний, он возвышается в памяти так же несокрушимо, как и сам Каменный Дом, пещера эпохи неолита, где мы вели жизнь настолько примитивную, что я не в состоянии понять, в какой же исторической эпохе мы жили. Время от времени мужчины возвращались с охоты, один или два ларла бежали впереди, довольные, с осоловелыми глазами, окровавленные копья выстраивались у стены, и может даже быть, что мы жили тогда на Старой Земле. В другие моменты, когда включались проекторы, чтобы наполнить общий зал разноцветными огнями, когда искры света опускались на ветви праздничной елки и холодное, безобидное пламя танцевало на лицах гостей, тогда казалось, что мы живем в куда более позднюю эпоху, в какой-то мифологизированной провинции из будущего.

В доме царило оживление: пять семей собрались на ежегодный праздник, приехали дальние родственники и еще несколько друзей, – в общем, нам пришлось перетаскивать мебель на захламленный чердак и устраивать постели в тех частях дома, которые обычно закрывались на зиму; даже в коридорах стояли раскладушки и лежали пухлые тюфяки. Женщины носились по дому, пристраивая стариков где только можно, опускали одного в кресло, взбивая его, словно подушку, другого подвешивали над столом и для пущего эффекта начесывали ему усы. Приятные хлопоты.

Вернувшись из кухни, откуда меня шуганула какая-то незнакомая громадная женщина с веснушчатыми руками, до локтей перепачканными мукой, я застал врасплох Сьюки и Джорджа, которые целовались в укромном уголке за большим камином. Они обнимались, а я стоял и

смотрел. Сьюки улыбалась, ее круглые щеки пылали. Одной рукой она откинула назад волосы, чтобы Джордж мог целовать ее ухо, при этом она немного повернулась и увидела меня. Она ахнула, они разомкнули объятия, оба напуганные и покрасневшиеся.

Сьюки дала мне печенье, темное от патоки, украшенное сверху одинокой изюминой в кристалликах сахара, а Джордж стоял и дулся. Потом она оттолкнула меня, я услышал ее смех, когда она схватила Джорджа за руку и повлекла куда-то в темную, лесную часть дома.

Пришел отец в заляпанных грязью сапогах, бросил связку подстреленных птиц на шкаф с охотничьими трофеями. Он повесил на крючки ненатянутый лук и колчан со стрелами, затем оперся локтем на шкаф, принимая от матери, одарившей его восхищенным взглядом, горячее питье. Ларл прошел мимо, тихий, отяжелевший и довольный. Я завернул за угол вслед за ним – меня охватило давнее желание прокатиться верхом на этом звере. Я так и видел себя триумфально гарцующим перед кузенами на спине черного хищника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.